

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

Демьян Бедный

1

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1953*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

*СТИХОТВОРЕНИЯ, ЭПИГРАММЫ,
БАСНИ, СКАЗКИ, ПОВЕСТИ*

1908 — октябрь 1917

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1953*

*Составление, подготовка текста
и вступительная статья*
А. А. ВОЛКОВА

Примечания
П. С. ЭВЕНТОВА

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Демьян Бедный вошел в историю советской литературы как один из ее основоположников, выдающийся мастер поэтического слова. Его мужественная, всегда насыщенная острым политическим содержанием поэзия — сатира и патетическая лирика, поэмы, басни и эпиграммы — была глубоким выражением чувств и дум, чаяний и надежд народа. Творчество поэта представляло собой художественную летопись борьбы, подвигов и достижений великого русского народа. Советское правительство уже в 20-е годы высоко оценило своеобразную и огромную по размаху деятельность Демьяна Бедного. В обращении Президиума ВЦИК в связи с награждением поэта орденом Красного Знамени он был назван «поэтом великой революции». «Произведения ваши,— говорилось в обращении,— простые и понятные каждому, а поэтому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы».

Неразрывная связь с революцией, ясность, доступность широким трудящимся массам — таковы отличительные особенности поэзии Бедного. Они проявились еще в его дооктябрьском творчестве, они кристаллизовались и углублялись по мере идейного роста поэта, его активного участия в борьбе за победу революции, за победу социализма в нашей стране.

* * *

Детство Ефима Алексеевича Придворова, будущего пролетарского поэта Демьяна Бедного, было тяжелым и безрадостным.

Родился он в 1883 году, в деревне Губовке, Херсонской губернии, в крестьянской семье. Первые годы жизни провел в

Елизаветограде, где обосновался его отец, Алексей Придворов, ушедший из деревни на заработки. Семи лет мальчик вновь попал в Губовку. Ему пришлось испытать там голод и холод, побои измученной и озлобленной непосильным трудом матери. Единственным близким мальчику человеком был в эти годы его дед Софрон, отличавшийся большой житейской мудростью, душевной добротой и чистотой. О нем, уже став поэтом, Бедный вспоминал в ряде своих стихотворений. Окончив сельское училище, мальчик поступает в Киевскую военно-фельдшерскую школу. Любознательный и способный подросток успешно учится, с увлечением читает произведения Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. В эти же годы он и сам пробует писать. В конце 90-х и начале 900-х годов появляются в печати первые, очень слабые, подражательные стихи Е. Придворова. Два из них были напечатаны в газете «Киевское слово» за 1899 год, одно — в «Сборнике русских поэтов и поэтесс» 1901 года.

По окончании военно-фельдшерской школы Е. Придворов попадает на военную службу, которая тяготит его. Заветною мечтою юноши был университет. Успешно выдержав экстерном экзамен за восемь классов гимназии, Е. Придворов получает аттестат зрелости и в 1904 году поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Пребывание в университете совпало с нарастанием в стране освободительного движения, завершившегося первой русской революцией. Этот революционный подъем сказался на настроениях студенчества, горячо сочувствовавшего борьбе народа с самодержавием. Окружавшей его передовой молодежи Ефим Придворов был в значительной степени обязан коренным переломом в своих ранее благонамеренных обывательских настроениях, которые привили ему царская военная школа и армия. «После четырех лет новой жизни, новых встреч и новых впечатлений,— вспоминал он впоследствии,—после ошеломительной для меня революции 1905—1906 годов и еще более ошеломительной реакции последующих лет я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение»¹.

И в годы реакции, последовавшей за первой русской революцией, стихотворения поэта были насыщены пафосом демократических идей. Уже в этих стихотворениях, обличавших зверские расправы самодержавия с народом, выражалась надежда на близость

¹ Д. Б е д н ы й, Автобиография, сб. «Старое и новое», 1928, изд. ЗИФ, стр. 12.

перемен в общественной жизни страны, на «конец лихолетья», реакции. Молодого поэта одушевляла глубокая вера в победу восставшего народа, который произнесет суровый приговор царским палачам («Сынок», «О Демьяне Бедном, Мужике Вредном», «Чудных три песни...» и др.). Не случайно некоторые из ранних стихов Придворова были или отклонены редакцией либерально-народнического «Русского богатства», или запрещены цензурой и появились значительно позже в большевистской газете «Звезда». Однако в годы столыпинской реакции Е. Придворов не осознает еще всей сложности социальных противоречий окружающей его действительности, не выходит в своем творчестве за рамки общедемократических идей. Характер и пути грядущей революции пока еще не ясны для него. Только сближение с большевистской печатью и — через нее — с партией и ее руководителями идейно воспитывает поэта, формирует его мировоззрение, превращает писателя-демократа Е. Придворова в поэта передового революционного пролетариата — Д. Бедного. Связи поэта с большевистской прессой устанавливаются 1911 года, со времени его работы в газете «Звезда». Революционный подъем 1912—1914 годов способствовал оживлению пролетарской литературы. Накануне первой империалистической войны вокруг легальных большевистских изданий, одним из которых являлась и газета «Звезда», объединяются передовые пролетарские писатели, бывшие в то же время профессиональными революционерами: А. А. Богданов, А. Гмырев-Михайлов, Л. Зилов и др. В их среду и входит молодой поэт Е. Придворов.

Вспоминая о начале его сотрудничества в «Звезде», правдист М. Ольминский писал: «Демьян Бедный не был новичком в печати. Его стихотворения за подписью «Е. Придворов» появлялись в народнических и кадетских изданиях. Он не был марксистом, но внутренне тяготел к наиболее левым течениям. И когда стала выходить «Звезда» чисто большевистского характера, он почувствовал к ней особую симпатию; сначала стали получаться по почте его стихи, а затем явился и сам автор. Вскоре он стал посещать ночную редакцию (в типографии) чуть ли не ежедневно. Здесь, в дружеских беседах, среди ночной газетной сутолоки, проявилась в Е. Придворове потребность в боевых литературных выступлениях, и родился на свет баснописец Демьян Бедный. Его очень быстро стал высоко ценить т. Н. Ленин, тогда как многие другие товарищи долго коснулись на прищельца».

Трудно переоценить идейное влияние большевистской прессы на Е. Придворова. Несомненно, что и общение его с редакторами и сот-

рудниками «Звезды», «дружеские беседы» с ними, о которых говорит Ольминский, и чтение работ В. И. Ленина и И. В. Сталина — все это воспитывало молодого поэта, вело его в лагерь передового пролетариата. Именно в «Звезде», а потом в «Правде» формируется талант поэта революции Д. Бедного. Позже, вспоминая об этом периоде своей жизни, он говорил: «Мои перепутья сходились к одной дороге. Идейная сумятица кончалась. В начале 1912 года я был уже Демьяном Бедным»¹.

Творчество Демьяна Бедного накануне первой мировой войны приобретает новые черты и качества. Его гражданская патетическая лирика теряет свойственную ей ранее абстрактность. Теперь в его стихотворениях ощущается более отчетливое понимание социальных противоречий. Все яснее осознается поэтом руководящая роль пролетариата в освободительной борьбе с угнетателями и поработителями народа. На ленский расстрел Д. Бедный ответил страстным, гневным стихотворением «Лена», в котором требовал возмездия палачам трудового люда. Знаменательно напечатанное в первом номере дооктябрьской «Правды» стихотворение «Полна страданий наших чаша...». Старая тема о беспределности горя народного, о переполненной уже чаше народных бедствий получает здесь свое новое решение. Демьян Бедный зовет пролетариат к борьбе с самодержавием и твердо верит в конечную победу революции.

Не случайно, что в это время ведущим жанром в творчестве Д. Бедного является сатира. Жанр басни был действенным и острым оружием в борьбе с многочисленными врагами пролетарского революционного движения. Весьма знаменательно, что в эти годы Горький создает сатирические «Русские сказки», в которых беспощадно обличает многоликих врагов трудовых масс России.

Подобно Горькому, Демьян Бедный использует давно испытанное оружие сатиры. Необычайно широк круг тем и идей его произведений кануна первой империалистической войны. Ни одно сколько-нибудь значительное явление общественно-политической жизни страны не ускользало от внимания поэта. Бесправное положение пролетариата и крестьянской бедноты, зверская эксплуатация трудящихся буржуазией («Пари», «Гастроном», «Молоко», «Ложка»), откровенный грабеж крестьянства чиновниками, хищническая политика по отношению к нему царского правительства («Притон»,

¹ Д. Б е д н ы й, Автобиография, сб. «Старое и новое», 1928, изд. ЗИФ, стр. 12.

«Хоровод»), пробуждение классового самосознания пролетариата и деревенской бедноты («Май», «Лапоть и сапог», «Гипнотизер», «Народник», «Поют»), борьба большевиков за интересы трудящихся масс против буржуазных партий и оппортунистов, разоблачение меньшевиков-ликвидаторов («Кукушка», «Бунтующие зайцы», «Ерши и вьюны», «Кашевары», «Слепой и фонарь»), беспощадное разоблачение полицейско-самодержавного строя («Гастролер», «Столп отечества», «Натуралист», «Трибун») — все это находит отражение в баснях Бедного, оценивается поэтом с позиций передового пролетариата и его партии.

В искусстве создания басни Бедный опирался на богатейшее наследие Крылова. Но он не был простым подражателем Крылова, он внес в басню острую политическую мысль и революционное понимание общественной жизни. Эту особенность своего басенного творчества отметил позднее сам поэт в стихотворении «В защиту басни»:

Крылов... Не мне снижать его талант огромный:
Я — ученик его, почтительный и скромный,
Но не восторженно-слепой.
Я шел иной, чем он, тропой.
Отличный от него по родскому корню,
Скотов, которых он гонял на всдопой,
Я отправлял на живодерню.

Демьян Бедный с неистощимой изобретательностью обходил рогатки цензуры и расширял круг своих читателей. С этой целью он печатал свои произведения не только в руководящей большевистской прессе, но и во многих находившихся под влиянием партии профессиональных журналах: «Металлист», «Текстильный рабочий», «Вестник приказчика» и др.

Одной из характерных черт стиля Басен Демьяна Бедного является эзопов язык, который давал поэту возможность выразить в подцензурной прессе свои революционные политические взгляды. Эзопов язык имеет в русской литературе свою длительную историю, к нему прибегали революционные демократы во главе с Чернышевским, отстаивавшие свои политические взгляды в борьбе с публицистами-реакционерами. К нему обращались Некрасов и Салтыков-Щедрин, давшие превосходные образцы эзопова языка.

Демьян Бедный продолжил эту традицию русской революционной литературы и публицистики. Поднимая самые злободневные вопросы современности на страницах легальных партийных

газет, подвергавшихся непрерывным гонениям цензуры, поэт широко применял различные формы эзопова языка. Так, он часто использует эпитафии, причем самые, казалось бы, невинные из них служат поэту для раскрытия политического смысла басни. Часто обращается Бедный и к приему неожиданных, броских концовок, ярко раскрывающих идею басни, ее политический «адрес».

Д. Бедный с его природным юмором и сатирическим темпераментом нашел в басне свое подлинное призвание. Острая наблюдательность, чувство деталей, полемичность, афористичность стиля — все это имеет место в баснях Демьяна Бедного, дающих многообразную картину русской предреволюционной действительности. Риторические, ораторские приемы заменяются в басне приемами живой разговорной речи, окрашенной народным колоритом.

Поэт довел до совершенства мастерство диалога, умело используя формы и обороты живой крестьянской речи с присущими ей юмором и хитрецей. Баснописец обнаружил превосходное знание крестьянского быта, речи, обихода. Меткое народное словцо оказалось емким и действенным в борьбе с либерально-народническим словоблудием.

Острая политическая сатира Бедного, непрестанно и упорно разившая «хозяев жизни», бывшая по «устоям» самодержавия, вызывала бешеную злобу представителей реакции. За поэтом велась непрерывная слежка; газеты, где публиковались его стихи и басни, подвергались многочисленным конфискациям. В 1913 году Бедный был арестован, но вскоре освобожден за недостатком улик. Его стихи и басни встречали восторженный прием читателей «Звезды» и «Правды», высоко оценивались руководителями большевистской партии. Пристально наблюдал за творчеством поэта В. И. Ленин. После выхода в свет первого сборника басен Бедного в 1913 году Ленин обратил на эту книгу внимание А. М. Горького¹. В одном из писем в редакцию «Правды» Ленин, подчеркивая прежде всего сильные стороны таланта Бедного, требовал оградить поэта от мелочной и придиричливой критики. «Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть* за. Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, *не*

¹ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 66.

поможете ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!»¹

Значительно позднее, вспоминая о помощи партии и ее вождей, руководивших его «басенной пристрелкой», Демьян Бедный с чувством горячей благодарности писал:

И можно ли забыть, чьим гением она
Была тогда оценена?
Чтоб я не бил по дичи мелкой,
А бил по зубрам бы, бродившим по лесам,
И по свирепым царским псам,
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко *Ленин* сам.
Он — издали, а *Сталин* — был он рядом,
Когда ковались им и «*Правда*» и «*Звезда*»,
Когда, окинувши твердыни вражьи взглядом,
Он мне указывал: «Не худо б вот сюда
Ударить басенным снарядом!»

Этот интерес вождей революции к талантливому баснописцу был вызван прежде всего тем, что Бедный являлся одним из наиболее ярких представителей новой, пролетарской литературы, что его поэзия оказывала неоценимую помощь партии в политическом воспитании широких трудящихся масс.

«Басенные снаряды» поэта продолжали рваться в стане врага и в труднейшие для партии большевиков годы первой империалистической войны.

В эти годы Бедный был уже убежденным большевиком-ленинцем. Как известно, война 1914—1917 годов была войной захватнической, и большевики боролись за перерастание войны империалистической в войну гражданскую. Большевистская партия пропагандировала идеи интернационализма, братской солидарности трудящихся всех воюющих стран. Поэзия Бедного 1914—1917 годов выражает именно этот большевистский взгляд на характер и сущность империалистической войны.

Возвратясь в 1915 году с Западного фронта, где он служил военным фельдшером, Демьян Бедный налаживает связи с деятелями большевистской партии, находившимися в подполье, сближается с Горьким, который в эти годы был признанным руководителем пролетарской литературы. Вместе с Горьким и Серафимовичем он обрушивается на продажную буржуазную литературу, пытавшуюся одурачить народные массы лозунгом «защиты отечества», широко пропагандировавшую квасной патриотизм, защиту «царя и отечества».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 68.

Апологетам войны посвящено очень острое и меткое стихотворение Бедного «Баталисты»:

На все наведена искусно позолота.
Идеи мирные, как шелуху, отвеяв,
Бытописатели российского болота
Преобразились в Тиртеев.
Победно-радостны, нахмутив грозно брови,
За сценкой боевой спешат состряпать сценку:
С еще дымящейся, горячей братской крови
Снимают пенку!

Трудно было выразительнее сказать о политической продажности писателей-реакционеров типа Сологуба, Мережковского, а также переметнувшихся в лагерь реакции бывших «знаньевцев», таких как Чириков и др.

В годы войны Д. Бедный работает над переводом басен Эзопа. Из многочисленных произведений древнегреческого баснописца он выбирает те, которые могли восприниматься читателем, как отклик на злобу дня. Большевицкая пресса во время войны жестоко преследовалась, и Демьян Бедный для обхода цензурных рогаток попрежнему использовал все легальные возможности, помещая свои стихи в буржуазных журналах «Современный мир», «Жизнь для всех», в специальных изданиях (например, басня «Пушка и соха» была напечатана в кооперативном журнале «Объединение»). Многие произведения Бедного, несмотря на все попытки поэта опубликовать их, так и не могли быть напечатаны до революции («Морока», «Усы да борода» и др.).

Поэт беспощадно обличал прикрытые лицемерными покровами «вечные истины» буржуазного общества и буржуазной морали, обнажал мерзость и запустение, царящие в эксплуататорском обществе, создавал сатирическую галерею врагов народа: лицемеров и ханжей, насильников и стяжателей, наживавшихся на бедствиях народа. В эти годы шовинистического угара Д. Бедный мужественно славит великую силу мирного труда народа («Пушка и соха»), разоблачает империалистов, представителей царской власти («Феак», «Анчутка-заимодавец» и др.). В стихотворении «Приказано, да правды не сказано», позднее включенном в повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю», проводится мысль о непримиримой противоположности интересов народа и интересов эксплуататоров, вскрывается грабительский характер империалистической войны:

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой идти приказано:
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку,
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

Об этом сатирическом стихотворении, разоблачавшем лицемерно-крикливые лозунги Временного правительства, продажная буржуазная газета «Биржевые ведомости» писала, что в «шестнадцати строчках этой песни содержится вся соль, весь яд той большевистской проповеди, которая разложила столько частей нашей армии».

Временное правительство, ставшее у власти после победы Февральской революции, попрежнему проводило империалистическую политику царизма, оно призывало народ продолжать войну до победного конца, проповедовало легенду о «единстве интересов всех классов» русского общества перед лицом «общей опасности». Временное правительство готовилось упразднить все те завоевания, которые были достигнуты народом в ходе Февральской буржуазно-демократической революции. В связи с этим перед большевистской партией встала задача — разъяснить рабочим и солдатам, что пока власть принадлежит буржуазному правительству, а в Советах хозяйничают меньшевики и эсеры, народ не получит ни мира, ни земли, ни хлеба, что для полной победы необходимо передать власть Советам.

Этими задачами полностью определялось и творчество Демьяна Бедного в период от февраля до октября 1917 года.

В этот период сатира Демьяна Бедного становится еще более острой, резко усиливается ее боевой наступательный дух, она разnobразится и в жанровом отношении. Д. Бедный создает фельетоны в стихах, эпиграммы, памфлеты, песни («Петельки», «Народная примета», «Либердан», «Социал-запки» и др.), наносившие меткие удары по Временному правительству, русской буржуазии и ее прихвостням, меньшевикам и эсерам.

Разоблачая многочисленных врагов народа, Демьян Бедный в то же время стремится показать народным массам уже пройденный

ими путь, сказать о достигнутых ими в ходе революционной борьбы успехах. Всю сложность этого пути было невозможно воссоздать в произведениях малой формы, и Демьян Бедный пишет свое первое крупное произведение — стихотворную повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю». В повести воссоздан ход исторических событий в России за период от первой мировой войны до октября 1917 года, отражена деятельность большевистской партии, политически воспитывавшей народ, готовившей его к борьбе с угнетателями.

В начале повести перед читателем разворачивается, казалось бы, традиционная история двух любящих молодых людей, но в их личной судьбе воплощена судьба многомиллионных масс русского крестьянства. Война разлучает Ваню и Машу, и соответственно этому в повести развиваются две параллельные сюжетные линии. Ваня оказывается в центре событий, происходящих на фронтах империалистической войны и в революционном Петрограде. Маша сначала живет в деревне, батрачит у кулака, а затем попадает на фабрику в Москву. Такая композиция дает поэту возможность воспроизвести широкую панораму русской действительности в годы империалистической войны, показать судьбы рабочих, солдатских и крестьянских масс в этот период, рост их самосознания, постепенное постижение ими правды большевизма.

Образы путиловского слесаря Клим Козлова и деревенского парня Вани, поданные хотя и несколько схематично, отражали весьма существенные исторические сдвиги в жизни народа — все более крепнувший союз пролетариата и трудового крестьянства. В образе Вани запечатлены лучшие черты русского национального характера: честность, смелость, горячий патриотизм, любовь к свободе и справедливости. Верный жизненной правде, поэт рисует в повести всю сложность и трудность пути темного крестьянского парня к осознанию правды большевистских идей.

Значительностью идейного содержания повести «Про землю, про волю...», ее тематической широтой определяется и художественное своеобразие этого произведения. В работе над ним Бедный творчески использует поэтическое наследие русских классиков и замечательные традиции русского фольклора. Нашей критикой не раз отмечалась связь повести «Про землю, про волю...» с произведениями Некрасова, посвященными крестьянской жизни. Это родство проявляется в подлинно народном восприятии Бедным исторических событий, и в самой системе образов, и в народно-поэтической лексике, и даже в прямом воспроизведении имен некрасовских героев и названий

деревень. Так, в повести Бедного образы крестьян-правдоискателей Тита и Вани, смелой волевой девушки Маши напоминают героев произведений Некрасова («Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо»); отдельные персонажи прямо взяты из поэмы Некрасова (Яким Нагой), названия деревень также созвучны некоторым некрасовским (деревня Босово). Близок некрасовскому и плавный сказовый стих отдельных фрагментов повести («Письмо Якима Нагого»).

Особенно отчетливо проявляется в художественной структуре повести ее связь с устным народным творчеством. Бедный вводит в свою повесть издавна бытовавший в народе свободный стих — рашник, использует побывальщину, частушку, крестьянские и солдатские песни, сказки, яркие образчики городского фольклора и т. д. Наполненные острым социальным содержанием, употребляющиеся всегда в прямой зависимости от описания тех или иных событий, от характеристики тех или иных классов общества, эти поэтические формы помогали Бедному необычайно точно и выразительно воспроизводить историческое своеобразие эпохи. Меткий, сочный, образный язык повести также непосредственно связан с народным творчеством.

Повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю» явилась одним из наиболее значительных произведений новой, социалистической литературы. Повесть отличается высокой идейностью, правдивым изображением политических событий своего времени, простой, доступной и высоко художественной формой. Воспевая революционную героиню масс, рисуя представителей различных классов, политических партий, группировок, сатирически разоблачая врагов народа, под какой бы маской они ни скрывались, повесть Бедного призывала к активному вмешательству в жизнь, к ее коренному революционному преобразованию, являлась образцом действенного, подлинно боевого искусства.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед поэзией Д. Бедного новые, широкие горизонты. Поэт говорит теперь «во весь голос». Как и в предыдущие годы, основное направление его творчества находится в неразрывной связи с жизнью трудового народа, с задачами, вставшими перед партией большевиков и советским правительством после победы над самодержавием и буржуазией. Борьба за укрепление молодого советского государства, за упрочение побед, достигнутых героическими усилиями пролетариата и трудового крестьянства, становится ведущей темой поэзии Демьяна Бедного эпохи Октябрьской революции и гражданской войны.

Значительно позднее в стихотворении «Смелей!» (1933), как бы подводящем итог его многолетней писательской работе, сам Д. Бедный определил основное содержание своих стихов тех лет:

Мой голос в годы фронтовые
Подобен часто был трубе.
Писал я песни боевые
И призывал народ к борьбе.

К борьбе с судьбой былой, кровавой,
К борьбе с попом и кулаком,
К борьбе с помещицьею оравой,
С Деникиным и Колчаком.

Стихи Демьяна Бедного «фронтовых годов» рождались как живой, злободневный отклик на события гражданской войны, непосредственным участником которой был сам поэт. Они носили ярко агитационный характер, объясняли смысл гражданской войны, направленной на защиту интересов трудового народа, советского государства, призывали народ к необходимости активного участия в борьбе со своими угнетателями. Таковы, например, стихотворная повесть Бедного «О Митьке-бегунце и об его конце», завоевавшая исключительную популярность песня «Проводы» и др.

Своим сатирическим острием поэзия Бедного была направлена против внешних и внутренних врагов советской России. Многообразные по жанру, чрезвычайно меткие, острые стихи поэта разоблачали белогвардейский лагерь, его рабскую зависимость от иностранных захватчиков-интервентов. Рисуя сатирические портреты Врангеля, Юденича, Деникина и др., поэт вскрывал истинную подоплеку деятельности этих «освободителей отечества», их стремление отнять у народа завоеванную им свободу, вновь дать ему «крест, казенку и нагайку, вместо воли и земли» («Фронтовые частушки», «Манифест Юденича», «Манифест барона фон Врангеля», «Красная конница на Южном фронте» и др.).

Поэзия Д. Бедного отличалась политической точностью и меткостью сатирических стрел. Она поднимала боевой дух красноармейцев. Многие стихи Бедного были обращены прямо к «обманутым братьям» — солдатам русских белогвардейских или иностранных войск. Напечатанные в виде листовок, эти стихи часто сбрасывались с самолетов. Было не мало случаев, когда под влиянием этих листовок солдаты белых армий переходили в ряды красноармейцев.

Наряду с острой политической сатирой в поэзии Бедного периода гражданской войны значительно большее место, чем в его дорево-

люционном творчестве, занимает лирический жанр. Его патетическая лирика органически связана с политическими событиями. Она возникла как отклик на эти события, всегда была агитационной, призвала к борьбе с врагами, утверждала веру в победу народа. Характерными образцами лирики этих лет могут служить «Коммунистическая марсельеза», «На защиту красного Питера», «Красноармейская звезда» и многие другие стихотворения. Сатира и лирика Бедного периода гражданской войны пользовались огромной популярностью на фронте и в тылу. Многие стихи, песни, частушки поэта прочно вошли в народный обиход, вызвали многочисленные подражания; имена отдельных героев произведений Бедного становились нарицательными (например, Митька-бегунец из повести «О Митьке-бегунце и об его конце»). Поэт прекрасно владел мелодией народного песенного стиха, устоявшейся народной лексикой, пословицами, поговорками. Чаще всего этот фольклорный материал использовался им в стихотворениях, разоблачавших врагов советской страны («Девичья песня», «Всем сестрам по серьгам» и т. д.), но иногда он находил себе место и в агитационной, патетической лирике. Таковы, в частности, песни и беседы деда Софрона, одного из любимых персонажей поэзии Бедного эпохи гражданской войны, воплощающего в себе одновременно и типические черты народного сказителя, и черты крестьянина, принявшего всем сердцем новую, революционную правду.

Большинство стихов поэта военных лет прочно утвердилось в его литературном наследии, завоевало признание и любовь народа. Об этом свидетельствует огромное по тем временам количество изданий произведений Бедного: за период гражданской войны вышло из печати около сорока его книг и брошюр общим тиражом в полтора миллиона экземпляров.

Революционный поэт вел неутомимую борьбу против всех и всяческих буржуазных течений в литературе того времени.

Уже в годы гражданской войны Д. Бедный резко выступил против «теоретиков» «Пролеткульта», нигилистически относившихся к культурному наследию прошлого, пытавшихся отгородиться от жизни, противопоставлявших себя партии.

В двадцатые годы Д. Бедный продолжает пристально следить за борьбой на литературном фронте, активно выступает в защиту идейности и реализма советской литературы, разоблачает носителей формализма, эстетства, безидейности, их враждебные вылазки в искусстве («Вперед и выше!», «Бил бы лбом», «Еще раз о том же» и др.). Так, например, стихотворение «Бил бы лбом» вскрывало зави-

симось творчества поэтов-«пролеткультовцев» от буржуазного эстетского, салонного «чистого искусства», призывало их «снизиться с дьявольских высот», отойти от «сверхмировых масштабов» и связать свою поэзию с живой повседневной действительностью советской страны. Бедный резко противопоставляет себя всем литературным группировкам, враждебным подлинно народному искусству, и в стихотворении «Вперед и выше!» (1924) ясно определяет основные принципы своей поэтической работы:

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны,—
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.
.....
Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературищины гнилой!

В речи на совещании пролетарских писателей 6 января 1925 года Демьян Бедный требовал от писателей своим творчеством отвечать на запросы массового многомиллионного читателя, — «говорить так, чтобы вас слушали... писать так, чтобы вас читали».

Поэтическая работа Д. Бедного двадцатых годов характеризовалась прежде всего тесной связью с жизнью советского государства, исключительной актуальностью и злободневностью. Перо поэта служило укреплению социалистического государства, борьбе с его внутренними и внешними врагами, воспитанию нового, советского человека.

Одним из первых крупных и наиболее значительных произведений Д. Бедного этих лет, своего рода связующим звеном между его творчеством эпохи гражданской войны и восстановительного периода явилась поэма «Главная Улица» (1922). Эта поэма как бы подводила итоги завоеваниям трудящихся масс России и говорила о значении их опыта для развития революционного движения в капиталистических странах, народы которых последуют примеру героического русского пролетариата и трудового крестьянства.

В гиперболически преувеличенных образах персонажей «Главной Улицы» — дельцов, ростовщиков, банкиров, в могучем былинном образе восставшей «черни» разворачивается эпическое изображение эпохи, показан величественный размах революционных событий. Гиперболизация образов «Главной Улицы» служит средством их реалистической характеристики. В поединке обитателей Главной

Улицы с былинными народными героями побеждает народ, его неукротимо-революционная энергия.

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.

Бедный опоэтизировал подлинного хозяина мира — народ, трудом которого созданы все ценности на родной земле.

Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье —
Это — мое!!.
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье —
Это — мое!!.

Верность лучшим традициям прогрессивной русской литературы помогла Демьяну Бедному нарисовать эпическую картину борьбы русского народа со своими угнетателями и его окончательной победы. Но Октябрьская революция мыслится поэтом как начало ряда пролетарских революций на «мировом проспекте». В эпилоге поэмы «закаленные резервы» идут на штурм капитала, «на последний всемирный редут».

Поэма является прекрасным образцом реалистической поэзии Бедного. Глубина идейного содержания, проникающий ее революционный пафос определяют четкую форму произведения, строгую и суровую простоту и вместе с тем торжественность его стиха.

Целый ряд стихотворений Демьяна Бедного начала двадцатых годов направлен против белой эмиграции и предательской политики меньшевиков. Поэт разоблачает этих оголтелых врагов народа, строящих фантастические планы «победы над коммунизмом» и возвращения в Россию в роли ее «спасителей» («Зменное гнездо», «Либерал», «Сверхлиберал», «От жизни к тленью», «После ужина горчица», «У последней черты» и др.). Бедный высмеивает нелепость этих замыслов и ту жалкую роль прихвостней иностранной буржуазии, которую играли русские белые эмигранты за рубежом («Обманутая мадам», «Два уголька» и пр.). В стихотворении «Предателям», написанном по поводу кронштадтского мятежа, поэт бичует «превосходительных подлецов», белых офицеров, попытавшихся захватить власть в Кронштадте. Стихотворения «Ось», «Вот именно», «Все ясно» написаны в связи с судебным процессом над правыми эсерами, «работавшими» по заданию иностранных капиталистов. Поэт сравнивает

этих презренных врагов народа с «осатанелым роем ос», показывает ненависть к ним трудящихся советской страны, высмеивает попытки агентов международного империализма — русских и иностранных социал-предателей — защитить весь этот сброд от справедливого гнева народа («Меньшевистская плачя», «Не политическое ратоборство, а юридическое крючкотворство», «Вандервельде в Москве», «Волчья защитница» и др.). В это же время Д. Бедный создает большой цикл сатирических стихов, разоблачающих международную реакцию, происки империалистических хищников.

Победоносное окончание гражданской войны, переход к мирному строительству, восстановлению разрушенного народного хозяйства — все это вызывало бешеную злобу международного капитала, рассчитывавшего на крах советской власти. Империалисты изыскивали все и всяческие средства для нанесения ударов молодому рабоче-крестьянскому государству. Грязная закулисная заговорщическая политика иностранных капиталистических держав и раскрывалась Демьяном Бедным в его сатирических стихах на международные темы. Поэт разоблачал истинные цели «мирных» международных конференций, писал о гонке вооружений на западе, о провокационных попытках к развязыванию новой войны с Советским Союзом («Вашингтонское разоружение», «Политики с большой дороги», «Великий памятник»), называл имена американских, английских и французских поджигателей войны. Многие из этих стихов перекликаются с сегодняшним днем, кажутся прямо направленными против тех, кто за разглаговльствованиями о мирных договорах, о защите своих границ скрывает гнусные планы экспансии, захвата и грабежа чужих территорий.

В произведениях на международные темы Бедный выступает блестящим мастером политической сатиры. Скупыми, четкими штрихами он создает исключительно острые, надолго запоминающиеся портреты империалистических хищников, открытых или маскирующихся врагов Советского Союза — Макдональда, Керзона, Бриана, Ллойд-Джорджа и др. Баснописец и сатирик мастерски сумел вскрыть всю несостоятельность их бредовых агрессивных планов.

Неутомимый борец за мир, верный патриот своей родины, Демьян Бедный страстно воспекает героические трудовые будни молодого советского государства. Первый же год мирной жизни нашей страны ознаменовался важнейшим решением партии о переходе к новой экономической политике (нэп), которая была принята в 1921 году X съездом партии. Не все советские писатели сразу поняли сущность генеральной тактики большевистской партии в области экономики,

значение нэпа для восстановления разрушенной промышленности. Некоторые из них испытывали растерянность, расценивали нэп как сдачу завоеванных позиций капитализму. Демьян Бедный в определенной степени также поддался этим настроениям («На перевале», «Плакаты» и др.). Но указания партии и высказывания В. И. Ленина помогли ему быстро изжить свои ошибки, правильно понять особенности внутреннего положения в стране, оценить всю гениальность тактики большевиков. В ряде стихотворений он дает правильную, основанную на ленинских высказываниях оценку нэпа как временного отступления для последующего завоевания социализмом командных высот. В стихотворениях «В тумане», «Азбука», «Алтынники» он обличает как нэпманов, так и маловеров-нытиков, не понявших мудрой политики партии.

Одной из центральных тем творчества Бедного 20-х годов становится тема труда. Основываясь на указаниях партии, поэт последовательно проводит мысль о том, что именно в созидательном творческом труде масс должно видеть залог грядущей победы коммунизма.

Вместе с Горьким, Маяковским, Gladковым и другими советскими писателями Демьян Бедный воспевал труд, обретающий в новых условиях советской действительности особое значение. Д. Бедный создает и образ героя нашего времени—строителя социализма. В трудовых буднях простых советских людей поэт увидел величайший героизм, все укрепляющуюся социалистическую сознательность масс.

С большой реалистической силой образ нового человека поэт рисует в стихотворении «Тяга», которое И. В. Сталин в письме к Демьяну Бедному от 15 июля 1924 года назвал «жемчужинкой». В этом письме указывалось на необходимость воссоздавать в художественной форме богатейшую панораму социалистического строительства, рисовать героев раскрепощенного труда: «Если Вы не видали еще лесов нефтяных вышек, то Вы «не видали ничего», — писал И. В. Сталин. — Уверен, что Баку даст Вам богатейший материал для таких жемчужинок, как «Тяга»¹.

В стихотворении «Тяга» скромный советский труженик и по важности совершенных им дел и по его духовным и моральным качествам стоит неизмеримо выше западноевропейских или американских богачей, мнящих себя «солью земли». Герой «Тяги» — железнодорожный рабочий Емельян Димитренко, будни которого — великий пример трудового подвига, сознательного служения идеям коммунизма. Несмотря на материальные трудности, которые испытывает он и его

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 275.

семья, он «приветлив, бодр, проворен», всем сердцем предан своей отчизне. Это — истинный советский патриот, сильный сознанием своего превосходства над «любым Ротшильдом, Фордом».

В гуще народной жизни находит поэт и других своих героев — рядовых строителей социализма. Так, например, в стихотворении «Товарищ Борода» изображена судьба одного из многих миллионов простых людей, прошедших невиданный ранее в истории путь. Тяжкий труд на поле, батрацкие скитания, обучение грамоте, революционная деятельность, бои гражданской войны и, наконец, мирная созидательная жизнь, работа — такова биография героя произведения передового советского человека, отдающего все свои силы построению социализма.

Творческая энергия народа, преобразующая страну и самого человека, становится в центре поэзии Демьяна Бедного. От революционного эпоса эпохи гражданской войны, в котором главным героем выступал восставший народ, поэт приходит к созданию индивидуализированного образа героя нашего времени — строителя советской жизни. Он раскрывает его новые духовные и моральные качества, сформированные революцией.

Жизнь требовала от Демьяна Бедного не только утверждения положительных идеалов. Она ставила перед ним задачу облечения всего того, что препятствовало развитию советского общества, росту социалистического сознания людей. В 20-е годы для сатирического творчества поэта было огромное поле деятельности. Его вмешательства требовала борьба с прямыми врагами социалистического государства, борьба против пережитков прошлого у людей, еще не изживших в себе тяжелое наследие старого строя. Д. Бедный клеймит позором расхитителей народного имущества («К ответу», «Товарищи шифы»), обличает разгильдяйство и безответственность на производстве («Мой первомайский плакат»), требует решительной борьбы с бескультурьем, пьянством («Матерщина не кирка», «Махровые цветы» и др.).

Особое место в его творчестве занимает тема новой деревни и развивающихся в ней социалистических отношений. Поэт страстно выступает против классового врага в деревне. «Речей не тратить попустому где нужно власть употребить» — озаглавливает Демьян Бедный одно из своих стихотворений, призывая в нем к борьбе с бандитами-кулаками, прибегавшими к террору: убийствам, избиениям колхозных активистов, поджогам и т. п.

Д. Бедный сумел увидеть, как в трудной борьбе пробивало себе дорогу и утверждалось новое в крестьянской жизни. Образы передовой крестьянской женщины Марии Голошубовой в одноименном

стихотворении, крестьянина Стругова («Кострома»), явившегося застрельщиком электрификации своего села, органически входят в галерею созданных поэтом образов простых советских людей — строителей социализма.

В конце 20-х — начале 30-х годов Демьян Бедный одним из первых в советской литературе откликается на успехи страны в области индустриализации. Наиболее значительным произведением поэта этого периода была поэма «Шайтан-Арба», материалом для которой послужило строительство Туркестано-Сибирской железной дороги. Бедный рассказывает о трудностях, встававших перед строителями этой грандиозной магистрали, воспекает героизм советских людей, «работников твердой, стальной категории», которые укладывают колею «для могучего локомотива истории». Поэтизация подъема трудового энтузиазма, неумолимая созидательная энергия, готовность советского человека к подвигу становятся основными мотивами его поэзии. «Бойцам за красивую жизнь» он посвящает страстные и взволнованные стихи. Простые русские люди, героическим трудом и самоотверженным подвигом служащие родине, попрежнему стоят в центре произведений Бедного. Таковы Степан Завгородний и шесть его сыновей в поэме «Колхоз Красный Кут» (название позднейшей редакции поэмы «Степан Завгородний»), красноармеец Иванов в одноименной повести и др.

Но и в эту пору поэт напоминает советским людям об опасности империалистической агрессии. Он разоблачает провокационную политику империалистов, вновь и вновь пытавшихся нарушить мирную, трудовую жизнь СССР («Черный Карфаген», «Про лордов-милордов» и др.). Ряд произведений Бедного 1926—1929 годов вскрывает истинное обличье американской реакции. Поэт говорит о пресловутой американской «демократии», об упадке культуры, о расовой дискриминации, торжестве полицейского режима, подневольном рабском труде («Рабовладельцы», «Подлинно черный», «Мрак», «Тоже рекорд»). К этому же периоду относятся многочисленные стихи Бедного, посвященные Китаю. Поэт резко отделяет китайский народ от реакционной гоминдановской военщины, продававшей страну западноевропейским капиталистам, Бедный пишет о великой дружбе русского и китайского народов:

Кто нам ни угрожай и кто нас ни морочь:
«Культурных наций, мол, обязанность святая
Душить Китай» (как нас семь лет назад, точь-в-точь!),
Но к удушаемым сочувствие питаю,
Мы будем говорить: «Бандиты! Руки прочь
От возмущенного Китая!»

В своих сатирических стихах Демьян Бедный продолжает громить и внутренних врагов советской страны и пережитки капитализма в быту и сознании трудящихся. Кулаки и вредители, политические двурушники, раскольники внутри партии находят достойную отповедь в поэзии Бедного («Оскаленная пасть», «Не страшно», «Вредители» и др.). Сатирическое оружие Бедного настигает бездельников, разгильдяев, людей с притупленной бдительностью, облегчавших внутренним врагам их преступную подрывную деятельность, бьет по морально разложившимся людям («Чертополох», «Ната», «Хорошо!» и др.).

Но было бы неправильным утверждать, что творческий путь Демьяна Бедного был ровным и гладким, что все его произведения отвечали высоким требованиям, предъявлявшимся народом и партией к советским писателям. Некоторые стихотворения, созданные Бедным в начале 30-х годов, не свободны от серьезных идейных ошибок. Так, в стихах «Без пощады», «Перерва», «Слезай с печки» сказалось неверное понимание Бедным прошлого России, русского национального характера. Эти фелетоны шли вразрез с великими традициями классической и революционно-демократической литературы, утверждавшими мысль о мудрости, талантливости, трудолюбии, героизме русского народа, они противоречили всему тому, что наблюдал в окружавшей его советской действительности сам Бедный. Критика отдельных недостатков в жизни и работе советских людей, содержащаяся в ряде произведений Бедного конца 20-х годов, приняла в этих порочных стихах обобщающий характер и переросла в клевету на русский народ.

Сущность этих ошибок поэта была вскрыта Центральным Комитетом партии в специальном решении. Разъясняя это решение, И. В. Сталин писал Демьяну Бедному 12 декабря 1930 года:

«В чём существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлѣкши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в *клевету* на СССР, на его прошлое, на его настоящее. Таковы Ваши «Слезай с печки» и «Без пощады». Такова Ваша «Перерва», которую прочитал сегодня по совету т. Молотова»¹.

И. В. Сталин подчеркивал в своем письме, что Советский Союз является примером и образцом для трудящихся масс всего мира.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 24.

«Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР, как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нём единственное своё отечество,— писал товарищ Сталин.— Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, *русскому* рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»¹.

И. В. Сталин квалифицировал заблуждения Бедного как «...клевету на наш народ, *развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата*»². Он указывал и на нетерпимость Д. Бедного к замечаниям в его адрес, на его «зазнайство», нежелание прислушиваться к голосу партии и ее ЦК.

В идейных заблуждениях поэта сказалось влияние на него глубоко порочной и антимарксистской концепции Покровского, извращавшей и огульно охаивавшей все историческое прошлое России. Зачатки идейных ошибок Бедного содержались уже в некоторых произведениях поэта середины 20-х годов,—акцентирование только отрицательных сторон жизни деревни: пьянства, хулиганства, лени («Мужики», «Народный дом», «Бабий бунт» и др.), нигилистическое отношение ко всему прошлому России («Оправданная» и др.). Недостаточная требовательность поэта к себе привела к тому, что из этих отдельных ошибок выросли грубые политические заблуждения Бедного 30-х годов.

Идейные ошибки, невнимание Демьяна Бедного к быстрому росту культурных запросов читателя обусловили и недостатки художественной формы его поэзии. По воспоминаниям Горького, еще в начале 20-х годов В. И. Ленин, оценивая литературную работу Бедного, признавал ее большое агитационное значение, но отмечал в то же время, что Бедный «грубоват. Идет за читателем, а надо

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 24—25.

² Там же, стр. 25.

быть немножко впереди»¹. Ряд стихов и фельетонов Бедного конца 20-х — начала 30-х годов грешил поверхностностью, примитивностью трактовки темы. Поэт злоупотребляет приемами монтажа, перегружает свои произведения ненужным, малозначительным материалом, почерпнутым из самых различных, порой совершенно случайных источников.

Строгая партийная критика помогла поэту преодолеть свои идейно-художественные ошибки. В те же тридцатые годы Д. Бедный создает произведения о социалистическом строительстве, о советских людях, героически работающих на пользу своей родины («Жить и работать!», «Мой рапорт XVII съезду партии», «Цветенье жизни», «Уверенная сила», «Растет страна» и др.). Поэт рисует образ положительного героя, связывает расцвет своей родины, счастье ее народа с героическими делами тех, кто в годы революции и гражданской войны жертвовал своей жизнью для борьбы с врагами молодого советского государства (повесть «Красноармеец Иванов»).

Несмотря на создание Бедным этих правильных в идейном отношении произведений, рецидивы прежних ошибок все же сказываются в его творчестве. В 1936 году Д. Бедный пишет пьесу «Богатыри». Здесь вновь проявилось непонимание поэтом сущности русского национального характера, героического русского народа. Пьеса «Богатыри» вызвала справедливое осуждение советской общественности и была снята со сцены. В постановлении Всесоюзного комитета по делам искусств, опубликованном 14 ноября 1936 года, она квалифицировалась как «чуждая советскому искусству».

Бедный очень внимательно отнесся к голосу советской общественности и партийной критики. Поэт перерабатывает ряд своих прежних произведений (например, повесть «Мужики» и др.).

В своих новых произведениях он воспевае величие страны социализма, заботу партии и ее вождей о людях, с гордостью говорит о пути, пройденном советским народом (циклы «Родина», «Страна любит» и пр.). В «Героической памятке» поэт, обращаясь к славному прошлому народа, выражает уверенность в победе, если враги посмеют напасть на нашу родину. Он пишет:

И коль они в безумье яром
Нам заявить рискнут: «Война!»,
Мы им покажем контрударом,
Как наша родина сильна,

¹ М. Горький, Собр. соч., т. 17, Гослитиздат, 1952, стр. 45.

На героизм какого рода
Она способна в дни похода —
Всего советского народа
Несокрушимая стена!!

Эти строки были написаны поэтом за четыре года до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. А когда фашистские полчища ринулись на советскую землю, Д. Бедный ощутил себя одним из солдат Советской Армии, отражавшей натиск врага. В годы Отечественной войны поэт напряженно и много работает. С 1941 по 1945 год Д. Бедный написал большое количество стихов, басен, фельетонов, повестей, печатался во многих газетах и журналах. Вместе с другими советскими поэтами он работал над созданием «окон ТАСС», продолжавших славные традиции «окон РОСТА».

Сатира Демьяна Бедного, его басни и эпиграммы, как и подписи к рисункам в «окнах ТАСС», были направлены против гитлеровского строя и фашистских изуверов. Поэт высмеивает бредни пропаганды Геббельса, истерическую похвальбу Гитлера, показывает крах нелепых притязаний фашистов на мировое господство, разоблачает мракобесие и варварство презренных вырожденцев человечества, посягнувших на вековую культуру русского народа («Змеиная природа», «Шулера», «Расписались», «Ряженный бандит», «Фашистские искусствоведы» и др.).

Важнейшей темой произведений Бедного военных лет становится беспримерный героизм русского народа, его патриотические подвиги. Советские патриоты, борцы с фашистскими варварами (стихотворения «Народное мужество», «Родина», «Одесса» и др.), девушки-патриотки, гибнущие, но не сдающиеся врагу, отказывающиеся ехать на фашистскую каторгу («Русские девушки»), героические украинские партизаны («Степан Завгородний») — таковы его новые герои. Поэт воспевает великую дружбу народов Советского Союза, еще теснее сплотившихся перед лицом общей опасности («За нами родина стоит»). Он прославляет и героических тружеников тыла, ковавших победу вдали от фронта.

Окончательно преодолев свои прежние ошибочные взгляды, Демьян Бедный в героических деяниях давно прошедших лет видит теперь залог нынешних побед советского народа. В стихотворении «Помянем, братья, старину» поэт вспоминает поле Куликово, чтобы воодушевить бойцов, сражающихся на Дону с фашистскими ордами; в стихотворении «Над Харьковом взвилось родное наше знамя» — Березину, видевшую паническое бегство Наполеона; о преданиях Чудского озера он рассказывает освободителям Пскова.

По-новому осмысляет Бедный и традиции народного творчества, героического русского эпоса. Отказавшись от той ложной концепции, которая легла в основу его «Богатырей», он видит теперь в образах русских богатырей воплощение непобедимости народа, его любви к своей родине. Образ воина-богатыря присутствует теперь в ряде произведений поэта («Богатырская переправа» и др.). Как бы обобщением взглядов Бедного на историческое прошлое России и ее настоящее является одно из лучших стихотворений поэта — «Русь», написанное им в конце Отечественной войны.

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг, и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.
Служа ее опорой твердой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Она поборница свободы.
Ее овеваны теплом,
Находят братские народы
Защиту под ее крылом.

В каждодневной, неустанной заботе коммунистической партии и правительства о народе Д. Бедный видел залог счастья советских людей. Поэт дожил до радостных минут победы и мечтал посвятить свое творчество задачам послевоенного мирного строительства. Но смерть помешала его планам осуществиться. Д. Бедный скончался 25 мая 1945 г.

Большие заслуги Демьяна Бедного перед революцией отмечались в правительственном сообщении о кончине поэта. В нем говорилось о смерти «талантливого русского поэта-баснописца *Демьяна Бедного* (Придворова Ефима Алексеевича), боевое слово которого с честью служило делу социалистической революции».

В годы созидательного творческого труда советского народа, воздвигающего светлое здание коммунизма, в годы, когда свободная советская страна возглавляет борьбу народов за мир, боевое слово Демьяна Бедного не потеряло ни своей остроты, ни своей действительности. Оно и сейчас служит Родине, а это — высшая награда для поэта, отдавшего народу все силы своего ума и таланта.

А. ВОЛКОВ

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ЭНИГРАММЫ, БАСНИ,
СКАЗКИ, ПОВЕСТИ**

* * *

С тревогой жуткою привык встречать я день
Под гнетом черного кошмара.
Я знаю: принесет мне утро бюллетень
О тех, над кем свершилась кара,
О тех, к кому была безжалостна судьба,
Чей рано пробил час урочный,
Кто дар последний взял от жизни — два столба,
Вверху скрепленных плахой прочной.
Чем ближе ночь к концу, тем громче сердца стук...
Рыдает совесть, негодуя...
Тоскует гневный дух... И, выжимая звук
Из уст, искривленных злой судорогой мук,
Шепчу проклятия в бреду я!
Слух ловит лязг цепей и ржавой двери скрип...
Безумный вопль... шаги... смятенье...
И шум борьбы, и стон... и хрип, животный хрип...
И тела тяжкое паденье!
Виденья страшные терзают сердце мне
И мозг отравленный мой сушат,
Бессильно бьется мысль... Мне душно... Я в огне...
Спасите! В этот час в родной моей стране
Кого-то где-то злобно душат!
Кому-то не раскрыть безжизненных очей:
Остывший в петле пред рассветом,
Уж не проснется он и утренних лучей
Не встретит радостным приветом!..

СЫНОК

Есть у меня сынок-малютка,
Любимец мой и деспот мой.
Мелькнет досужая минутка —
Я тешусь детской болтовней.
Умен малыш мой не по летам,
Но — в этом, знать, пошел в отца! —
Есть грех: пристрастие к газетам
Подметил я у молодца.
Не смысля в буквах ни бельмеса,
Он, тыча пальчиком в строку,
Лепечет: «Лодзь, Москва, Одесса,
Валсава, Хальков, Томск, Баку...»
И, сделав личико презлое,
Нахмурясь, счет ведет опять:
«В Москве — цетыле, в Вильне — тлое,
В Валсаве — восемь, в Лодзи — пять...»
И мог из этого понять я,
Что здесь — призвания печать,
Что по счислению занятя
Пора мне с Петею начать.
Но, чтобы жизнь придать предмету
И рвенья чтоб не притупить,
Я ежедневную газету
Решил в учебник превратить.
Вот за работой по утрам мы.
Но вижу: труд не для юнца!
Все телеграммы, телеграммы...
Все цифры, цифры без конца!

Задача Пете непосильна:
Всего не вымолвить, не счесть.
«Хельсон, Цалицин, Киев, Вильна...
Двенадцать, восемь, девять, сесть...»
И каждый день нам весть приносит,
И каждый день дает отчет!
Все Смерть нещадно жатву косит!
Все кровь течет!.. Все кровь течет!..
Смеется в цифрах Призрак Красный,
Немые знаки говорят!
И все растет, растет ужасный
Кровавый ряд! Кровавый ряд!..
«Волонез — двое, тли — Целкасы,
Сувалки — восемь, пять — Батум...»
Зловещих цифр кошмарной массы
Не постигает детский ум.
И отложил я прочь газету,
И прекратил я тяжкий счет.
Мал Петя мой. Задачу эту
Исполнит он, как подрастет.
Душою — чист и мощен — телом,
Высок — умом и сердцем — строг,
В порыве пламенном и смелом
Он затрубит в призывный рог.
И грозно грянет клич ответный,
Клич боевой со всех сторон!
И соберется полк несметный
Богатырей таких, как он!
Забрызжет юных сил избыток,
Ужасен будет их напор!
И, развернув кровавый свиток,
Синодик жертв и повесть пыток,
Бойцы поставят приговор!

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Когда мне почтальон подаст письмо «с оплатой»,
Последний грош отдам, но я письмо возьму.
Я ждал его, я рад убогому письму:
Конверт замасленный, вид выцветшей, измятой
Бумаги дорог мне,— он сердцу так знаком!
В печальных странствиях, в блужданиях по свету,
Я сохранил себя природным мужиком
С душой бесхитростной, и детски рад привету
Сермяжной братии, посланью из глуши

От мужичков единокровных:

В густых каракулях, в узоре строк неровных
Застыла сердца боль и скорбь родной души.

.....

«Здорово, брат! Земной от нас тебе поклон.
Составить соопча письмо — твои соседи
Сегодня собрались у Коренева Феди,

А пишет Агафон.

Живем попрежнему, берложные медведи.

От нас каких вестей!..

В столице ноне ты, там ближе до властей,
Там больше ведомо,— ты нам черкни что-либо.

Спасибо, брат, не забываешь нас!

За три рубля твой спасибо.

Здесьгодилисьони втяжелый час:

Тому назад не будет, чай, недели —

Нуждались в деньгах мы для похорон:

Лишился деда ты, скончался дед Софрон.

Давно уж дед хирел, и вот — не доглядели:
В минувший четверток, не знамо как, с постели
Сам поднялся старик полуночной порой
И выбрался во двор, да на земле сырой
Так, без напутствия, и умер под сараем.
Покой душе его!.. Пусть старички уж мрут!
И нам-то, молодым, охти как ноне крут
Да горек жребий стал!.. До сроку помираем...
В чем держится душа!.. Разорены вконец.

Не зрим ни прибыли, ни толку.

К примеру — твой отец:

Последнюю намедни продал телку!

За годы прежние с нас подати дерут,

Уводят тощий скот, последнее берут.

Быдь на голодный двор — и вой подобно волку!

Ни хлеба нет, ни дров;

А холод лют, зима сурова...

Чай, не забыл ты Прова?

Под праздник угорел со всей семьею Пров:

Бедняк берег тепло, закрыть спешил печурку...

Вся ночь прошла, лишь днем, уже почти в обед,

Тревогу поднял Фрол-сосед,

Да поздно... Кое-как спасли одну дочурку...

Что было слез — не говори!

Больших два гроба, малых три...

Ревели всей деревней.

К Арине тож пришла беда, к старухе древней:

В губернии, в тюрьме повешен внук.

Душевный парень был, охочий до наук,—

Книжонку сам прочтет, нам после растолкует.

В понятие нас привел. Бывало, все тоскует

О доле нашей...»

.....
— Эх! нет больше сил читать!..
.....

* * *

Не примирился — нет! — я с гнусной рабской долей,
Все так же пламенно я грежу вольной волей,
Все с той же яростью позорный гнет кляню,
Но — голос мой ослаб, но — песнь моя в плену,
Но — грудь истерзана, и сердцу нет отрады,
Но из усталых рук исторгнут грозный бич!
Ликует злобный враг. Кровавой жатве рады,
Клубятся в черной мгле, шипя победно, гады.
Бой кончен. Нет бойцов. Призыва гневный клич
Напрасен: из живых никто не отзовется,
А мертвые из гроба не встают...
И я молчу. Молчу.
 Запел бы — не поется!
Заплакал бы — но слезы не текут.

**О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ,
МУЖИКЕ ВРЕДНОМ**

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало все! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.

В хозяйстве тож из рук все валится:
Здесь — недохватка, там — изъян...
Ревут детишки, мать печалится...
Ох, брат Демьян!

Строчит урядник донесение:
«Так што нееловских селян,
Ваш-бродь, на сходе в воскресенье
Мутил Демьян:

Мол, не возьмем — само не свалится,—
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками черт ли сжалится...»
Так, так, Демьян!

Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал: «Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»
Ох, брат Демьян!

«Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там, что полагается!»
Ась, брат Демьян?

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат Демьян!..

* * *

Чудных три песни нашел я в книге родного поэта.
Над колыбелью моею первая песенка пета.
Над колыбелью моею пела ее мне родная,
Частые слезы роняя, долю свою проклиная.
Слышали песню вторую тюремные низкие своды.
Пел эту песню не раз я в мои безотрадные годы.
Пел и цепями гремел я и плакал в тоске безысходной,
Жаркой щекой припадая к железу решетки холодной.
Гордое сердце вещует: скоро конец лихолетью.
Дрогнет суровый палач мой, песню услышавши третью.
Ветер споет ее буйный в порыве могучем и смелом
Над коченеющим в петле моим опозоренным телом.
Песни я той не услышу, зарытый во рву до рассвета.
— Каждый найти ее может в пламенной книге поэта!

ПРАЗДНИК

Вся деревня всполошилась:
Жалко дедушку Макара.
Вот, поди ж, как гром, свалилась
На беднягу божья кара.
Сколько дней у ветхой хатки
Дед торчал, хоть ныли кости,—
Ждал, все ждал к себе на святки
Из столицы сына в гости.
Втайне батя для Емели
Хлопотал уж о невесте.
Вдруг о сыне прилетели
В час недобрый злые вести:
Что не первую неделю
Парень мается в неволе,—
Упекли под суд Емелю
За участие в «крамоле»;
А у судей в черном деле
Совесьть — ой! — наматорела...
Не уйти никак Емеле
От расстрела.

*

Вся деревня всполошилась:
«Жалко парня!» — «Жаль Макара!»
«Знаем, чай, за что свалилась
На Емелю злая кара!»
«Кто иной о нашем брате
Так скорбел, стоял повсюду?..»

Чай, мы плачем не о тате!..
Чай, жалеет не Иуду!..»
«Братцы, что ж? Душе-то милой
Как-нибудь мы порадеем!..»
Шлют крестьяне за Вавилой,
Деревенским грамотеем.
Есть бумага, есть чернила,
Раздобыты где-то марки.
Настроил за час Вавила
Просьбу в Питер от Макарки;
В тот же день без проволочки
Сам на почту сvez прошение.

*

...Дни бегут, за днями — ночи,
Нет из Питера решения.
Сочиняя небылицы,
Долго ждали все ответа.
Ровно в праздник из столицы
Получилась эстафета.
Заглянул в нее Вавила
Да как бы с ума рехнулся.
«С нами, — крикнул, — божья сила!»
Побледнел и пошатнулся.
Дед Макар стоит — крепится,
Держит слезы через силу.
Православный люд толпится,
Наседает на Вавилу:
«Что ты вычитал, верзила?
Говори скорей, не мешкай!»
И очнувшийся Вавила
Отвечал с кривой усмешкой:
 «Милость, стало быть, господня!
Значит, с праздничком, Макарка!..
Вон какого ты сегодня
Удостоился подарка.
Без вина, брат, станешь хмелен,
Вестью доброю утешен:
Емельян-от... не расстрелян...
 А... повешен!..»

* * *

Мысль изреченная есть ложь.

Т ю т ч е в

Бывает час: тоска щемящая
Сжимает сердце... Мозг — в жару...
Скорбит душа... Рука дрожащая
Невольно тянется к перу...

Все то, над чем в часы томления
Изнемогала голова,
Пройдя горнило вдохновения,
Преображается в слова.

Исполненный красоты пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня.

Как поле, рдеющее маками,
Как в блеске утреннем река,
Сверкает огненными знаками
Моя неровная строка.

Звенит ее напев рыдающий,
Гремит призывно-гневный клич.
И беспощаден взмах карающий
Руки, поднявшей грозный бич.

Но — угасает вдохновение,
Слабеет сердца тетива:
Смирив нестройных дум волнение,
Вступает трезвый ум в права,

Сомненье точит жала острые,
Души не радуется ничто.
Впиваясь взором в строки пестрые,
Я говорю: не то, не то...

И, убедясь в тоске мучительной,
Косноязычие кляня,
Что нет в строке моей медлительной
Ни мощи буйной, опьянительной,
Ни гордой страсти, ни огня,

Что мой напев — напев заученный,
Что слово новое — старо,
Я — обессиленный, измученный,
Бросаю в бешенстве перо!

СОНЕТ

В родных полях вечерний тихий звон,—
Я так любил ему внимать когда-то
В час, как лучи весеннего заката
Позолотят далекий небосклон.
Милей теперь мне гулкий рев, и стон,
И мощный зов тревожного набата:
Как трубный звук в опасный бой — солдата,
Зовет меня на гордый подвиг он.
Средь суеты, средь пошлости вседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром, торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы,
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

* * *

Ночной порой, когда луна
Взойдет над темными лесами,
Внимай: родная сторона
Полна живыми голосами.

Но, зачарованный волной
Ночных напевов и созвучий,
Прильни к груди земли родной,
Услышишь ты с тоскою жгучей:

Среди лесов, среди степей,
Под небом хмурым и холодным,
Не умолкает звон цепей
В ответ стенаниям народным.

* * *

Тщетно рвется мысль из рокового круга.
В непроглядной тьме смешались все пути:
Тайного врага не отличить от друга...
И стоять нельзя, и некуда идти...
Здесь — навис обрыв, а там — развалин гряда;
Здесь — зияет ров, а там — торчит стена.
В стане вражьих сил — ликующий Иуда:
Страшный торг свершен, и кровь оценена.
Братья, песнь моя повита злой печалью,
Братья, голос мой — души скорбящей стон,—
В жуткой тишине над беспросветной далью,
Ободряя вас, пусть пронесется он.
Братья, не страшна ни злоба, ни измена,
Если в вас огонь отваги не потух:
Тот непобедим и не узнает плена,
Чей в тяжелый час не дрогнул гордый дух.

«МОЛЧИ!»

Порой мне кажется, что я схожу с ума,
Что разорвется грудь от непосильной муки.
Томлюсь в тоске, ломаю гневно руки,
Скорблю, но скорбь моя — нема!
Сегодня, как вчера, — одни и те же вести:
Насилий новых ряд, а всех — уже не счесть!
Врагом, ликующим в порыве дикой мести,
Все попрано — закон, свобода, совесть, честь!
Ты хочешь закричать: «Довольно же, довольно!
Остановитесь же, злодеи, палачи!»
Но кто-то горло сжал тебе и давит больно:
«Молчи!»

* * *

Не стало пламенных бойцов; над их гробами
Не скоро прошумит призывный клич борьбы.
Постыдно-жалкими, трусливыми рабами

Остались прежние рабы.

Нет, не для них прошла волна борьбы великой;

Горели не для них священные огни!

Толпой испуганной, бессмысленной, безликой

В ярмо привычное, покорны воле дикой,

Послушные кнуту, впряглися вновь они.

Но, мнится, где-то есть высокие стремленья.

Не все отравлено позором униженья!

Ростки могучие здорового зерно

Готово дать и ждет — лишь только ждет — мгновенья.

Былого с будущим скрепляя прочно звенья,

Куется новое звено.

КОГДА НАСТУПИТ СРОК...

Однажды в лавке антиквара
Средь прочего товара
Заброшенный, забытый инвалид —
Шпажонка ржавая, убогая на вид,
Хвалилась пред другою шпагой
Своею честью и отвагой:
«В алмазах, в золоте, в чеканном серебре,
В ножнах из вылощенной кожи
Висела гордо я на вышитом бедре
Не одного вельможи.
За чью я не боролась честь?
Каких не добивалась целей?
И не припомнить и не счесть
Моих триумфов и дуэлей.
Случалось, справиться с врагом я не могла
Путем прямым... Ну что ж? Не скрою:
Борьбу решал порою
Удар из-за угла.
Изведав крови благородной,
Нашла я после вкус в крови простонародной.
Вот, подлинно, где был кровавый пир.
Как не сказать судьбе спасибо?
В те времена едва где-либо
Поднимет ропот сельский мир,
Готов был скорый суд для обнаглевшей черни.
Без лишних слов и без прикрас:
Справляла я тогда не раз
Кровавые обедни и вечерни.

— Вой, подлый род, стенай, реви!
 Не шутки шутим мы и не играем в прятки! —
 Купалась я тогда в крови
 От острия до рукоятки!
 Нам сердце закаляет гнев:
 Остервенев,
 Без всякой жалости я буйный сброд колола,
 Колола...»
 «Эк, замолола!
 Опомнись, матушка. Ей-ей, ты мелешь вздор! —
 Ввязался тут со шпагой в спор
 Топор.—
 Нашла хвалиться чем старуха:
 Рядилась в золото, в шелка,
 Походом шла на мужика...
 Ох, баба, баба-говоруха!
 В одной тебе еще беда б невелика,
 Да шла-то ведь в поход ты, чай, не без полка.
 Вовек мужицкого тебе б не видеть брюха,
 Когда б не эта рюха,
 Слуга твой верный — штык, сосед твой по стене.
 Вот с кем потолковать хотелось бы мне.
 Все — непутевый — он деревню так бездолит:
 Ему — кто подвернись, хотя бы мать, отец,
 Приказано — конец:
 Знай, колет!
 А только, милая, все это до поры.
 Дождемся мы конечной свалки.
 Куются где-то топоры
 Иной закалки.
 Слышь? Топоры, не палки.
 Эх, в тапоры я сам, чай, здесь не улежу!
 Смекай-ка, что я доложу,—
 Тебе, дворянке, не в угодю:
 Не только топора, что на колоду!
 Ему крестьянский люд обязан всем добром,
 И — коль на то пошло,— скажу: лишь топором
 Себе добудет он и счастье и свободу!»

1911 г.

Писал я басню не вчера:
 Лет пять назад, коли не боле,
 Про «верный штык» теперь уж песенка стара.
 Штык шпаге изменил — и весь народ на воле.
 — Штык! Обошлось без топора.

Ура! —

И кто-то, радуясь такому обороту,
 Спешит собратъ за ротой роту
 И, из полка шныряя в полк,
 Улестливо шипит: «Возьмите, братцы, в толк:
 Ну можно ль темному народу
 Дать сразу полную свободу?»

Нет, надо нам идти испытанным путем,
 Взяв буржуазные за образец порядки.
 Уж поддержите нас, ребята,

А мы порядок наведем!»

И пробуют навесть — не надо быть прилежней.
 Авось-де у штыков смекалка так мала,
 Что им и невдомек, что ждет их кабала
 Куда почище прежней!

Штыки не гонят прочь улестливых господ.
 И тех, кто подлинно болеет за народ,
 Нет-нет, да и возьмет раздумье и опаска,
 Что радостная быль пройдет, как сон, как сказка:
 Вздохнули малость — и капут,—
 Не отбояриться никак от новых пут.

Пойдет все, дескать, прахом.

Товарищи, скажу, что я подобным страхом
 Не заражен.

Я знаю, «господа» прут сдуру на рожон.

Скажу открыто:

Ведь топоры-то,

Они там где-то ждут, они там где-то ждут:
 Сполна ль все мужикам дадут? Аль не дадут?
 Забыто, дескать, их житье аль не забыто?
 Всей музыки конец получится каков?

И если «господа», к примеру, мужиков
 Землей и волею лишь по губам помажут,
 Так топоры себя покажут!

Вот что пророчу я, хоть я и не пророк.
Пусть смысл пророчества до острой боли жуток,
Но — время не прошло.
 Когда ж наступит срок,
Тогда уж будет не до шуток!

*

Друзья, чтоб не было неясных многоточий,
Прибавлю, что, ведя всю речь про топоры,
Я с умыслом молчал про молоток рабочий.
 Кто ж козыряет... до игры?

1917 г. Март

*

И чертыхались враги и лбы крестили,
Но им ни черт, ни бог не мог помочь в игре,
Когда на них, гремя, наш молот опустили
 Мы в «большевистском Октябре»!

КУКУШКА

Кукушка,
 Хвастливая болтушка,
 Однажды, сидя на суку,
 Перед собранием кукушечьим болтала
 О чем попало,
 Что ни взбрело в башку.
 Сначала то да се, по общему примеру:
 Врала да знала меру.
 Но под конец — поди ж ты! — соврала,
 Что видела орла.
 «Орла! Ведь выпадет же случай! —
 Кукушки все тут в крик наперебой. —
 Скажи ж скорей, каков орел собой?
 Чать, туча тучей?!»
 «Ну, это — как кому, — хвастунья был ответ, —
 Особого в орле, пожалуй, мало.
 По мне, так ничего в нем нет,
 Чего бы нам недоставало:
 Те ж когти, клюв и хвост,
 Почти такой же рост,
 Подобно нам, весь сер — и крылья и макушка...
 Короче говоря,
 Чтоб слов не тратить зря:
 Орел — не более, как крупная кукушка!»

Так, оскорбляя прах бойца и гражданина,
 Лгун некий пробовал на днях морочить свет,
 Что, дескать, обсудить — так выйдет все едино,
 И разницы, мол, нет:
 Что Герцен — что кадет.

19 ФЕВРАЛЯ

Так повелось, такая мода,
Что в этот предвесенний день
Все говорят, кому не лень,
О воле русского народа.

И говорят нам и поют!
Но... почему ж все эти годы,
Чем больше «воли» нам дают,
Тем больше жаждем мы — свободы?!

ЗВЕЗДА

*Почти каждый номер газеты «Звезда»
конфискуется.*

Земная хроника.

*Ученым Энебо открыта близ созвездия
Близнецов новая звезда.*

Небесная хроника.

Куда ни кинь, везде беда!
Прикосновенно стало небо!
 Узнав, что неким Энебо
Открыта новая звезда,
Вскипело грозное начальство:
 «Еще *Звезда!* Ведь вот нахальство!
Ну что ж тут долго толковать?
 Конфисковать!!»

«Т Р И Б У Н»

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил: «Скажи, Маклаций,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
 Такими стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
 Так на суде стоял за вора,
 Как будто сам ты вор!
Беру другой пример — совсем не для эффекта:
Известный взяточник-префект влетел под суд,
 А ты уж тут как тут,
Готовый вызволить преступного префекта.
Не ты ль в защитники был позван богачом,
 Чью знают все звериную натуру,
Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
 Содрал с него бичом?
 Ты с этим палачом
Предстал перед судом, хваля и обеляя,
 Сам знаешь, — негодяя!
А между тем забыт тобой твой долг прямой —
 Быть люду бедному защитой!
 Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой:
 Кто для тебя всего дороже,
Почтивший ли тебя доверием народ,
 Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен настороже?»

И юноше отвечивал трибун,
Любимец муз и граций,
Маклаций:

«Хотя ты очень юн,
Рассудка у тебя, пожалуй, все же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит».

ОТЦЫ И ДЕТИ

(Быль)

*«Оставили бы вы этот скверный бы-
чай (речь идет о субсидиях) нам, старому
поколению».*

(М. Меньшиков о съезде студентов-
академистов. «Новое время».)

Уж Митрофанушки у нас — гляди! — с усами, —
Так решено: за ум они возьмутся сами.

И вот от них летят во все концы

Гонцы:

Пожалуйте на съезд, «ревнителю науки»!
Пожаловали. Что ж? Едва затихли звуки
Молебна, прокричав до хрипоты «ура»,
Без промедления лихая детвора
К казенным сундукам простерла жадно руки.
То видя, «благородные» отцы

Смущенно затрясли главами:

«Ах, детушки, ляд с вами,

С кого вы взяли образцы?

Пускай уж мы — не скроем, знаем сами, —
Остались бы, как были, подлецами,
Да вы зачем такие подлецы?»

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Однажды в барский особняк,
В роскошные приемные палаты,
Краснея за свои лохмотья и заплаты,
Пришел за помощью бедняк.
Хоть стыд его давил почище всякой ноши,
Да барин — человек, по слухам, был хороший.
И впрямь — пред гостем он размяк.
Как вдруг на бедняке он увидал... калоши!
Казалось бы, пустяк!
Но филантроп вскипел:
«Ах, чертов ты тюфяк!
В конюшне быть тебе, а не в моей гостиной!
И ты, невежа, мог,
Такою будучи неряшливой скотиной,
Еще рассчитывать, чтоб я тебе помог?!
Вон, хам! И не посмей сюда явиться снова!!»
Бедняга не успел в ответ промолвить слова,
Как вылетел тормашкой за порог.

Наказан был бедняк примерно.
Калош не снял он — верно! —
Да как их снять, когда под ними нет сапог?!

ХОЗЯИН И БАТРАК

*Государственный совет постановил
увеличить до 15 часов рабочий день приказ-
чиков и лишить их праздничного отдыха.*

(Из газет.)

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,
Батрак Фома, кем Еремей всегда
Хвалился.
Врага бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
«Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мне невмочь
Работать на тебя и день и ночь
Без срэку.
Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть бога.
Смотри! ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что впору б дух лишь перевести.
За недосугом я, почесть,
Год в церковь не ходил и богу не молился!»
На батрака Ерема обозлился:

«Пустые все твои слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую геру
Вздору.

Никак, доведь меня ты хочешь до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.
Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:
Кто любит праздновать, тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня — я на тебя дивлюсь:
«Год богу не молюсь!»
А не подумал, Каин,
Что за тебя помолится хозяин?!»

«НАРОДНИК»

Помещик, встретясь с мужиком,
С беднягой Фокой,
«Эй, Фока, — говорит, — слынешь ты докой, —
Потолковать бы нам ладком,
Пока нет шуму.
Ведь выборы у нас почти что на носу.
В политике ж мужик, сам знаешь, как в лесу, —
Так надо разобрать, кому идти-то в Думу?
Я, например, готов... Тяжелый крест снесу...
Поклясться б за меня ты мог пред целым сходом:
Помещик наш пойдет, мол, заодно с народом.
Мы столковаться бы почти во всем могли,
Лишь стоит бредни все забыть насчет земли.
«Земли! — под ложечкой у Фоки засосало. —
Землица... что ж?.. Землица... не вредит...
Иным — в излишестве... У нас — ой-ой как мало...»
«Вот простота, о чем твердит?
Кому дано, тому дано — от бога».
А Фока стонет: «Эх, и нам бы... хоть немного...
Землицы клочок...»
«Что вижу, Фока, мысль твоя совсем убога,
Как неотпаренный лубок!
Сойтись бы в главном нам, а пустяки — похерим!»
Тут Фока наш стал сразу зверем:
«Стой! От какого ты виляешь пустяка?
Ты что же, думаешь, напал на дурака?
Аль мужики от бар когда добро видали?
Аль наша память коротка?
Проваливай отсель, собачий сын, пока
Тебе бока не обломали!»

«ДИВО»

«Андрюха — вот столяр! Андрюха — вот мастак!»
С кем речь ни заведи, с мальцом аль со старухой,
Все не нахвалятся Андрюхой.
Захвален под конец был бедный парень так,
Что стал, как ошалелый.
«Постойте ж, удивлю,— кричит,— весь свет я белый!
На кой мне ляд верстак?
Плевать мне на рубанки!
Одним лишь топором
Такую штуку я сварганю из болванки,—
Не описать пером!
С ней —и пахать и сеять,
С ней — полосу полоть,
С ней — урожай убрать, помолотить, проветять
И хлеб смолоть!»
Андрюха зря болтать не любит,
Он времени не губит:
В горячке скор,
Схватив топор,
Колоду парень рубит.
Набилося народу полон двор.
Всяк видеть первым рад неслыханное диво.
Работает меж тем затейник наш ретиво;
Хоть пар с него валит, ему ништо: упрям!
Зато деревню всю впрямь удивил Андрюха.
Все ахнули, узрев диковинку: «Ай, срам!
Да это ж... рюха!»

*

Писатель так иной: за дело б молча сесть —
Так нет, он про него каких чудес натрубит!
А взялся за перо,— глядишь, ну, так и есть:
 Андрюха рюху рубит!

Л Е Н А

*4 апреля 1912 года
Ленский расстрел рабочих.*

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вокруг них лежит,—
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
— О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

О П Е К У Н Ы

Не только в старину, и ныне
Бывают чудеса:
Про Волка вспомнила Лиса,—
Волк легок на помине:
«Хозяйке-кумушке привет!
К тебе я без доклада...»
«Ах, что ты, куманек, мой свет!
Я польщена, я очень рада...
Подумать: навестил меня премьер-министр!
Да, кстати... Впрочем, кум, ты так горяч и быстр,—
Не огорчить бы мне тебя своим упреком...
Прости, я не в своем уме...
Но, право, милый кум, ты в сане столь высоком
Стал плохо помнить о куме.
Ты, зная, например, как пламенно о курах,
Об этих кротких дурах,
Пекусь я, не щадя ни времени, ни сил,
Хоть раз бы ты спросил:
Как курочки твои, кума, живут на свете?..»
«Постой-ка,— перебил тут Волк,— постой, кума!
Да ты сама,
Чай, не последнею ты спицей-то в Совете!
А ты ль меня утешила когда?
За все последние года
Хоть пару ты промолвила словечек
Насчет моих овечек?!»

.....

Примета верная, читатель милый мой:
Хороший кум всегда сталкивается с кумой.
А овцы знать должны, как знать должны и куры:
Раз речь зашла о них, так быть им всем — увы! —
Одним без шкуры,
Другим без головы!

ГУМАННОСТЬ

*С-Петербургское Общество призрения животных сообщило Пермской городской управе, что вешать бродячих собак — не гуманно.
Удобнее пользоваться специальным удушливым газом.*

(Из газет.)

«Барбос!» — «Трезор!»
«Ты что же смотришь истуканом?»
«Собачник, вижу я, бежит сюда с арканом!»
«Шмыгнем-ка под забор!»
Шмыгнули,
Улепетнули
На чей-то задний двор
И продолжают разговор:
«Слышал, Барбос, ты новость эту?
Намедни в мусоре я выудил газету,
Так в ней прочел я: дан по городам приказ,
Что вешать, мол, собак бродячих... не гуманно...
А дальше... как-то так... туманно:
Удушливый удобней, дескать, газ...»
«Туман — в твоей башке!.. Однакоже как
странно! —
Ворчит в ответ Барбос
Трезору: —
Ты, чай, слышал про Лисий Нос?
Не дай господь попасть туда в ночную пору!
И все же это — пустяки.
Хоть я учен на медяки,
Газетки ведь и я читаю между прочим,—

Так слушай: у людей — какую богачи
На Ленских приисках пустили кровь рабочим!
Вот тут гуманность-то людскую и сличи:
Без виселиц, без газу,
А живота лишить сумели город сразу!»

*

Барбосу выводов подсказывать не будем.
Сказать по совести, не знаю я и сам,
Кому завидовать кто должен: люди — псам
Иль псы-бродяги — людям?

ПРИТОН

Дошел до станового слух:
В селе Голодном — вольный дух:
У двух помещиков потрава!
И вот — с несчастною, покорною толпой
Кровавая учинена расправа.
Понесся по селу и плач, и стон, и вой...
Знал озверевший становой,
Что отличиться — случай редок,
Так лил он кровь крестьянскую рекой.
Что ж оказалось напоследок?
Слух о потраве был пустой:
От мужиков нигде потравы никакой.
«Ах, черт! Дела на слабом грунте!
Не избежать плохой молвы!»
Но, не теряя головы,
Злодей строчит доклад об усмирённом бунте.
Меж тем, очнувшись от бойни, мужики
На тайном сходе у реки
Постановили: быть Афоне
За дело общее в столице ходоком,
Пред Думой хлопотать, — узнать, в каком
законе

Дозволено все то, что ноне
Лихие вороги творят над мужиком?
Уехал наш ходок и через две недели
Привозит вестъ.
Не дали мужики Афоне с возу слезть,
Со всех сторон насели:
«Был в Думе?» — «Был».

«Ну, что?»
«Да то:

Судились овцы с волком...»
«Эй, не томи!.. Скорее толком
Все говори,— кричит Егор,—
Нашел на извергов управу?»
«Не торопись ты... Больно скор...
Мы казнены и впрямь совсем не за поправу.
Шел в Думе крепкий спор
Про наше — слышали? — про наше изуверство!
Но всех лютей чернил нас некий старичок...
По виду так... сморчок ..
А вот — поди ж, ответ держал за министерство:
«Потравы не было. Да дело не в траве:
У мужика всегда поправа в голове».
Так, дескать, господа нас малость постращали,
Чтоб мы-де знали:
Крепка еще на нас узда!
А кровь... Так не впервой у нас ее пущали...
Что, дескать, было так и будет повсегда!»
«Ай, горе наше! Ай, беда!
Ни совести в тебе, скотина, ни стыда! —
Тут с кулаками все к Афоне. —
Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?
Ведь ты же был, никак, балда,
В разбойничьем притоне!»

1912 г.

*

Святая истина была в словах толпы:
Ведь в Думе кто сидел? Помещики, попы.
А с мужиком у них была какая спайка?
Крест да нагайка!

1918 г.

НИ ТЬМА, НИ СВЕТ

*Московским комитетом по делам печати
арестованы №№ 86 и 87 «Утра России»
за статьи: «Так было, так будет» и «Так
было, но так не будет».*

Ни тьма, ни свет,
Ни да, ни нет,
Ни рыба, ни жаркое,
Ни дать, ни взять,—
Ой, срам сказать,
Читатель, что такое!
Нам даст ответ
Тот «комитет»,
Что кстати и некстати,
И в день и в ночь,
Всегда не прочь.
Ударить по печати.

* * *

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

Кошмарный сон — былые беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг,
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!

ГАЗЕТА

*Конфискованы №№ 1 и 2 рабочей газеты
«Правда».*

«Слыхал?» — «Слыхал!»
«Видал?» — «А не видал!»
«Подумай: наша, брат, рабочая газетка!..
Чай, жиру не придаст хозяйским-то горбам!»
«Да... Кой-кому не по зубам
Конфетка.
«А нам, гляди, как выйдет впрок!
Пойдем-ка-сь купим номерок».
Пошли, по переулкам рыщут,
Газету ищут.
«ТЬфу! Будто черт газетчиков посмел!»
«Нашел газетчика, нашел!»
И впрямь нашел, судя по бляхе медной;
Стоит парнишка сам не свой,
Весь бледный.
«Газетку...» — «Братцы, всю унес городской!»
«Ой, прах его возьми!.. Теперь хоть волком вой...
Ты шутишь аль взаправду?!»

Нет, не шутил бедняк:
Под глазом у него синяк
За «Правду».

О П Е К А

Помаялся вдовцом Фома немало,
Когда жены не стало,—
Но жил, терпел: авось бог детям даст судьбу.
Гадал, не чувствовал: век и его короток.
Сразила хворь Фому. Лежит Фома в гробу,
Покинув на беду двух малышей-сироток.
Толкуют мужики средь голого двора:
Как быть с детьми? У них, помимо крова,
Всего сиротского добра
Одна корова.
«Тьфу! — кто-то вдруг ругнулся сгоряча.—
Несет нелегкая к нам Прова Кузьмича,
Нет на него провалу!»
Все знали Прова-богача
За кулака и обиралу.
Войдя во двор,
Кузьмич заводит разговор,
Что, дескать, для души он поработать хочет,
О похоронах он немедля похлопочет;
А что касается детей,
То их хорошему вручить бы человеку,
И сам Кузьмич готов по доброте своей
С согласия общего малюток взять в опеку:
«Что ж, братцы! Погрешил я в досталь на веку,
Так, может, грех какой я добрым делом смою.
Уж я сироток опеку,
Уж я их успокою!»

Дивятся все, такой увидя оборот,—
 Стоят, разинув рот,
И, кажется, упасть готовы в ноги Прову.
Меж тем, пока очухался народ,
Наш «опекун», не видевши сирот,
Уводит со двора сиротскую корову!

«С О Ю З Н И К И»

«Союзника» корил сановник, хмуря брови:
«Взгляни назад: какое море крови!
Взгляни вперед: какой зловещий мрак!
Ты понимаешь ли, дурак:
Все замыслы мои бесплодно гинут,
Я осужден, оплеван, я покинут
Разумными и честными людьми!
А ты мне чем помог? Чем, прах тебя возьми?
Едва не каждый день мне поднося иконы,
Знамена да жетоны,
Ты, утопая весь во лжи,
Сулил мне доблестных «союзников» «мильёны».
А где они? А где они, скажи?..»
Упрекам нет конца. Сановник в гневѣ пылок.
«Союзник» же то запыхтит,
То закрихтит,
То поскребет всей пятерней затылок,
То пальцем ковырнет в носу...

*

Так я уж, так и быть, отечество спасу,
Скажу сановнику открыто,
Холопским душам не во гнев:
«Поставь скорей казенное корыто,
«Союзников» набьется полон хлев!»

ПРАВДА, КРИВДА И КОПЕЙКА

Издательство «Копейка», собрав газетчиков, предложило им не продавать «Правды».

(Из письма наборщика Х-с.)

Нельзя сказать, в каком году
Так повелось, но так ведется,
Что Кривде с Правдой не живется,
Что Кривда с Правдой не в ладу,
И не одна она, злодейка:
Союзник верный ей Копейка.
Людьми подмечено давно:
Копейка с Кривдой заодно!
Имея общую лазейку,
Они вдвоем всегда, везде.
С тех пор как создал черт Копейку,
Копейка с Правдой во вражде!

П О Ю Т

(*Быль*)

Рабочими организуются певческие хоровые общества.

Из рабочей жизни.

Жена молодка,
Красотка,
К заводчику, как банный лист,
Пристала:
«Ах, мне нехорошо!.. Ах, я совсем устала!..
А ты — бесчувственный... буржуй, капиталист.
Фу, гадкий, гадкий...
Как есть тюлень!
Ну, как не стыдно: целый день
Все у тебя в уме расчеты да раскладки!
Хотя на часик их забудь.
Садись вот здесь... Вот так... Поговори со мною...
Ну, приласкай меня... Склонись ко мне на грудь...
Побудь,
Как муж с женою!..»
«Ох, матушка, не до того!
Ведь ты ж не знаешь ничего.
Не только у меня заботы,
Что выкладки да в барышах расчеты.
Ты не заметила: рабочие... поют!
Поют с недавних пор, идя домой с работы.
Так эти песни мне покою не дают!

Попробовал певцов приструнить я построже,—
Так нет, спокойны все: ни криков, ни угроз.
Но стоит им запеть, как весь я настороже!
И слов не разберешь, а жутко... И по коже,
 Поверишь ли, дерет мороз!»

*

Когда рабочий плачет,
Тогда хозяин скачет,
Когда ж рабочий весел,
Хозяин нос повесил.

РЫБОЛОВЫ

Бывают же дела!
Зовите это чудом,—
Но вслед за православным людом
Лиса посты блюла
И в пост жила лишь рыбным блюдом.
«Тут дело вкуса, мол, совсем не чудеса»,
Мне скажут. Я не прекословлю.
Но дело в том: раз утречком Лиса
Пришла к реке на ловлю.
В струи прозрачные закинута леса
С наживкой — мухой золотистой.
Разнежилась Лиса на травушке росистой;
Ан глядь — напротив Волк сидит на берегу,
— Принес его нечистый!—
Сидит и ни гу-гу:
Тихонько рыбу удит.
Так делать нечего, себя Лисичка нудит
И куму шлет привет.
Кум корчит ей в ответ
Подобие улыбки:
«Желаем кумушке — наудить больше рыбки!»
А рыбки нет как нет!
В досаде Волк уж было забожился:
«Уловец-то какой здесь был, кума, вчерась!..»
И вдруг насторожился.
За ним — Лиса. В реке резвился
Меж двух крючков — Карась!
От жадности у Волка ни терпенья,

Ни совести,— он к рыбе держит речь:
«Миляга, подь сюда! От ложного движенья
Тебя хочу я оберечь.
Пусть рыбы немы, да не глухи...
Послушай-ка, держись подальше ты от мухи!
Не то как раз нарвешься на крючок.
Меж тем — гляди сюда: ну что за червячок
Перед тобою вьется!»
Лиса от бешенства трясется:
«А, серый черт!.. Так знай: ты больше мне не кум,
Подохнуть бы тебе от лихоманки!
Карасик, положишься на собственный свой ум.
И муха и червяк — равно приманки.
Да разница все ж есть,
Какую съесть.
Голубчик мой, я так толкую:
Коль все равно тебе, какую
Кончину живота обреть,
Так выбирай из них любую:
В рыбацью сеть ты можешь влезть,
Узнаешь человечьи руки;
Иль можешь смерть приять от щуки,
Иль от другой какой помрешь ты штуки,
Иль можешь за ничто пропасть,
Живым попавши в волчью пасть!..
Сравни ж теперь,— а в выборе ты волен! —
Таким концом ты можешь быть доволен?
А мне ты попадись — тебе почет какой!
Тебя я скушаю — уж похвалюсь заране!—
Не прежде, как, обсыпанный мукой,
Ты хорошо прожаришься в сметане!»

*

Карасик! Что тебе лукавый «рыболов»?!
Не слушая его коварно-льстивых слов,
Себе, а не врагу, в угоду
Нырни поглубже в воду!

КАШЕВАРЫ

*Хочет ли «Правда» вообще работать
вместе с нами, так называемыми «ликви-
даторами»? Мы ждем от «Правды» ответа.*

(Невский голос.)

Взялась за ум рабочая артель:
«Довольно быть нам сборищем случайным
Да путаться по кабакам и чайным,
Как все мы путались досель!»
Артель единогласно
К решению пришла:
Кормиться всем из общего котла!
Прекрасно.
Добыт котел и выбран кашевар —
Кривой Захар.
А так как было ясно,
Что не управиться Захару одному,
Приставили к нему
Двух пареньков охочих
(Не дюже-то рабочих),
Ерёму да Кузьму.
Так надо же греху случиться:
При первой же стряпне
Пришлось по нужде Захару отлучиться,
Когда со справою котел уж был в огне.
Кузьма с Ерёмой тары-бары
Да растабары:
«Мы тоже кашевары!»
«Ась, брат? Чай, надоть посолить».

«И поперчить да маслица расплавить».
«И молочком недурно б забелить».
«А опосля кваском заправить».
«Постой-ка, Кузя, виноват:
Забыл подбросить я салат».
Захар, вернувшись, не доглядел оплошки,
Что там сварилось — бог весть!
Артели ж довелось есть.
Едва успев хлебнуть по три-четыре ложки
Невиданной окрошки,
Ребята наши — кто куда!
Тошнит и рвет бедняг без меры,
Как от холеры.
Беда!
А поварам грозит расправа
За то, что вышла их еда —
Еще бы ничего — бурда! —
А то, как есть, отравя!

*

Ох, ликвидаторы! Что долго говорить!
Нам с вами каши не сварить!

ПОДЖИГАТЕЛИ

Зубатовщина — не умирает.
(Из газет.)

Не спится Прову Кузьмичу.
В глухую ночь идет он к стражнику Фаддею.
«Охти, беды! Совсем собою не владею.
Скажи по совести, Фаддей,— я знать хочу:
Уж я ль о батраках моих не хлопочу?
Уж я ль им не радею?
На деле, в помыслах, во всем пред ними чист!
Скажу, как перед богом...
А вот — гляди: подметный лист!
Они ль, а может, так какой-то стрекулист,
Грозят поджогом!»
Печалуется Пров,— ему и невдомек,
Что подметнул листок
Не кто иной, как плут и бражник,
Сам... стражник.
Фаддей меж тем ворчит: «Да, милый, времена!
Крушенье света, знать, приходит, старина!
Антихрист сам никак стал сеять в людях злобу.
Всяк только и глядит, где плохо что лежит.
Одначе, чтоб самим не лезть врагу в утробу,
Нам что-нибудь с тобой придумать надлежит...
Смекай! Устроим-ка, Кузьмич, с поджогом... пробу!»
Быть по сему. В ту ж ночь, домой вернувшись,
Пров
Средь сонного двора поджег вязанку дров.

Дрова попалися — сырец, горели скудно,
Так было загасить огонь совсем не трудно.
Настала снова ночь. Фаддей вошел в удар:
«А ну-ко-сь, подожди, Кузьмич, теперь амбар!»

Кузьмич послушен.

И в этот раз огонь — верней: почти пожар —
Руками батраков был, хоть с трудом, потушен.

У Прова пот на лбу.

Пров крестится, благодарит судьбу.

«Постой,— шипит Фаддей,— что ж, думаешь ты,
даром

Возились мы с дровами и с амбаром?

Попробуем теперь поджечь избу».

Поджег Кузьмич. Ан тут и вышла-то зарубка:

Изба была стара, суха,

Внутри все бревна — трубуха,

Огню податливы, что губка,—

Как порох, вспыхнула изба.

Напрасно колокол церковный бил тревогу:

Хоть к Прову полсела сбежалось на подмогу,

Торчала через час замест избы — труба!

И во дворе не велики остатки.

В огне погибли все достатки

Несчастных батраков.

Пров убивается. Фаддей же — был таков!

Проделано все ловко.

А был всему конец какой?

Поправил кое-как дела Кузьмич страховкой;

Фаддея становой

«За расторопность со сноровкой»

Пожаловал двойною ассигновкой.

За всю же бывшую с пожаром кутерьму,

— Ну, есть ли правда где на свете?! —

Остались батраки в ответе:

Их «за поджог» всех упекли в тюрьму!

П О Р О Д А

У барыни одной
Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной.
Был он для барыни равно что сын родной:
День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит,—
Обмывши розовой водой,
И пудрит и помадит.
А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
Мужик Аким.
Но под конец такое дело
Акиму надоело.
«Тьфу,— говорит,— уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный снесу,
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
Так порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: «Скажи ты мне,
Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?
Ума не приложу:
За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду?!»

«За что?— ответил пес, скрывая в сердце злость.—
За то, что ты — мужичья кость,
И должен чтить мою высокую породу!»

*

Забыл Аким: «По роду и удел!»
Так ведь Аким — простонародье.
Но если я какого пса задел,
Простите, ваше благородье!

СЫНОК

Помещик прогорел, не свесть конца с концом,
Так роща у него взята с торгов купцом.
Читателям, из тех, что позлословить рады,
Я сам скажу: купчина груб,
И рощу он купил совсем не для прохлады,
А — дело ясное — на сруб.
Все это так, чего уж проще!
Однакож наш купец, бродя с сынком по роще,
Был опьянен ее красотой.
Забыл сказать — то было вешним утром,
Когда, обрызгана душистою росой,
Сверкала роща перламутром.
«Не роща — божья благодать!
Поди ж ты! Целый рай купил за грош на торге!
Уж рощу я срублю,— орет купец в восторге,—
Не раньше осени, как станет увядать!»
Но тут мечты отца нарушил сын-мальчонок:
«Ай, тятенька, гляди: раздавленный галчонок!»
«И впрямь!.. Ребята, знать, повадились сюда.
Нет хуже гибели для птиц, чем в эту пору!
Да ты пошто ревешь? Какая те беда?»
«Ой, тятенька! Никак ни одного гнезда
Мне не осталось... для разору!»

*

Что скажешь о сынке таком?
Он жадность тятькину — в количестве сугубом,—
Видать, усвоил с молоком,
Был тятка — кулаком.
Сын будет — душегубом!

«П Е С»

«Хозяин стал не в меру лих!
Такую жизнь,— сказал в конюшне рыжий мерин,—
Терпеть я больше не намерен:
Бастую — больше никаких!»
И мерину в ответ заржали все лошадки:
«Ты прав, ты прав!
Стал больно крут хозяйский нрав,
И далеко зашли хозяйские повадки!»
Бывалый мерин знал порядки.
Он тут же внес на общий суд
Ряд коренных вопросов:
Про непосильный труд,
Про корм из завали, гнилой трухи, отбросов
(Сенца не видели, где ж думать об овсе?),
Про стариков, калек,— про тех, что надорвались...
Лошадки обо всем в минуту столковались,
А столковавшись, забастовали все!
Хозяин промышлял извозом,
Так потому его,
При вести о таких делах, всего
Как будто обдало морозом.
Но все ж на первых он порах,
Хоть самого трепал изрядный страх,
Прибег к угрозам.
Не помогло. Пришлось мудрить.
Лошадок пробует хитрец уговорить
Поодиночке.
Дела на мертвой точке!
Хозяин — зол, хозяин — груб,—

То бороду рванет, то чуб,
И, наконец, с досады
 Стал даже пить.
«Ведь до чего же стойки, гады!
Никак, придется уступить!»
И уступил бы. Очень просто.
Да — как бывает у людей:
На чистом теле вдруг короста! —
 Без скверного нароста
 Не обошлось у лошадей:
В надежде выслужить почет, покой и негу
 Дал впрячь себя в телегу
 Жеребчик молодой.
Вздыбились лошади: «Гляди, подлец какой!»
 Родная мать, мотая головой,
 Сынка стыдила:
«Мать, братьев променял ты на щепоть овса!
И как тебя на свет я только породила,
 Такого пса?!»
 Меж тем хозяин ободрился,
 На «псе» на бойню прокатился,
Всех забастовщиков сбыв с рук — и дня не ждал:
Скорей купил и впряг в погибельное дышло
 Лошадок новых.
 Что же вышло?
Жеребчик прогадал:
 Хозяин взял привычку
 Пускать покорного скота
 На всякую затычку.
Так «пес» не вылезал почти из хомута!
И каялся потом не раз он, горько плача,
 Да поздно. Под конец
Жеребчик стал — куда там «жеребец»! —
Как есть убогая, заморенная кляча!

РАБОТНИЦА

Склонилась тихо у станка.
Привычен труд руке проворной.
Из-под узорного платка
Задорно вьется волос черный.

Но грустен взгляд лучистых глаз:
В нем боль и скорбь души невинной.
Слеза, сверкая, как алмаз,
Повисла на реснице длинной.

В груди тревогу сердце бьет:
Враг властный стал с работою рядом,
Дыханьем жарким обдает,
Всю раздевает жарким взглядом:

«Слышь... беспременно... ввечеру...
Упрешься — после не взыщи ты!»
Застыла вся: «Умру... Умру!»
И нет спасенья! Нет защиты!

ПРАВДОЛЮБ

«В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе», —
Так начинают все, да нам — не образец.
Начнем: в одном селе был староста-подлец,
Ну, скажем, не подлец, так что-то в этом роде.
Стонали мужики: «Ахти, как сбыть беду?»
Да староста-хитрец с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
 Держать себя подобно воеводе,
 Сражаться с иродом таким
 Боялись все. Но только не Аким:
 Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный правдолюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
 Так поминай как звали!
Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
 Такую резал правду-матку,
Что тот от бешенства рычал и рвался в схватку, —
Но приходилось смирять горячий нрав:
 Аким всегда был прав,
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
 Да что? Не в правде сила!
В конце концов нашел наш староста исход:
 «Быть правде без поблажки!»
Так всякий раз теперь Аким глядит на сход...
 Из каталажки.

ВОЛК

Газета «Земщина» открыла рабочий отдел, в котором призывает рабочих к «классовой» организации.

(Из газетной хроники.)

Долгонько я молчал. А правду молвить надо.

*

В овечьей шкуре Волк прокрался как-то в стадо,
Взобравшись на бугор, он к овцам держит речь:

«Овечки, ярочки, подруги!

Покажете пример для всей округи,

Что овцам незачем давать себя стеречь!

Удрав от пастухов с их преданными псами,

Докажем всем, что мы от Волка уберечь

Себя сумеем сами.

Да что! Ведь, как-никак, Волк тоже с головой:

Смекнет он сам, что с нами

Ему расчет прямой

Сойтись на мировой.

Подруженьки, нет спору,

Что Волку не корысть

Овец вповалку грызть

Без вкусу, без разбору.

Сподручней для него нас есть... по договору!

Забыв, что было день назад,

Мы с Волком поведем дела на новый лад.
И я уверена, что сам он будет рад
К обеду резать нас — законно и без риску —
По нами ранее одобренному списку».

*

Вот где — любуйтесь — грамотеи!
В игре с рабочими им нечем козырнуть,—
Казалось бы: оглобли повернуть,—
 Так нет, пустились на затеи!
 Да не с того конца!
 Не скрыли хищного лица,
Как ни рядилися в рабочие тулупы.
Ведь басня вся моя — для красного словца,—
 Рабочий — не овца!
А волки «Земщины»... ей, не по-волчьи глупы!

СВАТОВСТВО

«Ну, чем, скажи ты мне, сынок мой не жених?»

«Дочь у меня, чай, тож невеста

Не из худого теста!»

Вот были мужики! И не сошли ведь с места,

А дело слажено у них:

Едва ль не за вторым стаканом

Толкуют о приданом.

А только кулака, ей-ей, надул кулак:

Жених известный был плутяга и маклак

И бил в глаза фальшивым глянцем.

Невеста же, хотя и впрямь брала

И телом и румянцем,

Однакоже давно промеж парней слыла

Девицею... с «изъянцем»!

*

Слышал я, что кадет стал нынче в женихах,

Что к «прогрессистке» он заслал московских свах.

— Не думайте, что сдуру или спьяна!

Купчиха хоть проста, да сдобна и румяна.

А что касается изъяна,

Девица — спору нет — с «грешком»,

Зато жених с «хорошим тоном».

Так все покроется «законом»

И золотым мешком!

ТЕРЕХА

«Многие рабочие читают буржуазные господские газеты, потому что там пишут занятно».

(Из письма рабочего.)

У всякого Ермишки
Свои делишки.
А у Терехи дел — хотя б на полчаса.
День целый паренек шныряет по заводу
Да мелет языком: сначала — про погоду,
Про сплетни разные, потом — про чудеса,
Каких не слыхано и сроду,
А там — хитрец каков!
Ведь начал с пустяков —
Ан глядь, в конец того выводит вавилоны
Про власть и про законы,
Про мирное житье, покой и благодать,
Про старые порядки,
Которые, мол, грех огульно осуждать,
И про рабочий люд: ему б терпеть да ждать,
А он туда ж — шумит, бастует без оглядки!..
Завод под вечер тих и пуст,
Зато полна пивная лавка.
Тереха тут. Вокруг Терехи — давка.
Тереха — златоуст!
Что ж так? Аль все вчера от пашни?
Ужель рабочим невдомек,
Что их морочит всех зубастый паренек,
С хозяином сведя лихие шашни?

Какое! Знают все. Наружу правда прет.
Куда Тереха гнет, всем до чего понятно!
А слушают взасос: «Что ж из того, что врет?
Да врет-то как занятно!»

*

Когда б я мог!
Когда б имел я бойкий слог!
Уж то-то б написал статейку
Про «Речь», «Биржевку» да «Копейку»,
Не забыв еще газеток двух иль трех,
Что нравятся иным рабочим,
До разного вранья охочим,
Где что ни слово — брех, да ведь какой же брех:
Не одного, а дюжины Терех!

СОЮЗ АРАПОВ

«Особое присутствие, закрыв два профессиональных общества рабочих, в том же заседании разрешило регистрацию трех игорных клубов».

(Из газет.)

Ареопаг со страхом
Сидел, внимал докладу:
«Стоим мы перед крахом!
С народом нет уж сладу!
Куда я взор ни кину,
Отрады нет для взора:
Мужик жует мякину,
Мужик нам — не опора!
Рабочий — груб, невежда,
Нас съесть готов с нахрапа.
Одна у нас надежда
На клубного арапа!»
«Мужик?.. Рабочий?.. Прочь их! —
Воскликнул хор сатрапов.—
Долой союз рабочих!
Ура, союз арапов!!»

«УБИЙЦА»

«Ох, батюшки! Уж я ль воров не берегусь?
А что терплю от них! Ведь тут уж не до шуток:
То в курах был урон, потом дошло до уток,

А нынче скраден — гусь!»

Хотя валялися и потроха и перья

Вокруг собачьей конуры,

Хозяин все же до поры

К собакам не терял доверья.

Но раз их стал корить, что даром хлеб едят:

Добра хозяйского ни малость не глядят.

Собакам тот укор сказался подозреньем.

Уж не донес ли кто тайком?

А как щенок один давно был под сомненьем,

То псы расправились немедля со щенком

И с неостывшим рвеньем

Над трупом подняли они же слезный вой.

Допреж того был туг хозяин головой,

А тут еще, такой увидевши разбой,

Он речью подлой и лукавой

Пса старого был с толку сбит совсем.

Пес выл: «Да будет вам, друзья, известно всем,

Что сей щенок сражен не камнем, не отравой:

От вражеских зубов за нас пал он со славой!

Он — мученик... Герой... Он — жертва злых

страстей!..

Псы верные, клянусь у дорогих костей,

По виду ран сужу... Тут пахнет чертовщиной!

И будь хозяин наш не бабой, а мужчиной,

Он смог бы показать пример,
Как строго должен быть наказан зверь-убийца,
Злодей и кровопийца,
Проклятый изувер!»
Хозяин речью был растроган и взволнован.
Собаки ж до того, казалось, были злы,
Что вмиг «убийца» был разыскан, арестован,
Приведен и закован
В двойные кандалы.
Не знаю точно, как арест был обоснован,
Но старый лютый пес, забившись в конуру,
Смеялся там до слез, до судорожных колик:
«Ав-ав, смехотушка!.. Ав-ав-ав-ав, помру!..»
Как не смеяться?! Я не вру:
Был в кандалы закован... кролик!

*

Не знаю, говорить иль нет
О «следствии» скандальном?
Лихие псы взвели на кролика навет
В убийстве «ритуальном».
Хоть ясно, чем грозит подобная беда,
И хоть на правый суд надежды очень мало,
Но — всякое бывало! —
Над правдою в судах глумились не всегда.
Так подождем суда.

«ВЕЩУНЬЯ»

Приятель мой ворчит: «Ох, до каких же пор?!
Скажи: над «Правдою» опять повис топор?
 Был обыск? Выемки лихие?»
 «Вранье!.. Да кто тебе сказал?»
Приятель мне «Россию» показал:
 «Ро-с-си-я»!!
 Ну, жди теперь добра!
Ведь тут не просто врет неопытная сводня,—
 Чернила капали с «казенного» пера:
 Про обыск писано вчера,
 Так надо ждать его сегодня!»

Л Е Т О

Над высохшим Ингулом
С ружьем в руках бреду,
Поля рабочим гулом
Полны: косьба в ходу.

Блестят на солнце косы,
Стучат о сталь бруски,
Широкие покосы
Ложатся до реки.

Мелькают часто грабли,
Вязальщицы в поту.
«Что, милые, ослабли?
Жара невмоготу».

«Ништо!.. Вот ты бы, право,
Прошел с косой хоть раз!»
И смотрит так лукаво
И щурит черный глаз!

«Что ж думаешь, воструха?
Аль не видал я ржи?!
Дай косу мне, Петруха,
А сам за мной вяжи».

Рукам от поту склизко.
Мой первый взмах — высок.
Пустил я косу низко:
Коса вошла в песок!

«Умора!.. Фу ты, ну ты!» —
Смеются косари.
На пальцах в три минуты
Натер я волдыри.

Но боль сношу геройски,—
Уж как ни есть — кошу.
С крестьянами по-свойски
Под вечер — к шалашу.

Вкусна простая каша
Из общего котла.
Бесхитростная наша
Беседа весела.

«Так завтра к вам опять я!
Прощайте, земляки!»
И любви мне пожатья
Мозолистой руки.

ПОЛКАН

Заграй Полкана поносил
Что было сил:
«У, дьявол старый!.. Лежебока!..
Хозяйский прихвостены!.. Наушник!.. Егоза!
Бесстыжие твои глаза!..
Подох бы ты до срока!»
«Аль ты совсем оглох, Полкан:
Сидишь — молчишь, как истукан.
Что ж не проучишь ты буяна?»
Приятель так — Султан —
Спросил Полкана:
«Ужель ты хочешь допустить,
Чтоб стал Заграй тебя честить
Пред целым нашим вечем?!
Грызни как след его!»
«Ох, брат, —
Вздохнул Полкан, — грызнуть я рад,
Да нечем!»

*

Кадет, кадет!
Ну, что бы взять пример с Полкана,
Чтоб не было обмана:
Молчать бы, коль зубов уж нет!

ГИПНОТИЗЕР

Помещик некий, быв изрядным фантазером,
Задумал стать гипнотизером,
Добыл из города два воза нужных книг,
Засел за них, читал не две — не три недели,
Едва ль не целый год, и, наконец, достиг
Желанной цели:

Любого мужика мог усыпить он вмиг!
Да слуги барина к тому ж гневить не смели,
Так стоило ему явиться средь двора,
Как бабы, мужики и даже детвора

Валились наземь и храпели.

«Вот ум! Вот голова! —

Прошла про нашего затейника молва

Среди помещиков-соседей. —

Подумать лишь, хитрец каков!

Не надо больше тумачков:

Почище найдена управа на медведей!»

(То-бишь, на мужиков.)

И в первый праздничек соседи мчат к соседу.

Но пир гостям — не в пир, беседа — не в беседу,

И преферанс — не в преферанс!

Им гипнотический подай скорей сеанс!

Без лишней канители

Желанью общему хозяин уступил:

Емелю-конюха в два слова усыпил.

Все гости онемели!

Хозяин между тем из сонного Емели

Что хочет, то творит:

«Емеля, — говорит, —

Глянь, становой в деревню мчится!»

Мужик томится:

«Ой... братцы... ой...

Разбой!»...

«Постой,

Никак — ошибка!

Не разглядел я, виноват,

К нам едет думский депутат!»

У мужика — улыбка:

«Вот будет рада... попадья...

Стал депутатом... поп Илья!»

Поповским голоском запел хозяин: «Чадо,

Скажи, чего первой просить для паствы надо,

Когда в столице буду я?»

И стоном вырвалось у бедного Емельки:

«Проси... земельки!»

«А про помещиков ты, вражий сын, забыл?»—

Тут гости сгоряча вскричали в общий голос.

Емеля взвыл.

Стал у Емели дыбом волос,

И, засучив по локоть рукава,

Такие наш мужик понес слова,

Что гости с перепуга

Полезли друг на друга!

*

Скажу я господам иным

(Здесь места нет пока угрозам):

Мужик чувствителен всегда к своим занозам.

Не прикасайтесь к его местам больным,

Хоть он и под тройным

Гипнозом!

БЛАГОДАРНОСТЬ

«Спасите!.. Режут!.. Караул!!!»
«Робя!.. Корней... Петра... Федул!
Будите всех скорее, черти!
Чать, у хозяина разбой!»
Бегут приказчики толпой
Спасать хозяина от смерти.
Вмиг дом хозяйский окружив,
И в дверь и в окна прут ребята.
Разбойная ватага смята.

Хозяин жив!

«Ф-фу! — отдышался наш купчина.—
Уж думал я: пришла кончина.
Ан, слава богу, уцелел.
Теперь б одного хотел:
Чтоб, значит, братцы... по закону...
Вы мне по рублику б несли...»
«За что?!»

«Воздвигли б вы икону
За то, что вы меня спасли!»

ДОМ

В шестиэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

(Новое время, № 13056, 1912 г.)

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут — пришлось тужить:
Дом — ни продать, ни заложить,
Жильцы — вразброд бежали,
А кредиторы — жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: «Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою.
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,

Переменил обои
И — смотрит богачом!
Дом — только б не было насчет нутра огласки —
По виду ж — ничего: жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в «новом» доме все с заморских образцов:
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова
И даже
— Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.
Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов — всего послушный только дворник,
Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Для дешевизне, впрямь, дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же — весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!
Хозяин в бурное приходит восхищенье:
«Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»
Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.
Как только ж удалось свесть
Ему концы с концами,
К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать и честь,
И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.
Контрактов не было, так потому хитрец
Мог проявить хозяйский норов

И выгнать бедноту без дальних разговоров.
А чтобы во «дворец» не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам —
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно:
Дом рухнул. Только я проверить не успел:
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

1912 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ 1919 ГОДА

На днях, отдавши дань «очередным делам»,
Ушел я с головой в бумажный старый хлам:
Пред тем как сбить его на кухню для растопки,
Попробовал я в нем произвести «раскопки».

И до чего был рад,
Когда нашел пяток полузабытых басен,
Что мною писаны «сто лет» тому назад.
По скромности своей, конечно, я согласен,
Что басни — не ахти какой великий клад.

И все ж, считаясь со сроком
И с тем, какой я «дом» тогда имел в виду,
Вы скажете, что я в двенадцатом году

Был недурным пророком.

«Дом» — сами знаете: стряслась над ним беда,—
«Хозяин» и «жильцы» из благородной кости

Махнули кто куда,—

По большей части — к черту в гости;
А уцелевшие, осатанев от злости,
Досель еще чинят немало нам вреда.
Но, вырвав все клыки из их широкой пасти,
Мы барской сволочи вернуться снова к власти
Уж не позволим никогда,—
Ни им самим, ни их лакеям,
Всея «демократии» гнилой,—

Мы знаем цену всей работе их былой
И «учредительным» затеям:
В руке их — красный флаг, а белый — под полой.
Глупцами лестно ли нам быть в глазах потомков,
Быть осужденными суровым их судом?
Дом старый рушился. Но мы наш новый дом
Не станем строить из обломков.
Мы, «черные жильцы», дадим врагам ответ:
Как их искусные строители ни бойки,
Но скоро убедить сумеем мы весь свет,
Что дома лучшего не может быть и нет,
Чем дом советской стройки.

ЛАПОТЬ И САПОГ

*Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.*

(«Псковская жизнь», 1911 г.,
№ 557. «Деревенские частушки».)

*Где в мире найдем мы пример, подобный
русской аграрной реформе? Почему не мо-
гло бы совершиться нечто подобное и среди
тружеников промышленного дела?*

(«Россия», 17, VIII 1912 г.)

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто — под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.

«Ну, что, брат-лапоть, как делишки?» —

С соседом речь завел сапог.

«Не говори... Казнит меня за что-то бог:

Жена больна и голодны детишки...

И сам, как видишь, тощ,

Как хвощ...

Последние проели животишки...»

«Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?»

«Не, мира не порочь.

Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне!»

«Что ж? Лапти перешли в дворяне?»

«Ох, не шути...

Мы — хуторяне».

«Ахти!

На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?»

«Почти!

От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: «Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
Кто не пойдет на хутора
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,
Рукам — легко, душе — отрадно.
Рай — не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!»
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Проверили. Изведали житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало — не воротишь!
Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья». —
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздыхнул сапог: «Эх-ма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя как ни тяжка,—
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»
Насчет отпору,
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.
А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка нас тронь.
Мы повоюем!»

ПРЕДВЫБОРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

«Г-н К. нашел, что человек — животное четвероногое. Самое естественное его положение — «коленно-локтевое».

(«Запросы жизни», № 33.)

Кусковой рек Коробка:
«Да! Выборы — сраженье.
Какое ж в нем, миледи,
Занять нам положенье?»

«Милорд, — так без смущенья
Воскликнула Кускова, —
Нет лучше положенья
Коленно-локтевого!»

То слыша, «Речь» приходит
В восторг и умиление:
«Идите ж к нам! Наш лозунг —
Коленопреклоненье!»

Х О Р О В О Д

Ариша — с ворохом вестей! —
На все село разголосила:
 «Ахти, что у попа гостей!
 Невидимая сила!
Кого там нету: становой,
Исправник, земский, волостной,
Наш землемер, два аблаката,
Два дохтура, а третий тот,
 Что лечит скот
И нашего подлечивает брата!..
Лабазник, два аль три кунца,
Помещики со всей округи...
 Не досмотрела до конца,—
 В глазах и так пошли уж круги.
И что попов! Да все — румяные с лица.
 Помимо нашего отца,
Всех столько, что хотя имела я охоту
 Их сосчитать, да сбилася со ечету!»
Впрямь, у попа в гостях уездная вся знать.
 Пир — море разливное!
 Охота мужичкам узнать,
 С чего б веселие такое?
Бежит, глядит, дивуется народ:
 «Никак, у бати хоровод».
«Добро: не сеют и не пашут,
 А все едят и сладко пьют!»
«Жаль, что тебе вот не дают!»
«Гляди-ко, пляшут!»
«Робя!.. Поют!»

«Да чтой-то мало в песне ладу!»
«А там вон спорят до упаду!»
«Про Думу, лешие, орут».
«И как орут:
Как будто кожу с них дерут!»
Дрожит поповская светлица.
Кончают гости шумно день,
Глядит народ через плетень.
На затуманенные лица
Угрюмая ложится тень.
«Тьфу,— не стерпел, ругнулся Фока,—
И не провалится над ними потолок!
На нашу голову их леший всех сволок!
Н-ну, будет склока!»

*

У мужичка — чутье!
Смекает он, кому тут варится питье,
О чем ведется торг до срока.

БАНЯ

Жена у Прова Кузьмича
Не зла, да больно горяча,—
Где праздник, уж орет заране:
«Отмой-ка, пентюх, грязь ты в бане!»
«Иду — чего уж там?— иду!»
Кузьмич с женой всегда в ладу;
Не то чтоб был мужик покорный,
Да бабий норов знал он вздорный:
Перепечет в сердцах кулич,
А виноват, мол, Пров Кузьмич.
В предбаннике хвативши чару
— И не одну, поди! — винца,
Пров с полки кличет молодца:
 «Поддай-ко-сь, милый, пару!»
Вконец разнежившись в пару,
Пров стонет: «Сем-ка, подбодряся,
Водой холодной окачуся,
Силенок свежих наберу.
Всамделе, стал тетюхой слабой:
Сдаю изрядно перед бабой».
Что ж вышло, братцы, с мужиком?
С того ль, что был он под хмельком,
С того ль, что думал про хозяйку,
Бедняк, не ту схвативши шайку,
Весь окатился... кипятком!

Хотя ты мне ни кум, ни сват,
А все скажу я: бюрократ,
Не брезгуй, брат, моим уроком.
Бог весть, что будет впереди?
На новых выборах — гляди! —
Не обвариться б ненароком!

СВИНЬЯ

Кудахчут жалобно наседки,
Горланят петухи:
«Мы ль провинились чем? Иль виноваты предки?
Цыплята наши, детки,
За чьи вы терпите грехи?
Где, у кого, за что добиться нам прощенья?»
Шумит весь птичий двор,
Недалеко до возмущенья.
На сходе петухи выносят приговор:
«Товарищи, позор!
Не слыхано от века,
Чтоб верховодил кто чужой у нас в семье,
Чтоб над цыплятами опека
Была поручена... свинье!
Бороться должно нам!»
А силы нет бороться!
Так, чтоб на горшую беду не напороться,
В тот час, когда
Еще вконец надежда не изъята
Найти в свинье хоть капельку стыда,
С запросом слезным к ней шлют куры депутата.
«Высокородная,— так начал депутат.—
Скажи, кто в этом виноват,
Что наш курятник год от году
Все меньше радости имеет от приплоду?
В тревоге матери, отцы:
Тобою взятые для выучки птенцы
В твоих свинарниках хиреют, вянут, сохнут
И поголовнодохнут!

А ежели какой
Останется живой,
И тот не в радость нам: приносит он домой
Такие странные привычки и манеры,
Что стыдно говорить и приводить примеры!»
«Ах, боже, боже мой,—
Захныкала свинья.— И я же виновата!
Чем от меня, скажи, обижены цыплята?
Жалела я для них помой?
Иль обделяла их навозом?
Иль не купала их в грязи я в летний зной?
На свежем воздухе зимой
Не закаляла их морозом?
Я развивала в них и выдержку и прыть,
Уча не как-нибудь — тому, сему, иному,
Но всем премудростям (хороших дел не скрывать!):
И желуди собирать, и клювом землю рыть,
И даже — хрюкать по-свиному.
Цыплятадохнут?.. Так. Ну, что ж? Пускай порой
Из тысячи цыпляток
В живых останется десяток.
Зато взгляните-ка на их парадный строй:
Что ни цыпленок, то герой!
Ей-ей, свинье другой
Таких не видеть поросяток!»

*

Читатель, запиши:
Свинье хоть кол на голове теши!
В том, что для нас пример бесчинства,
В том часто для свиньи задача материнства.
Друзья, греха не утаю,
Сам выше всех свиней я ставлю ту свинью,
В которой больше свинства,
А что касается цыплят,—
Свинья творит, что ей велят,
И нет особых вин на этой генеральше.
Советую искать виновников подальше.

Г А С Т Р О Л Е Р

Провинция каналье шустрой — клад.
Какой-то правый депутат
В губернский городок приехал на гастроли —
Не для погрома, нет, совсем в особой роли:
Читать предвыборный доклад.
Весь город потонул в афишах:
Афиши на столбах, заборах, фонарях,
Афиши на ларях,
На будках, на домах и чуть ли не на крышах.
Цветами, флагами украшен был вокзал,
И для доклада лучший зал
Отведен был задаром.
Доволен будет пусть амбаром
Какой-нибудь эс-дек
Иль страшный чернoblузник,
Но не солидный человек,
Не депутат-союзник.
Народу полон зал набилось на доклад.
Союзник рад.
С лоснящеюся рожей,
Пред губернаторской осклабившись ложей,
Он начал говорить
И с первых слов понес такую ахинею,
Что, только вспомнивши о ней, уж я краснею,
Не то чтоб слово повторить.

Казалось, лиходей оглоблей всех ударил.
Люд ошарашенный стал сразу глух и нем,—
А кто-то между тем
Рукою жадною в его карманах шарил!

*

Урон, положим, небольшой —
Уйти домой с пустым карманом —
Для тех, кто, опоен дурманом,
Ушел еще с пустой душой.

ПИТОМНИК

I

«СВОР»

«Умерь ты свой проклятый храп!»

«А что?»— ворчит со сна Арап

Кудлаю.

«Да то: прислушайся ты к лаю,

Что поднялся на все село».

«Псы, вправду, чтой-то лают зло:

И визг, и лай, и скрежет,

Как будто кто их режет.

Давно такое?»

«Да с утра».

«Сейчас мы все узнаем».

Друзья — Арап с Кудлаем —

Махнули со двора,

Бежали садом, огородом,

Вмиг очутились средь села.

«Собак, собак-то!»

«Без числа».

«Окружены зачем народом?»

«Кудлай, назад! Кудлай, сюда!

Не вышла б шутка тут плохая!»

Но поздно звал Арап Кудлая:

Уже стряслась над ним беда

Лихая.

Был пес — Кудлай наш — молодой,
Имел два года ровным счетом.
Не знал бедняк: беду — бедой
Ему считать или почетом?
А обстояло дело так:
Согласно чьим-то повеленьям,
По городам и по селеньям
Шел выбор редкостных собак
Для пересыла их в столицу.
Сплетая с былью небылицу
И примышляя всякий вздор
И враки,
Собаки доводили спор
До драки.
Собачий будет, дескать, «сбор».
Затем — такие шли догадки! —
Чтоб новые завести порядки,
Мол, будет выдана статья;
Насчет собачьего житья;
Забыв обычные этапы,
Собакам счастье лезет в лапы!
Так вот: когда взвился аркан
Над зазевавшимся Кудлаем,
Метнулся весь собачий стан:
«Кудлаша, поздравляем!»
Кудлай завыл. Но, разобрав
Из поздравлений, в чем тут дело,
Глядит и весело и смело:
«Арап-то, стало быть, не прав!»
Гордиться мог Кудлай отчасти:
По силе, росту и по масти
Такого поискать бы пса!
Вокруг Кудлая голоса:
«В столице, брат, чины и власти...
Как понатрешься меж людей,
О нас, голубчик, порадей.
Вся на тебя надежда наша,
Кудлаша!»

II
П И Т О М Н И К

Столица. Грязный двор. Сарай,
В нем — «сбор» собачий под запором
Разноголосым воет хором.
Всем подвывает наш Кудлай.
Горюет бедный пес. Еще бы
Не горевать! Он разглядел:
Не для решенья важных дел
Он вырван из родной трущобы,
Но для невиданной учебы...
«Сбор» походил весьма на «сброд».
Псы были всяческих пород:
Простых, и благородных,
И тощих, и дородных...
Перечислять их я б устал.
Скажу одно: Кудлай пристал
К таким, как сам, беднягам—
Дворнягам.

Учеба шла. Что день, с утра
Псов муштровали унтера.
Изведав их и гнев и ласку,
Пускались псы в лихую пляску.
Трясаясь пред унтерским хлыстом,
Кто не плясал — вертел хвостом,
Чтоб угодить и нашим
И вашим.

Но с кем управы никакой, —
С дворнягами! Их левый угол
Прослыл притоном пугал:
Не справиться со сворой злой
Ни добрым словом, ни метлой.
И про дворняг пошли уж толки,
Что не собаки это — волки!
Муштровки был конец каков?
Покорным псам — чины, награды,
Высокие оклады.
Ищеек возвели в шпиков.
Все водолазы

Отправлены во флот.
Свчаркам не избыть хлопот:
Даны им строгие наказы —
Рабочий подъяремный скот
Беречь от пагубной заразы
(Читатель знает, от какой).
Левреток, пуделей, болонок
У именитых старушонок
Ждут — роскошь, нега и покой.
Не убоясь позорной славы,
Польстясь на харч и на рубли,
Все волкодавы

В тюремщики пошли.

Хотя не на казенной службе
Пришлось служить виляй-хвостам,—
По частным тепленьким местам
Их всех пристроили «по дружбе».
А где ж дворняги? Стороной
Слыхал от шавки я одной,
Что непокорную всю свору
Сослали... к живодеру,—
Не всю, положим. Сорвалось!
Пустившись на авось,
Кудлаша задал деру!..

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком берегу
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.

«Здорово!» — пропищал кларнет.

«Здорово, брат, — рожок в ответ, —
Здорово!

Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?»

«Вот это ново, —

Обиделся кларнет. — Глаза вперед протри
Да лучше посмотри,

Чем задавать вопрос мне неуместный.

Кларнет я, музыкант известный.

Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!

Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.

А все скажу, не утаю:

Под музыку мою

Танцуют, батенька, порой князя и графы!

Вот ты свою игру с моей теперь сравни:

Ведь под твою — быки с коровами одни

Хвостами машут!»

«То так, — сказал рожок, — нам графы не сродни.

Одначе, помяни:

Когда-нибудь они

Под музыку и под мою запляшут!»

ВЕНЧАНИЕ В ДЕРЕВНЕ

В убогой церковке толпятся стар и млад
От алтаря и до притвора.
«Ой, батюшки, умора!
Должно, жених взаправду клад,
Что у него невест такая свора!»
«Где, где они?»
«Вон, матушка, гляди:
В нарядах подвенечных!
Стопилось впереди
Чуть не полдюжины сердечных!»
«С одним-то женихом?»
«Ай, да Пахом!»
«Ай, бабий же угодник!»
«Пришлось крутенько, греховодник?»
Пахом то на невест зернет, то на толпу.
Ни жив ни мертв стоит бедняга пред налоем.
Невесты с воем
Кидаются к попу.
«Ох,— поп кряхтит,— куда ж девать мне вас,
ей-богу?»
Чай, будет с паренька невесты и одной». «Ребенка прижила!»
«Врет, врет она, родной!»
«Ославил!»
«Обманул!»
«Со мной венчай!»
«Со мной!»
«Тьфу, чтоб вас,— плюнул поп,— тут
дьявол сломит ногу!»

И, утирая рясой пот,
Поп кличет сторожа: «Федот,
Зови урядника скорее на подмогу,
Пускай он разберет,
Кто врет.
А я за всех не отвечаю.
Какую из невест урядник отберет,
Я ту и обвенчаю!»

ПОДХАЛИМ И ЮЛА

«Нет, не доволен я Москвой!»

А. Г у ч к о в (после провала).

«Тереху выбрали! Да что вы, очумели?
Ну, нечего сказать, сыскали ходока!»
На весь на сход орет Лука:
«Юле доверились, проныре, пустомеле...
Да я чем хуже, в самом деле?»
«Эх,— крякнул дед Ермил,— Лука, не шебарши!
Вы оба хороши,
Одна вам и цена и мера...
Взяла бы вас холера!
На кой бы вы нам дались ляд,
Когда бы довелось нам выбирать свободно,
Кого самим угодно,
А не кого велят?
Слышь, опчество кого облюбовало? Клима!
А где наш Клима? Тю-тю! Пыль только вслед легла,
Так хоть потешимся, коль наша не взяла.
Уж был ты «ходоком», видали — подхалима!
Посмотрим, как теперь почнет
Мудрить юла?»

РАЗМАХНУЛСЯ Б Я БАСНЕЙ ЗАДОРНОЮ...

Задержаны и арестованы три народных певца, распевавших по дворам песни революционного содержания.

Размахнулся б я басней задорною,
Распротысь на минуто с кручиною,
Да боюсь, чтобы слезы не брызнули
Под веселой личиною.

А и спел бы я, братцы, вам песенку
Обо всем, что на сердце скрывается,
Да не всякая песенка
До конца допеваается.

ЖУК И КРОТ

В момент весьма серьезный
(Обжоре хищному, Кроту, попавши в рот)
Взмолился Жук навозный:
«Не ешь меня, высокородный Крот!
Ты знаешь сам, слыву я жестким блюдом,
Меж тем живым я — побожусь! —
Тебе в чем-либо пригожусь».
Внял Крот мольбе каким-то чудом:
«Ин так и быть, живи,
Комар тебя язви!
Желудок свой изнежив червяками,
Намедни, впрямь, его расстроил я жуками
И натерпелся мук.
А ты как будто славный малый:
Храбрец и говорун. Должно, взаправду Жук
Бывалый.
Послушай: по душам потолковав со мной,
Уж вот как ты меня обяжешь,
Когда мне обо всем, что знаешь, порасскажешь.
Хотелось бы мне знать, к примеру, как весной
Благоухают розы.
Слышал я стороной,
Что аромат у них довольно не дурной».
«Душок — божественный!» — утерши лапкой слезы,
Счастливый Жук жужжит Кроту

И, чтобы отплатить ему за доброту,
Желая показать, как дивно пахнет роза,
Подносит... шарик из навоза.

*

На вкус и цвет
Товарища, как говорится, нет.

ЭСТЕТИК

*«Долой политику!
Да здравствует эстетика!»*

Из современных
лозунгов.

Ослу, каких теперь немало,
Наследство с неба вдруг упало.
Добро! За чем же дело стало?
Схватив что было из белья
Да платье модного покроя,
Летит на родину Илья
(Так звали нашего героя).
«Ах! Ах! — приехавши домой,
Заахал радостно детина. —
Какая прелесть, боже мой!
Ну что за дивная картина!
Обвеян славной стариной,
Как ты прекрасен, дом родной!
Привет, почтенная руина!
В тебе живут былые дни.
Священна каждую песчинкой,
Стой, как стояла искони!
Тебя я — боже сохрани —
Чтоб изуродовал починкой!»
Избравши для жилья покой
Полуразрушенный, с пролетом,
Лишенным кровли, наш герой
Ликует, хоть его порой
То куры угостят пометом,
То сверху треснет кирпичом,

То дождь промочит. Ровным счетом
Илье все беды нипочем.
Сроднясь душой и телом с грязью,
Леча ушибы — пудрой, мазью,
Среди развалин и гнилья,
Среди припарок и косметик,
Не падал духом наш Илья.
Он был в восторге от «жилья»,
Зане — великий был эстетик!

ЛОЖКА

Набив пустой живот
Картошкой вареной,
Задумался Федот.
Задумавшись, вздремнул и видит сон мудреный:
Все ожило кругом! Ухват забрался в печь,
Горшки заспорили с заслонкой,
И ложка на столе неслыханную речь
Вдруг повела с солонкой:
«Вот так вся жизнь прошла без радостного дня.
Дает же бог другим удачу?
А мне... Нелегкая, знать, дернула меня
Родиться ложкою — мужицкой на придачу.
Век сохну за других. Гляди, который день
Федот наш мается, слоняется, как тень?
Жена свалилася, у деток золотуха.
В могилу всех сведет лихая голодуха.
Меж тем что́ делает Федот?
Уж хуже голода каких еще прижимок?
Нет, он последнюю телушку продает
Из-за каких-то недоимок.
Как можно дальше жить — не приложу ума.
Так лучше уж своим терзаниям и мукам
Я положу конец сама!»
Тут, крикнувши: «Прощай, кума!»,
Бедняжка треснулася о пол с великим стуком.
«Постой!.. Разбилася!.. Эх-ма!»
Федот во сне метнулся,
Но в этот час проснулся

И в ужасе схватился за виски.
От ложки на полу и впрямь лежат куски.
«Фу, дьявол! Это что ж? Мне снилось аль не снилось?
В башке ли малость... прояснилось?
Ох! — застонал Федот от яростной тоски.—
Что ж делать? А? Пойти до одури напиться?
Аль утопиться?»

О П Е К У Н

Такое диво в кои веки:
Совсем на днях сановник некий
Сиротский посетил приют.
«Великолепно! Превосходно!
Ну, прямо рай: тепло, уют...
Детишки — ангелы. А честь как отдают!
И маршируют?»
«Как угодно, —
По отделеньям и повзводно...»
«Быть может, «Славься» пропоют?
Восторг! Божественно! И этому виновник?..»
Смотритель дал ответ: «Я-с и моя жена».
«За все вам русское мерси! — изрек сановник. —
Такая именно нам школа и нужна,
С патриотической основой.
Я очень ваш почин ценю.
Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
А здесь — столовая? Доволен и столовой.
Позвольте мне меню.
Как?! — вдруг вскипел наш гость. — Молочный
суп... Жаркое...
И это... это — в пост!
Черт знает, что такое!»
«Ваш-сясь! Питание... Малютки... Хилый рост...
Из бедноты сиротки...
Родные померли все больше от чахотки...
Врачи...»

«Врачи нахально врут!
Не допущу потворства!
С поста не мрут,
А мрут — с обжорства!»

*

«Ведь этакий вандал!» —
Иной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства — ежедневно!

Г А С Т Р О Н О М

«Как звать тебя?»

«Памфил Босой».

«Подумать, гастроном какой тут объявился!»

Заводчик так рабочему дивился:

Бедняга-гастроном гнилою колбасой

Давился.

«Знать, заработки хороши?» —

Хозяин вымолвил ехидно.

«Куда! — вздохнул Памфил. — Гроши!»

«Гроши? Оно и видно.

Где мастер?»

«Здесь!»

«Пиши...

За лишний жир... вот этому вот... графу...

Целковый штраф!»

*

Пожалуй, скажет кто: «Ну, мыслима ль когда,

Хоть и в хозяине, такая подлость, друже?

Так не бывает!»

Господа,

Бывает так, — хоть, правда, не всегда:

По большей части — хуже!

ЛИЦЕДЕИ

Недавно случай был с Барбосом:
Томила пса жара,
Так средь двора
Клевал он носом.
А не заснуть никак! Усевшись на тыну,
Сорока-стрекотуха
Мешала сну.
«Ой, натрещала ухо...
И принесло же сатану!
Чай, больше места нет?.. Послушай-ка, болтуха:
Уж ты б... таё...
Недалеко до лесу...
Летела б ты, ей-богу, к бесу!»
Сорока же — свое:
То сядет, то привскочит,
Слюною глазки мочит,
Псу жалобно стрекочет:
«Голубчик, не озорь!
Ведь у меня, гляди, какая хворь:
Я так измаялась, устала,—
Пить-есть почти что перестала,—
Вся измытарилась и сердцем и душой,
Скорбя о братии меньшей!
И ко всему щеку раздуло... вспухли губы...
Ох, смертушка! Нет сил терпеть зубную боль!»
«Щека и губы... Тьфу! — рычит Барбос.—
Позволь,
Трещотка чертова, кому бы

ПАРИ

«Мавруша!.. Кисанька!..— Печально серый кот
Мяукал у ворот.—
О душегубство! О злодейство!
Ну, как теперь один я вынянчу котят?
Они ж еще и не глядят!
Пропало все мое семейство!»
«Голубчик Вася, что с тобой?
Да не нужна ль моя услуга?» —
Летит Барбос на голос друга.
«Ох, брат, наказан я судьбой!»
«Как? Говори скорей! Уж я взаправду трушу».
«В трактире... сжарили и съели, брат, Маврушу».
«Кто съел-то?» — взвыл Барбос, попятившись назад.
«Рабочий... то ль мужик... Побился об заклад...
За пять целковых, супостат,
Маврушу слопал.
Всю — с головы и до хвоста!»
«Да что ты? Батюшки! Нет, это неспроста.
Не, не!..» — растерянно глазами пес захлопал.

*

Читатель, что ни говори,
Тут ясно — дело не в пари.
Раз не осталось от кошки
Ни хвостика, ни ножки,
Наверно, «супостат» денька четыре-три
Пред тем не видел... хлеба крошки.

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать — сорок
Устроили совет.

«Житья нам, братцы, нет».
«Беда. Хоть с мосту в воду».
«Добудемте права!»
«Умремте за свободу!»

.....
От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава,
Как первый, кто кричал: «За волю в землю лягу!»,
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто куда,
Айда!

*

Зайчиха с зайнойкой под кустиком сидела.
«Охти мне, без тебя уж стала тосковать
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорились, что ль, в совете вы до дела?»
«Договорилися. Решили бунтовать!»

*

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
Не говоря уж о лисе,
Теперь, поди, хвосты поджали звери все,—
А больше всех, понятно, волки?!

СИЛУЯН

Нашла тоска на Силуяна:
«Тьфу, окаянная пора!
Как оплошал народ: ни одного двора,
Где б не было изьяна.
Куда ни сунешься — прямая нищета:
Ни хлеба, ни скота.
Где лошаденка есть, так беспременно кляча.
Повеситься, такая незадача:
На все село — лихой хотя б один конек!
Хотя б один!»
Бедняк лил слезы чуть не градом.
Из-за чужих коней?! А так! Ведь паренек
Был... конокрадом!

Молодки-хлопотушки,
Красотки-хохотушки,
Маланья, Акулина!..
Товар — малина!
Берите у Мартына,
За штуку — три алтына,
Молодкам — за пятак,
А ежли что — и так!»
«Мартын, очухайся, скотина! —
Шипит Корней.—
Ты ж это что, злодей,
Рехнулся с полугару,
Объелся ль белены,
Что своему товару
Не ведаешь цены?

Расстаться можно так с последними штанами!
Ведь при моей цене барыш уж не большой,—
А я корзины плел все ж из лозы... чужой...

Из краденой, сказать меж нами».

«Эх,— отвечал Мартын,— чудак же ты, Корней!
На что польстился? На лозинки!
Какой с лозы барыш? Будь наперед умней:
Воруй готовые корзинки!»

*

Вот то-то и оно.

Нет интендантов здесь? Спросить бы заодно.
(Охота просто знать. Мы, право, не задиры.)
Как это там у них: все иль не все равно,

Что воровать: казенное сукно,
Готовые ль казенные мундиры?

«А ДМИНИСТРАТОР»

Утром 27 декабря в Петропавловскую больницу в каретах скорой помощи были доставлены с тяжкими поранениями проживающие в доме № 13, по М. Вульфовой ул., Побожаява, два ее взрослых сына и чиновники — Ульянович, Чекалов и Чеботарев, все шестеро — израненные дворником, ворвавшимся в квартиру подвыпивших жильцов для водворения порядка. Дворник арестован.

(«Биржевые ведомости», 27/XII, 1912 г., № 13317.)

Ерема в дворниках служил.
Хоть было по двору порой и хлопотливо,
А в праздник — особливо,
Одначе жил Ерема — не тужил
И службу нес хозяйскую ретиво.
Хозяин уж не раз Ереме за труды
Сулил при случае подачку.
От радости мужик сильней порол горячку.
И допоролся... до беды.
О рождестве, когда кто мог, тот веселился,
Хозяин к дворнику ввалился:
«Ох, миленький, смотри!
Поостеречься б нам пожара.
В хватере надо мной шумят... Как будто свара...
Перепились, должно... Поди-ко-сь... усмири!»
И, повинуюся приказу,
Наверх стрелой летит силач.
«Ой, убивают! Ой!» — раздался где-то плач
И замер сразу.
Ерема мчит назад. Хозяин у перил

Стоит испуганный. «Ну что?»
«Да усмирил!..
С натуги ломит поясницу.
Поди ж ты, начали дерзить!..»
Израненных жильцов пришлось увозить
Едва живых — в больницу!

*

Я знаю: приговор Ереме будет строг.
Не повезло ему. Судьба в бараний рог
Таких, как он, не всех сгибает.
На неудачника легко махнуть рукой.
А в этом дворнике какой
«Администратор» погибает!

ОПЕКУН НА СТАРЫЙ ЛАД

Сечь вообще отаратительно. Так больно. Но... высекли: и молодые люди не самоубиваются и не совершают преступлений (столь частых). Но перестали сечь: вдруг молодые люди сами себя начали «сечь» самоубийствами и преступлениями.

(В.Розанов, «Новое в.р.», № 13203.)

У Клима помер зять,
Господь бедняге не дал веку.
Так довелось Климку взять
Егорку-сироту в опеку.
Едва ль не со второго дня
Наш опекун ворчит: «Мотри ты у меня!
Не стану по головке гладить.
Набедокуришь — буду сечь.
Замашек всяческих теперь как не пресечь,
Так опосля с тобой не сладить».
И, что ни день, с тех пор,
Как только час улучит,
Мужик сиротку учит:
То по загривку даст, то схватит за вихор,
То палкой взбучит!..
«Побойся бога, Клим! — вздыхал сосед Пахом. —
Опека бы твоя не кончилась грехом!»
Грехом и кончилась. Случилось: после порки
День целый опекун не мог сыскать Егорки.
«Вот, язва-то! Вот песий струп!
Полезем на чердак. Там негодяя нет ли?..
Есть! Вот!»... И обмер сам: на мужика из петли
Глазами страшными холодный глянул труп.

И плач и вой пошел по дому. Напоследи

Сбежались соседи.

«Что? — все накинулись на Клина. — Что, злодей?!»

«Как будешь ты глядеть, скотина, на людей?»

«У, чтоб те руки обломало!

Дите, сироточку, побоями сгубил!»

«Бил! — огрызнулся Клима. — Беда не в том, что бил!

Беда — что бил, как вижу, мало!»

*

Нововременскую прочтя на днях статейку,

Где, изнасиловав убогую идейку,

Сеченье воспевал какой-то подхалим,

Я ахнул: батюшки! Да это ж пишет... Клима!

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.

А не потонем — все равно

Водой промочит все зерно».

Приказчик мечется, хлопочет.

А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,

Дрожащим голосом бормочет:

«Святители! Разор!

Чины небесные, арханделы и власти!

Спасите от лихой напасти!

Я добрым делом отплачу...

Сведу в лампадах пуд елею...

Под первый праздничек свечу

Вот с эту мачту закачу...

И сотельной не пожалею!»

То слыша, говорит приказчик Пантелею:

«Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?

Да где же ты свечу такую раздобудешь?»

«Молчи, дурак,— умнее будешь! —

Хозяин отвечал сквозь слез.—

Дай только вымолить скорей у неба жалость,

Чтоб я с моим добром остался невредим,—

А там насчет свечи мы после... поглядим...

Укоротим, пожалуй, малость!»

*

Читатель, за вопрос нескромный извини:

Скажи, ты помнишь ли те дни,

Когда везде толпы народа

Гудели, как шмели
У меда:
«Свобода!»
«Свобода!»

А дела до конца не довели.
На радостях, забыв о старом,
Обмякли перед вольным даром.
Читатель, ежли ты один из тех шмелей,
Сам на себя пеняй и сам себя жалея,—
А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

«НАТУРАЛИСТ»

«Эх ты, карманчик мой! Раста, голубчик, пухни!» —
Так губернаторский лакей
Мокей

Пред всею челядью бахвалился средь кухни.
«Что, ирод? Знать, опять с кого-нибудь содрал?»
«Вестимо!

Чужой целкач у нас не проплывет, брат, мимо.
Как вышло давеча. Проснувшись, генерал:
«Ну, что, брат?— эт-та мне,— в приемной много люду?»
«Порядком,— говорю,— набилось отовсюду».

«А ты,— и пальцем так изволил погрозить,—
Карман себе небось успел уж нагрузить?»

«Так точно,— говорю.— Греха таить не буду.
А только доложу: есть и для вас... «сюжет»...»
Тут барин мой, как был без брюк и без манжет,
К дверям-от — шась, и к щелке — глазом.

«Где, говори скорей?»

«Вон... в шляпке с черным газом».
«Так... Недурна, хе-хе... Еще разок взгляну...»

А сам пустил слюну:
«Венера... истинно Венера...
Глаза потупила... Пикантная манера!
Не удержаться тут святому от греха.
Зачем пришла, Мокей?»

«Просить за жениха,
Что посадили вон намедни... землемера».
«За жениха, хе-хе... Ух, дьявол! Все забудь!
Видал, какая грудь?»

Пусть не ломается, шепни, не будет дурой.
Скажи, что, дескать, я... что мы... не как-нибудь:
Облагорожены культурой!
Исполним, дескать, все... Мол, барин — холостяк,
И благодарность вся... пустяк:
Возьмем, хе-хе... натурой!»

1913 г.

*

За все свои дела волк отвечает шкурой.
Но этот самый вот «натуралист»-подлец
Попал в министры под конец.
И хоть при Керенском и был объявлен вором,
Но как сановникам еще была лафа,
То, вишь ты, для него «не подошла графа»,
И этот аспид был отпущен прокурором.

1918 г.

О С Л Ы

Не рядовой осел, не пустобай-оратор,
Словам которого, кто хочет, тот перечь,—
Осел сановнейший, делец-администратор
В собрании ослов держал такую речь:
«Друзья! Мы все живем в периоде ослином.
Хотел бы знать я: кто, наш славный род хуля,
Осмелится сказать, что для ослов земля
Сошлася клином?»

Ослы прошли везде, куда ни посмотри.
Ослы теперь — предмет и зависти и злобы.
Кого и чествуют и жалуют цари?

Кто нынче — первые особы?

Кто — все великие и малые послы?

Кто — все приказные чины и воеводы?

Все,— если не ослы,

То близкой к ним породы!

Но... здесь я подхожу к печальнейшему «но»,

Высокородные отцы и патриоты,—

В нем — зло, таящее грядущих бед зерно,

Несчастье, ставшее для нас уже давно

Предметом горестной тревоги и заботы:

Одолевает нас незнатная родня.

Ослы в опасности! Породу их грязня,

Из сел и деревень, улусов и аулов

В их круг втирается тьма лошаков и мулов.

Недостает еще — храни нас бог! — коня.

Отцы! В минувший съезд избрали вы меня,

Чтоб в сферах правящих добыл я повеленье

Об утверждении особых прав и льгот

В ослином поколенье.

Добыл я все. И вот
Моих хлопот
Осуществленье:
На теплые места, на всякий важный пост
Пройдет лишь наш прирост,
Ослы без подмеси, в которых каждый атом
Заверен нашим аттестатом.
И первый суд сейчас произнесете вы.
Вот перед вами строй любезных наших деток». (Шум. Крики: «Господи!» — «Красавцы!» — «Прямо львы!»)
«Правофланговый!»
«Гы!»
«Молчи!.. Осел-трехлеток!..
Судите сами». «Гы!»
«С чего начнем?» «С хвоста». «Не хвост, а красота!»
«Как будто слишком длинный?» «Хвост — истинно-ослиный!»
«А уши, уши каковы?» «Из-за ушей совсем не видно головы!»
«Позвольте, главное совсем и позабыто: Копыто как?»
«Хоть напоказ, Вот полюбуйте. В самый раз. Как есть ослиное копыто!»
«Ура!.. Качать мальчика!» «Поставить на овес! — Вскричали судьи все приятно и согласно, Как сто немазанных колес.— Экзамен выдержан прекрасно!»

1913 г.

*

Хотя в былые дни для знатного осла
Открыты были все карьеры,
А революция ослов порастрясла,—
Однакож их еще осталось — свыше меры.

1919 г.

УРОЖАЙ

Как у попа Ипата
Не борода — лопата.
Расправивши ее оплывшею рукой,
Печальных мужиков намедни
В конце обедни
Поп речью потчевал такой:
«Ох, вижу: в помыслах мирских погрязли
все вы.
Не богомольцы вы весной.
Все только думки про посевы:
А не побил бы град, а не спалил бы зной.
Почто мятетесь и плачетесь вскую?
Бог видит вашу скорбь и всю нужду людскую,
Казня и милуя нас, грешных, поделом.
Не судьи мы господней воле.
Идите же со мною в поле,—
На всходах отпоем молебен всем селом.
И ущедрит вас бог зерном по вашей вере,
И будет хорошо приходу и попу.
С вас много ль надо мне: с копенки по снопу,
Аль с закрома по мере».

*

Читатель, не мудри и зря не возражай.
Поп линию свою ведет примерно:
Помолится, и будет урожай —
У мужиков? Бог весть! А у попа — наверно.

УТЕШЕНИЕ

*«...Лубок, приютившийся в полчищах
распространение баснях».*

(Ликвидаторский «Л у ч», 13/IV, № 172.)

Средь суеты дневной и давки,
Изрядно разморясь от зноя и винца,
Уставились в окно иконной лавки
Два подозрительных каких-то молодца.
«Скажи,— гнусил один,— уж сделай одолженье...
Не зря болтаю, нет... Душевный, братец, зуд...
Ученый ты... Скажи, ты веришь в Страшный суд,
То-бишь, в загробное отмщенье?
Вот посмотри... в окне...
Изображенье...
Подумай, каково тем грешникам в огне!
Тебе не чудится их тел горелый запах?
Друг,— если правда все,— ведь быть тебе и мне
у черта в лапах!»
«Потише ты...— скосив глаза с опаской вбок,
Ответил «друг» с брезгливой миной.—
Размяк!.. Пред чем размяк?.. Добро бы пред
картиной —
А это же... простой лубок!»

*

О, меньшевистские кретины!
Вы — мастера писать волшебные картины.
Но мой пророческий, такой простой лубок
Без украшений и ретуши

Не зря на фабриках все знают назубок,
Брезгливо морщась от меньшевистской чуши.
 Пройдет ли год, иль долгие года,
Но не уйдете вы, лакейские вы души,
 Как не уйдут и ваши господа,
От беспощадного рабочего суда.

«СВОБОДА» ПЕЧАТИ

(Из дневника)

С мигренью адскую проснулся поутру.
Всю ночь меня во сне (ты видишь сны, читатель?)
Тащил какой-то черт в какую-то дыру:
«Пожалуйста... в котел... мусью баснописатель!»
Все это — не к добру.

«Жена!»

«Ну что?!»

«Гляжу, как странно все сегодня:

Ты — с «Новым временем»!

«И буду с ним всегда!»

«Газета тоже... Тыфу!.. А дай ее сюда...

Узнаю, чем тебя прельстила эта сводня?»

«Прельстилась! Вот... Читай...» В глазах — презренье,
гнев...

Совсем не узнаю моей смиренной Кати.

Читаю... Ба! «Проект устава о печати».

Ой... батюшки... Ой-ой!.. И, сразу ошалев,

Валюся кубарем с кровати.

Очнувшись, чувствую, что «не могу молчать»,

Лечу к редактору.

«Читали... про печать?»

«Ох, вечно, — говорит, — вы с новостью худую.

Опять какой-нибудь отчаянный проект?

Прочтем...»

Прочел, хе-хе! Разительный эффект.

Пришлось отпаивать несчастного водою.

«Не надо... — простонал, придя в себя, бедняк

И взором грустным все вокруг себя окинул.—
В буфете,— говорит,— пошарьте... есть коньяк...»
Поднес ему и сам рюмашку опрокинул.
Немного отлегло... Сердечный разговор...
Потом какой-то вышел спор...
Спор кончился глупейшей ссорой
За рюмкою... не помню, за которой.
Домой приплелся с черного крыльца,
Не всеми чувствами владея,
И тут же выпорол в сердцах сына-мальца:
За азбукой застал его, злодея!
Преступник! Сам влетит и подведет отца!
«Аль скажешь ты, что враг я своему дитяти?! —
Взволнованно потом я объяснял жене.—
Володю грамоте учить совсем некстати,
Ведь нынче дураки стоят в большой цене:
Возьми-ка вот, как я, да обмозгуй вполне
«Проект устава о печати».
Нет, баста! Кончено. Теперь я вижу сам:
Текла свобода по усам...
Насчет свобод мы на диете.
Катюша! Ты же мне милей всего на свете.
Не плачь... Я понял все... Сатира? Чур меня!
Авось и без нее мы не потонем в Лете».

*

Читатель, не горюй, и с завтрашнего дня
Ищи моих сатир... в отчетах о балете.

А З Б У К А

Не знаю, как и почему —
Гадала ль тетенька ему,
Аль за особые заслуги? —
Назначен был медведь весной
Правителем одной лесной
Округи.

Рай — не житье! Медведю впрок
Пошло довольство даровое:
Глядь да поглядь, в короткий срок
Стал наш правитель толще вдвое.
Но, будучи гневлив, упрям
И неразборчив на расправу,
Топтыгин всем лесным зверям
Пришелся сразу не по нраву.
«Долой насильника!»

«Долой!»

Пронесся всюду общий вой.
«Товарищи, костями поляжем
За наше право!»

«Все обяжем

Себя порукой круговой!»
«В союзы!»

«В единенье сила!»

«Да что их, муха укусила,
Перебесились, что ли, все?» —
Ревет медведь куме-лисе.
Ко лбу прижав с почтеньем лапу,
Дает лиса ответ сатрапу:
«Ваш-сясь! Осмелюсь доложить:
Зверям трудненько стало жить.
Они о вольностях мечтают.

Все вольнодумцы искони,
Не зря завыли так они:
Они — воззвания... читают...»
«Читают? Что за ерунда! —
Взревел Мишук, ушам не веря.—
Да отродясь я никогда
Не видел грамотного зверя.
А нынче... Ну, пришла ж пора!..
Впрямь, так ли грамота хитра,
Коль знают все ее теперя?
Кума-голубка, будь добра,—
Медведь лису умильно просит, —
Я, чай, ты грамотна сама.
Покажь суть дела!»

И кума

Медведю азбуку подносит:
«Тут, значит, буквы, Ваша Честь.
Вот это — гласные все звуки.
Без них словечка не прочесть.
«Аз», «Иже», «Он», «У», «Я» да «Есть»,
Здесь — ряд согласных: «Веди», «Буки»,
«Добро», «Мыслете», «Рцы», «Глаголь»...
Их — шепотком...»

«Кума, уволь!

Мне не осилить всей науки.
Но главное — смекнул как раз...
Подь объяви зверям приказ,
Что мне от злобного их вою
Ни днем, ни ночью нет покою;
Да, окромя того, что «Аз»
И «Буки» разные да «Веди»
Сплошь могут знать одни медведи, —
«Все звуки, дескать, не про вас»,—
Что тошно мне от их доуки,—
Что я-де грамоте не враг:
Пусть собираются в овраг
И воют, ежели что, от скуки.
А так как с сутью я знаком,
Чтоб следствий не было опасных,
Не разрешаю звуков... гласных!
Пускай повоют... шепотком».

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ

Полиция не позволяла говорить за продолжение стачки и одного говорившего рабочего стащила за ногу с трибуны.

(Из письма рабочего.)

Хозяин потчует под праздник батраков:

«Я, братцы, не таков,
Чтоб заговаривать вам зубы.

Судьбину вашу — кхе! — я чувствую вполне...

Кому по рюмочке?»

«Да что ж? Хотя бы мне»,—

Илья облизывает губы.

«Кто, други, по второй?»

«Да я ж и по второй!»

«Ребята! Аль к вину мне подгонять вас плетью?»

Ну, кто по третьей? А?.. Раздуло б вас горой...»

«Да я ж!— кряхтит Илья.— Как третью, так и третью».

«А как же с праздничком?.. Пропаший, значит, день?»

Аль потрудились бы... кому из вас не лень»,—

Вздыхнув, умильно речь повел хозяин снова.

«Что ж, братцы,— батракам тут подмигнул Илья,—

Все я да я!

А вы — ни слова!»

*

Нет, не совсем-то так. Ответ, я знаю, был.

Ответ такой, что наш хозяин взвыл.

И я бы повторить его не прочь, ей-богу,

Но... кто-то дергает за ногу!

МУРАВЬИ

«Рабочей армии мы светлый гимн поем!
Связавши жизнь свою с рабочим муравьем,
Оповещаем вас, друзья, усталых, потных,
Больных, калек и безработных:
В таком-то вот дупле открыли мы прием
Даяний доброхотных.
Да сбудется, что вам лишь грезилось во сне!
В порыве к истине, добру, свободе, свету,
При вашей помощи, мы по весне
Решили основать рабочую газету!»
Бог весть, кому пришло в счастливый час на ум
Такое наколоть воззвание на репейник,
Что рос при входе в муравейник.
У муравьев поднялся сразу шум,
Движенья, разговоры
И споры.
От муравья шла новость к муравью:
«Слышал? Газетку, брат, почнем читать свою!»
И на газету, впрямь, средь говора и писка
Пошла пребойкая подписка,
А дальше — муравей, глядишь, за муравьем,
Здесь — в одиночку, там — вдвоем,
Отдавшись увлеченью,
Несут: кто перышко, кто пух, кто волосок,
Кто зернышко, кто целый колосок...
Предела нет святому рвению!
Кипит работа. Через час
Подписка и припас
Пошли по назначенью.

Газету жадно ждут равно — старик, юнец,
От нетерпенья изнывая.
В начале мая
Газета вышла наконец.
На час забыты все заботы,
Работникам не до работы:
Кто не читает сам, те слушают чтеца.
«Так!»
«Правда!»
«Истина!»
«Смотри ж ты, как понятно!»
«Читай, миляга, внятно!»
Все живо слушают с начала до конца:
Тот — крякнет, тот — вздохнет, тот — ахнет...
Что не осилил ум, то схвачено чутьем.
«Вот... Сла те, господи! Дождались: муравьем
Газетка пахнет!»
«Видать: орудуют свои».
«Бог помочь им! Святое дело!»
«Вот... прямо за душу задело!..»
И рядовые муравьи,
Кто как хотел и мог, в газету путь проведав,
Шлют за статьей статью
Про жизнь про горькую свою,
Про душегубов-муравьедов,
Про то, чтоб муравьям сойтись в одну семью,
Скрепивши родственные узы.
И до того статьи, как видно, били в цель,
Что не прошло и двух недель —
Все муравейники сплотились в союзы!
Жизнь муравьиная! С работы — ломит грудь...
А тут беда — гнездо загажено, разрыто:
То рыло по гнезду пришлось чье-нибудь,
То чье-нибудь копыто.
Но муравьям теперь не так страшна беда:
Газетка скажет, как все сообща поправить,
Подскажет остальным товарищам — куда
Подмогу братскую направить.
Меж тем идет весна. Успело все отцвести,
И время двигается к лету.

С газетой — чудеса: денек газета есть,
А три дня — нету.
Мурашки — ах да ох!
Пошли меж ними слухи,
Что дело гадят мухи:
Все это — их подвох;
Что, бог весть, живы все ли
В газете земляки;
Что все дупло обсели
Могильщики-жуки.
Мурашки бьют тревогу:
«Спешите, братцы, все — газете на подмогу,
Чтоб отстоять ее судьбу.
Ведь польза от нее так явно всем приметна:
Жизнь будет без нее мертва и беспросветна,
Как в заключенном гробу.
Припасы наши как ни тощи,
Покажемте пример великой нашей мощи
И, чтобы доказать, что эта мощь — не тень,
Назначим «трудовой» в году особый день,
Доход которого отчислим
Газете, коей мы живем
И пролетарски мыслим!
Когда душа горит божественным огнем,—
Пусть тучи грозные нависли!—
Пред темной силою мы шеи не согнем.
Товарищи! Да здравствует подъем!
Да будет первый день газеты нашей — *«Днем
Рабочей вольной мысли!»*

*

Стал муравей за муравья,
А муравьед за муравьеда.
За кем останется победа —
Вы догадаетесь, друзья!

ПАУК, МУХА И ПЧЕЛА

«Одно движение! Один хотя бы звук!
Что с вами, господин Паук?

Изволите терпеть лихую голодуху?—

Набравшись как-то духу,

Спросила Муха Паука...

Издадека.—

Быть может, вы больны? Иль, может, вы оглохли?

Иль гордость ваша такова,

Что вы скупитесь на слова,

Иль, извините, вы... издохли?

Как жаль! Я вам словечка два

Таких сказать хотела

(Тут Муха ближе подлетела),—

Словечка два таких, что сразу прочный мост

Меж нами был бы перекинут.

Подумайте: от вас так часто мухи гинут,

А все-таки знавать приходится вам пост.

Меж тем, хоть мы враги,— сказать нелицемерно!—

Мы с вами бой вести могли бы планомерно.

Ни вы, ни мы в борьбу не лезли б напролом.

Весь спор наш принял бы культурную личину».

Увлечись, Муха тут крылом

Задела паутину.

И в тот же миг стрелой

Паук напал на Муху:

«Поговори теперь со мной

Про голодуху!»

Все это видела рабочая Пчела.

«Эх, Муха, чтоб тебя! Ты сдуру начала
Свою нелепую затею!
С какими планами ты лезла к лиходею?
У Паука в уме всегда одно лежит...»
«Ох, знаю, что лежит!.. Ох! — Муха чуть жужжит.—
Ох, Пчелка, холодею!..
А план был... все-таки хорош!»
Погибла Муха за идею,
Цена которой — грош.

1913 г.

*

Всему трудящемуся люду
Твердил и вновь твердить я неустанно буду:
Буржуй привычен гнуть рабочих в три дуги;
Рабочий и буржуй — извечные враги.
Отсюда вывод ясен:
Как бой с буржуем ни опасен,
О соглашенье с ним и думать не моги.
Тот, кто надеется без бою (меньше риску?!)
Буржуя обуздать, взяв от него подписку
«О вечной мировой»,
Тот, выдавши себя буржую головой,
Согнув пред ним холопски спину,
Как муха к пауку — сам лезет в паутину.
Берите ж все пример, достойный похвалы,
С коммунистической пчелы
И не склоняйтесь к подражанью
Мух меньшевистскому жужжанью!

1918 г.

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:

«А ну-ка, миленький, а ну-ка,

Что говорит твоя хваленая наука?»

«Да вот... рассказ про паука».

«Ась? — екнуло у старика.—

Паук?.. Ну, что же он, к примеру?»

«Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.

Добро, что нет средь пауков

В рост человеческий великанов:

Такой паук бы съел в день дюжину быков

И дюжину баранов».

«Ух!— захлебнулся старичок.—

Ай, божья тварь! Ай, паучок!

Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,

Уж то-то бы... хозяин получил».

ГОРЕМЫКА

«Ба, ба!
Какая занесла погода?
Кого я вижу? Вот судьба.
Чай, не встречались три года.
Откуда, брат?»
«Бегу с соседнего завода.
«Кто ж знает там тебя? Ты как туда попал?
Там дело с мастером дошло, слышать, до тачки?»
«Дошло».
«Бастуют?»
«Вот. Заряд мой весь пропал.
Я как их убеждал остерегаться стачки.
Чуть не рыдал, просил:
«Не тратьте, братцы, сил!
К чему безумная отвага?
Вот вам чернила, вот бумага.
Сбирайте подписи. Соорудим в присест
«Организованный протест».
Так нет, как заревут: «Чихать нам на бумажку!»
«Ты, что ль, снесешь за нас хозяйскую упряжку?»
«Да из каких ты, голубь, мест
С подобными словами?»
«Слышь, не тасуй нам карт!»
«Опомнитесь! — я им.— Товарищи, я с вами!
К чему вам стачечный азарт?
Видать, что нет у нас культурного наследства.
Слепой стихийностью наш воздух заражен.
Зачем переться на рожон,
Когда еще не все испробованы средства?»

«Какие? — мне кричат. — Куда ты клонишь речь?»
«Вы о союзах позабыли». —
«Союзы были...»
«И есть. Лишь надо их беречь».
«Да кой-кому союз хороший не подарок.
Задавят...»
«Про союз я говорю другой».
«Какой?»
«Чтоб без политики, чтоб не был слишком ярк».
Тут сразу вышел кавардак:
Загоготали, зашумели.
«Да он в уме ли?»
«В порядке ль у него чердак?»
«Видать, что малый без понятия».
«Вот мы, меньшевики... Не горячитесь, братья!
Я — друг рабочих... Я... Позвольте ж объяснить!»
Но стали так меня теснить,
Что жалко стало... платья».
«Постой, — тут перебил хозяин гостя вдруг, —
Никак идут сюда товарищи с завода...»
«Идут? — заерзал «друг
Рабочего народа». —
Сходи... скажи... что я... за них... душой скорбя...
Голубчик, погоди... А нет ли у тебя
Отсюдова... другого хода?»

*

Коль правду говорить, так правду до конца.
За эту басню мне терпеть опять придется.
У ликвидаторов в ответ ей не найдется
Ни одного разумного словца.
Зато они найдут такого молодца,
Который в рвении сугубом,
Бессильной клеветой противника черня,
Изобразит меня —
По меньшей мере — душегубом.

ГОЛЬ

На весь на лес задавши храпу,
Сосал во сне Мишутка лапу.
Вдруг из берлоги сразу — вон!
Стал, озираяся в испуге.
«Соснешь под этот ухозвон.
И что за шум такой в округе?
Ба! звери... воют... Вот те раз!
А как же, значит, мой приказ?
Что за распущенность такая?» —
Ревет правитель сам не свой,
Мотая гневно головой.
Меж тем кругом, не умолкая,
Все рос да рос звериный вой.
Тут косолапого Мишутку
Взяла тревога не на шутку.
Зовет Медведь скорей Лису:
«Кума! Скажи ты мне на милость,
Что это деется в лесу?
Да брось копать ты в носу!
С чего в тебе такая хилость?
Слышь? Воют! Был приказ — не выть?
«Был, Ваша Светлость,— как не быть?
Да вольнодумство, что зараза:
Никто не слушает приказа.
Ох, страх берет».
«А ты не трусь.
Скажи: не будут, дескать, рады!
Что сам до них как доберусь,
Так никому не дам пощады!»

«Ах, кум, сказала все, поверь.
Напрасно гневаться изволишь.
Кого молчать ты приневолишь?
Попригляделся б ты теперь,
Какой пошел повсюду зверь:
Все злая голь, не будь ей ладу!
Попробуй, сунься... усмирять.
Плевать ей на твою досаду.
Нет и не будет с нею сладу:
Ведь голи нечего терять!»

*

Скажу пред тем как ставить точку:
Глуп тот, кто воеет в одиночку,
А умным надо брать скорей
Пример с моих лесных зверей.

НЕ ТАК, ТАК ЭТАК...

Для цензуры — искушенье,
Лучшей нет приманки,
Как «рабочего движенья»
Роковые гранки.

Что ни день, мы ждем «обновки»:
«Штраф? Аль что опасней?»
Как писать про забастовки?
Отзываться... басней?

Пишем, смотрим в оба глаза:
Не влететь бы снова...

«Забастовка у Айваза».

«Штрейк у Горбунова».

«У Талызина рабочих
Мастер бьет «по роже».

«На заводах прочих-прочих
То же, то же, то же...»

«На Обуховском заводе,
У Торнтонна, Струка —
Вышло дело... в том же роде...»
Стоп. Молчу. Ни звука.

Ах, друзья, какая пытка
Нам с отчетом этим.
Нет словесного избытка,
А глядишь — ответим.

Придерутся к «мысли», к «тону»,
К запятой, кавычке...
Не прихлопнут «по закону»,
Трахнут — «по привычке»!

КЛОП

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться случайно.

Клоп рад был встрече чрезвычайно;

Панкрат — не слишком рад.

А надо вам сказать: судьба свела их вместе —

Не помню точно — где,

Не то в суде,

Не то в присутственном каком-то важном месте.

Кругом — чины да знать. Нарядная толпа

Изнемогает в кривотолках.

Панкрат и без того сидел, как на иголках,—

А тут нелегкая несет еще клопа!

Взобравшись ловко по обоям

К Панкрату на рукав, клоп таким героем

Уселся на руку и шарит хоботком.

От злости наш Панкрат позеленел весь даже:

«Ах, черт, и ты туда же

Кормиться мужиком!» —

И со всего размаху

Хлоп дядя по клопу свободною рукой.

Мир праху

И вечный упокой!

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?

А я — ни жив ни мертв. Наморщив потный лоб,

Сижу, ужасною догадкой потрясенный:

Ну что, как этот клоп —

Казенный?!

«БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Друзья-товарищи, не знаю, что со мной?
Должно, всему виной
Мои превратные марксистские идеи.
Ведь про хозяев я писал, выходит, ложь.
Поверить мне — и впрямь хозяева все сплошь
Какие-то злодеи.
Винюся и даю вам образец иной.
Пусть торжествует добродетель.
Вот вам «хозяин-благодетель»,
«Отец родной».

*

«Спасибо, — кланялся хозяин верным слугам, —
Не мастер, братцы, я красиво говорить.
Не знаю, как вас по заслугам
Благодарить.
Я с вами зачинал и с вами создал дело.
Я вам обязан всем добром:
С заводских черных стен до этих вот хором, —
Во всем ваш дух и тело.
В работе общей мы слились в одну семью.
Я нуждам вашим всю, всю душу отдаю
И позабочусь впредь о вашей светлой доле:
За то, что для меня вы не щадили сил,
За то, что были вы всегда в хозяйской воле,
Чтоб чувствовали вы, как я ваш труд ценил,
Дарю вам купчую на пятьдесят могил».

И Н Ы Е В Р Е М Е Н А

«Три целкача! — ворчал хозяин среди пивной,
Озленный выручкой дневной.—
И так который год. Проторговался. Крышка!
Эй, Гришка!
Да что ты смотришь, как шальной?—
Хозяин закричал на сонного мальчонку. —
Со стойки убирай... Столы и стулья сдвинь...
Туши живей огни... Прикроем, брат, лавчонку
На веки вечные — аминь!»
Ушли.
«Ну что, слышал? — пузатому бочонку,
Слезливо всхлипнув раз-другой,
Сказала банка с огурцами.—
Хозяин перестал сводить концы с концами.
«Не может быть!»
«Ах, боже мой!»
«Что ждет нас, милые подружки?» —
Захныкали пивные кружки.
«Продажа с молотка,— утешил граммофон,—
Проторговался наш хозяин — ну, и ладно!
Вперед чтоб не было повадно
Лезть в заводской район.
Попригляделся я. В пивной ведь с новоселья
Был пир хозяину — попробует похмелья.
Уж больно был к наживе лют.
Вот, думал, разживусь на трудовом народе,—
Как нынче, мол, рабочий люд
Совсем в разброде.

Рабочих всех тогда теснили не добром.
Спешили многие из них с тоски-досады
Поставить на пропой последний грош ребром.

Хозяева и рады:

«Кому — дурман,

А нам — в карман».

Мильтёнов чаяли. Ан, просчитались, гады.

Пришел-таки конец проклятой полосе.

Рабочие, забыв трактиры и пивные,

Шарахнулись все

В места иные.

Напрасно, что ни день,

Хозяин стал меня до полночи тиранить;

Все понукал горланить

Лихую дребедень:

«А ну-ко-ся еще, таковский-растаковский,

Про «ухаря-купца»... да про «пожар московский!»

Уж я орал-орал — охрип!

Вы сами слышали...»

«Вестимо».

«Хозяин дверью скрип да скрип.

Идут людишки мимо!

А ежли кто и завернет,

В свою рабочую газету нос уткнет,

Смеется... хмурится... бормочет...

Не столько пиво пьет,

Усы в нем только мочит.

Хозяин наш, ха-ха!.. Взбесился старина.

Бесись, хоть тресни!

Иные времена,

Иные песни!»

*

Тут старый граммофон закашлял-захрипел

И, в черный свой кружок уставивши шпенечек,

Уж так-то жалостно запел:

«По-о-следний но-о-неш-ний дене-е-чек...»

ПЕДОУМЕНИЕ

«Переносится действие в Пизу».

(Из Некрасова)

*№ 2 «Сев. правды» конфискован за кор-
респ. из Голландии.*

(Газ. хроника.)

Мы писали прежде смело:
Дескать, «в Пизе было дело».
Для цензуры — стоп! Стена!
Пизой — правда спасена!
А теперь нас и за Пизу
Жарят сверху, дуют снизу!
Вот те на!!!

«СВОИ КОЗЫРИ»

*В Пронском уезде в земских выборах
принимал участие... мертвец.*

(В ы б о л т а н о...«З е м щ и н о й».)

Был пронский черный стан
Объят большой тревогой:
«Эх, облегчить себя хоть малой бы подмогой!»
Судили долго, как свести конец с концом.
И козырнули... мертвецом!

«Р Е Ч Ь»

«Рабочий Л. съел жареную кошку».

(«Р е ч ь».)

Что легче: голову ль, желудок ли беречь?
Бог с нею, с кошкою! Охотно съем и кошку.
Все легче, чем читать вихляющую «Речь»
И переваривать кадетскую окрошку.

ЭПИТАФИЯ «РОССИИ»

(Будущая)

«Жутко читать, например, следующее обращение какого-то рабочего в редакцию социалистического листка: «Рабочая газета нужна нам для развития нашего самосознания. Она должна вносить свет в нашу среду, где так еще много мраку».

(«Р о с с и я», № 1970.)

«Р с с с и я», «Р о с с и я», жиль мне тебя...

(Из народной песенки.)

Вся жизнь ее прошла и пакостно и жутко:

Врала, брала — без промежутка.

Боролась яростно с «рабочим буйным сбродом»

И подавилась... бутербродом.

«ГАЗЕТА - КОПЕЙКА»

Содержание номера:

Билет
Варшавской лотереи,
Жилет,
Лакейских две ливреи,
Чулки,
Бумажные ботинки,
Брелки,
Секретные картинки,
«Эффект» —
Мазь для особых целей,
Комплект
Резиновых изделий,
Одна
Продажная идеяка.
Цена
За весь товар — копейка!

«НАШ ПУТЬ»

*В Москве вышла новая газета партии
большевиков «Наш путь».*

(Из рабочей хронике 1913 г.)

«Уж у меня ли, кум, завод был не завод?
Без остановки шел — сочти, который год?
Чуть не Расею всю мог завалить товаром! —
Московский некий туз, налегши на чаек,
Пыхтел за пятым самоваром.—

А нонь к чему идет? Нет, братец мой,— недаром
Все жуть меня брала, и сердце ёк да ёк.
Я как людей держал? В ежовых рукавицах!
Не пикни у меня о разных небылицах.
Замятня вышла раз — так я, не будь глупцом:
«Вот как вы,— говорю, — с родным своим отцом!
Кто ж, как не я, всегда держался с вами вкупе?»—
Умаслил дураков одним-другим словцом,

Наобещал им... черта в ступе.
Утихомирились. Покой и благодать.
Ан новой-то беды пришлось недолго ждать.
Все Питер, съешь его проказа!
Там вольнодумство все свои дало ростки,
«Звезда»... и «Правда» вслед... Проклятые листки!

От них ведь вся зараза.
Заглянешь на завод — кругом шу-шу, шу-шу.
Шуршат газетами... Смешки да переглядки...
«У, черти,— думаю, — уж я вас распушу!»
Куда там. Самого трясет без лихорадки.

Боюсь. Чего? И не понять.

Все Питер. Сразу бы принять
Решительные меры.
Нет, спохватились через год:
Бьют «Правду» и теснят на всякие манеры.
Да что! Умнее стал народ:
Набрался бодрости и веры —
И не доест и не допьет,
Последний грош в газету шлет.
Газета, что ни день, за карой терпит кару.
Но каждому удару
Готов отпор,—
Не оставляют без ответа:
Была до этих пор
Одна газета,
А нынче будет две —
И в Петербурге и... в Москве!
Да, нечего сказать, хорошие итоги!
Где? У кого искать подмоги?
Просить, чтоб и Москва с газетою дубьем
Боролася и плетью?
Дразнить рабочих вновь? Нарваться на подъем
И на газету... третью?..»

*

Я тоже думаю: пусть «Нашему пути»
Враги не слишком рады.
Товарищи! Кто как там ни верти,
Нет силы, чтобы нас держали взаперти!
Рабочей мысли нет преграды!

ТОВАРИЩАМ МОСКВИЧАМ

«Конфискованы» №№ 1, 2, 3 и 4 «Нашего пути».

Никто молчать вас не принудит.
Газета — есть, газета — будет!
Рабочей волею сильна,—
Еще поборется она!

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ «СОЛОМОН»

(Быль)

Не поделив с отцом Ипатом
Бог весть чего, бобыль-Артем
Облаял батю непутем.
«Ну, я ж с тобою, супостатом!
Постой, попомнишь, хулиган,
Как поносить духовный сан!» —
Строчит куда-то поп бумажку.
Глядь, волокут Артема в стан:
«На три недели — в каталажку!»
Но за Артема все село:
Ему-де будет тяжело,
Бедняк болеет ведь падучей.
Кряхтит урядник:

«Экий случай!

Ну, что ж... Садися наперед...
А там начальство разберет...»
Не долго ждать пришлось разбора:
«Припадки? Может — негу спора —
Мужик себе и повредить.
Родно с ним, что ли... посадить?
Не изменять же приговора.
Насчет поблажек — извини!
Такой порядок нам неведом.
Что? Как? Бобыль? И нет родни?
Так заменить родню... соседом!»

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняся без дела
В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю, а может — «не случайно»?)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной?
Достойных выбрали. «Все любви вам аль нет?»
«Все любви!» — «Все!» — «Проголосуем».
«Согласны, что и подписуем».
«Позвольте! Как же так? Уж утвержден Совет?—
Пищит какой-то вьюн. — Да я ж не подписался!»
«Ты к нам откуда притесался?—
Кричат ерши.—
Не шебарши!»
«Чего — не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы.
Со щукой боремся и мы».
«Вы?!» — «Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способам борьбы».
«Каким?» — «Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью,

Где попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить,—
Зря не казать своих колючек:
Колючки — это уж старо!»

«Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?»
«Есть». — «Без колючек всё?» — «Вестимо». —
«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

ПРОГРЕССИВНАЯ МОШНА

«Мой друг! Вы как насчет винца? —
Сановник потчевал купца. —
Пройдемся, что ли, по единой?..
Так... закусите осетриной
Иль балычком... Иль вот икра...
А Вы большой чудак, ей-богу!
Как это Вы при всех вчера?!
Учились где такому слогу:
Мы — граждане! Ха-ха-ха-ха!
Мы ждем обещанных... Потеха!
Свобод... Ой-ой, помру со смеха!..
Администрация плоха!..
Дворянство в земстве нам помеха!..
Вот тут уж я и не пойму:
Про земство собственно к чему?»
(Шутя грозит начальство пальцем.)
«К чему? — осклабился купец. —
Смекаешь сам, родной отец:
Нам развернуться б... капиталцем!»

*

«Купец затребовал свобод!
Салазкин, bravo, bravo, bravo!» —
Печать шумела. Экий, право!
Чудак народ!
Понять не трудно бы сначала:
Мошна купецкая кричала!

«П Р И В Ы Ч К А»

Один из членов Совета министров заподозрил, что его телефонные разговоры кем-то подслушиваются.

(«Р е ч ь», 5 сент. 1913 г.)

«Стой! Третий кто у телефона?» —
Вскричала важная персона,
Давая в ужасе отбой.
Сановник милый, бог с тобой,—
Зачем пугаться так: «Не шпик ли?»
Да мы (удел уж наш таков)
Не ступим шагу без шпииков.
А ничего. Живем. Привыкли.

ЦЕНЗОР

Цензурный некий генерал
(Спешу отъехать на прибавке,
Что генерал давно в отставке)
С великой жалостью взирал
На вислоухого сынишку,
Уткнувшегося в книжку.
«Что? Тяжело, поди, сынок?
Да, брат, ученье — не забава;
 Про что урок?»
 «Про князя Ярослава...
О «Русской правде...»
«Что?.. Ахти!
Тогда уж «Правду» издавали?!
А что? не сказано, — прочти, —
За что ее конфисковали?
И как прихлопнули? Когда?
Судом? Аль без суда?»

*

Ох, по спине ползут мурашки.
Нам с этим цензором беда:
Столкнется с «Правдою труда»,
Так далека ли до кондрашки!

МОСКВИЧАМ

Мучительный, гнетущий дух кошмар:
Сражен «Наш путь». Задушена газета.
Товарищи, губительный удар
 Ждет вашего ответа!
Мы свой порыв сынам передадим
 И, став примером для потомков,
Разбитый храм мы вновь соорудим
 Из дорогих для нас обломков.

«ДОЛОЙ!»

*Околоточный предложил хозяину дома,
где помещается редакция «Правды труда»,
выселить ее, так как из-за конфискации
он вынужден рано вставать.*

«Куда? Куда? —
Взвыл околоточный спросонку,
Летя стрелой вдогонку
За «Правдою труда». —
И не соснешь так никогда...
Хозяин! Ты кого пускаешь в дом, балда?
Такой «жилец» нам не находка.
Долой ее из околотка!»

ЗАРАЗА

«Ты что, как сыч, надулся, Пров?
Аль нездоров?
Так лезь на печку, грейся.
«Ой, женка, ты не смейся!
На печь. Зачем на печь?
В могилу б лучше лечь».
«Да что, скажи ты, вышло?»
«Что вышло? Пустяки:
У Еремея батраки
Бунтуют, в рот им дышло!
Сосед в огне,—
Гореть и мне.
Ведь нынче батраки какие — ты смекай-ка!
Одна все шайка.
Дурить, так все дурить.
Пойдет поветрие — ничем не усмирить.
Пойти мне, что ли, с молодежи:
Чай, след бы окропить наш двор святой водицей
Аль ладаном покрепче окурить.
А лучше б то́ и это сразу,
Чтоб пронесло... заразу».

ПРОБУЖДЕНИЕ

*8-го сентября в Михайловском манеже
состоялось открытие выставки «рабочих
лошадей».*

(Из газет.)

«Ты что ж? — корил среди заезжего двора
Извозчичий одёр приятеля, одра.—
Я ржу, зову, а ты — ни ухом. Вот невежа!»
«Прости. Я не в себе. Каких коней вчера
У конской выставки видал я, у манежа!
Гляжу и думаю: эх, лучше б не видать!
Какая жизнь иным лошадам — благодать.

Все — сыты да игривы,

Все — рослые: от гривы

И до хвоста —

Верста!

Как стали кони недалечко,
Хотел я молвить им словечко:
Заржал, зафыркал, так и сяк,

И всяк...

Молчат. Не смыслят. Чужеземцы.

Должно, французы там аль немцы:

Особый вид, иная статья,—

Одру неловко рядом статья.

Гляжу. Завидую. В башку бредет такое...

Припомнил, как на днях господ каких-то двое

Шли мимо. Вдруг один, уставясь на меня:

«Извозчик,— говорит,— какого впряг коня?

Штраф!.. Покровитель я... Член общества... живот-
ных!

Лошадок надобно иметь здоровых, плотных,
А этого несчастного одра
Продать татарину пора».
Вот, брат, какая нам за весь наш труд награда.
Припомнил это я. Взяла меня досада.
Креплюсь. Да что? Сама слеза
Так и воротит на глаза.
«Тсварищ», — ласково проржал мне кто-то рядом.
Скосил я взглядом
И онемел:
Не лошадь, а картинка —
Как будто финка.
«О чем ты?» — говорит. Ответил, как умел.
Так что ж ты думаешь? Рабочею лошадкой
Кобылка эта назвалась.
Своим ушам не верю. «Ась? —
Шепчу, стряхнув слезу украдкой. —
Неужто?!» — «Истинно. Рабочие здесь все.
Ты не завидууй их здоровью и красе.
Сам на себя пеняй за собственную муку, —
В ней, милый, сам ты виноват».
И тут она такую, брат,
Открыла мне науку,
Что я потом от дум не мог всю ночь уснуть:
Так, значит, есть для нас иной, счастливый путь?
Так, значит, и одры
.
Но в этот миг беседе
Положен был конец — кнутом.
Что в том?..
Когда проснулась мысль, ей путь один — к победе!

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Министр внутренних дел предложил одновременно с введением нового «Устава о печати» увеличить состав... судебных палат и окружных судов.

(«Р е ч ь», 10 сентября 1913 г.)

«Печать? Извольте. Вот «Устав».
Пока он кончит ряд «хождений»,
Мы подготовим весь состав...
«Необходимых» учреждений».

С высокой мудростью согласно,
Заране все предрешено.
Все это было бы темно,
Когда бы не было так ясно.

П Л А Н

Решив, что поддержать свою газету нужно,
Мурашки дружно
Произвели посильный сбор.
Но только что успело
Кой-как наладиться расстроенное дело —
Опять затор!
Газета есть, выходит где-то.
Все муравьи встают чуть свет,
Газетки ждут — газетки нет.
«Товарищи! Да что же это?!
Торговлю кто ведет газетами в разнос?»
«Сверчки». — «Ну, черти ж: тароваты.
Подать сюда сверчков!» — «Да мы чем виноваты? —
Трещат сверчки, повесив нос. —
Жуки нас грабят по дороге:
«А! муравьиный есть листок?» —
Сейчас свисток.
Десятка два сверчков уже сидят в остроге.
«Ну, ладно». — Муравьи махнули на сверчков:
Хорош народец —
По части пятачков:
Не все ли, мол, равно, с каких газет доходец?
Нашлось порядочных сверчков десятка два,
А прочим — первый жук меси навоз на роже!
Чтоб дать отпор — ни-ни! Своя-де голова
Дороже.
«Черт с вами! — плюнули брезгливо муравьи. —
Мы вас к геройству и не нудим.
Еще напрягши раз усилия свои,

Газету нашу мы добудем!
И муравьи, созвавши сход
Среди зеленого пригорка,
Постановили так: «Пусть каждый наш завод,—
Нет, муравейник!.. Оговорка!—
Избрав товарищей, проворных молодцов,
Велит им — в качестве гонцов
От всех районов и концов —
Снабжать газетами рабочую всю братью».
Тот план поддержан был всей муравьиной ратью.
.....
.....
Здесь... точки. Дело в том...
Жуки наплакались потом!

В Ъ Ю Н Ы

«При составлении устава рабочие — ничто, в общем собрании — всё».

С л о в а л и к в и д а т о р о в .

Варшавские фабриканты воспротивились закреплению норм в уставе.

(«Р е ч ь».)

Товарищи, уплыл Налим? Со стороны,
Однако, слух идет, что будто между вами
Пошли теперь шнырять лукавые вьюны

С лукавыми словами,

Как страховаться вы должны: —

Мол, нормы высшие в уставе не нужны,—

Что ни к чему тут все старанья.

При выработке норм рабочие — ничто,

Зато,

Мол, выторгуют всё вам общие собранья.

*

Товарищи, сказать секрет вам на ушко?

Плоха ли у вьюнов «подкладка», не плоха ли,

Но их затею — мы слышали!—

Весьма одобрило... хозяйское брюшко!

ЩУКА И ЕРШИ

Директор Путиловского завода, найдя, что лекции по страхованию депутата Бадаева и тов. Киселева могут быть слишком односторонними, предложил рабочим в качестве беспристрастного лектора господина Литвинова-Фалинского.

(«П р а в д а т р у д а», № 7, 1913 г.)

Прослышав стороной,
Что на нее ерши хотят идти войной,
Забеспокоилась, затосковала щука:
«Плохая штука!
Полдюжины ершей — еще туда-сюда,
Но ежли целая колючая орда...
Узнаешь вдосталь муки!»
И вот от щуки
Плывет к ершам послом судак:
«Мол, так и так:
Их Щучья Светлость-де бывали по Европам,
Видали, как живут все рыбы меж собой:
Не плавают ерши там беззаконным скопом,
Чтоб учинять разбой;
От злых случайностей защищены там рыбы
Законом страховым. За ними вслед должны бы
И мы обзавестись страховкою такой!»
Гадала щука: «Эк, ершей поддену ловко!»
Был передан ответ ершами чрез леща:
«Страховка так страховка!
Но мы, ерши, ее устроим сообща,
А не отдельно каждой стайкой:
Страховка нам должна быть новой крепкой спайкой!

Какие ж нам статьи насколько хороши,
Все это разъяснят бывалые ерши». —
«Ерши? Зачем ерши?! — скрипит зубами щука. —
Страховка для ершей — мудреная наука:
 Не разобравши в ней ни зги,
Пожалуй, повредят еще себе мозги.
Нет, надо им помочь в вопросе разобраться!
Налим, ты у меня насчет ершей мастак.
Смекаешь фокус?» — «Рад стараться!»
Но только сунулся к ершам мастак-налим,
Как тягу дал назад. Ерши гурьбой за ним:
«Вон!.. Вишь куда метнул: гулять в ряду ершином
 Со щучьим-то аршином!»

*

У щуки сила есть (к чему самообман?):
Опомнившись, она затеет новый план.
Ерши, вам надо ждать великой передраги.
 Объединяйтесь, миляги!

МОЛОКО

Передача врачебной помощи в руки самих рабочих.

(Один из страховых лозунгов.)

В фабричную больницу, сам не свой,
Малец Лука примчал из красоварни.
«Где фершал?.. Хромбиком перетравились парни!»
«Ну, ладно там, не вой!—
Прикрикнул фельдшер строго.—
 Беда невелика,
 Снеси вот молока
 Немного».

Бежит Лука назад. Но — не узнать мальчика:
Согнулся, почернел, весь — будто спал с лица.
«Да что с тобой?! — к нему рабочие с тревогой. —
 Аль тоже с хромбику?»
 «Ой,— стонет наш Лука,—
Не с хромбику... а с молока:
 Хлебнул дорогой!

*

Добро тому, кто незнаком
С хозяйским молоком.

ДРУЗЬЯМ

Восходит день... И как там дальше?
Не мастер я по части од.
Не выношу нарядной фальши,
Хотя б и с маркою свобод.
У одописцев — ну их к богу —
Рассудок с сердцем не в ладу.
Авось без вымыслов дорогу
Я к сердцу вашему найду.
И вряд ли кто меня осудит
И горький мне пошлет упрек.
Не говорю я — «дня не будет»,
Но говорю, что «день далек».
Утешен сказкою обманной
Тот, кто свободу жадно «ждет»:
Она — увы! — небесной манной
Сама собой не упадет.
Все, кто в тоске о сроке скором
Готов проклятья слать судьбе,
Все обратится с укором
К самим себе, к самим себе.
Вы, вы творцы свободной доли,
«Судьбу» куете вы одни.
От ваших сил и вашей воли
Зависят сроки все и дни.
От вас зависит: пить отраву
Иль гнать трусливую ораву
Тех, кто лукаво вам твердит:
«Порыв несдержанный вредит,

А — полегоньку, понемножку,
Мы, глядь, и выйдем на дорожку».

Да, говорю я, день далек.

Но пусть не робкий уголек,

Пусть ваше слово будет — пламя

Огня, горящего в груди,

Пусть, развернувшись, ваше знамя

Зареет гордо впереди,

Пусть гневом вспыхнут ваши очи

И с лиц сойдет унынья тень,

Тогда скажу я, — нет уж ночи,

Восходит день!

ВОЛК - ПРАВИТЕЛЬ

Сказка

Для сказки пользы нет в нелепом привирани.

*

Баран,— пусть родом он хоть из заморских стран. —

Но ежели он — баран,

Так и мозги его — бараньи.

Однакоже беда научит хоть кого:

Барана одного

За что-то невзлюбил пастух — за что, не знаю.

Терпел баран, терпел и, наконец... того:

«Нет, баста! — говорит.— Довольно!.. Удираю!»

Болтался долго в стаде с краю

И, часик улуча, когда пастух уснул,

Улепетнул.

Гулял весь день баран по полю,

Наелся и напился вволю.

Под вечер с радости ну прыгать, ну бляеть:

«Вот, мол, житье! Чего уж чище!

Ур-ра!» Ан в этот миг-то, глядь,

Прет прямо на него огромный волчище,

Ворча уж издали: «А-га».

Увидя страшного врага,

Баран застыл на месте.

«Танцуешь? — волк ему.— Ну, потанцуем вместе».

«Ва... Ваша честь... Ва... Ва...—

Бараша языком ворочает едва,—

Танцюю-с... Малость угостился...

(Вот говорите ж вы: «баранья голова».)

В беде меж тем баран на хитрости пустился.)

Ах... стойте, Ваша честь... Я Вас... не отпущу!»

«Что?!»

«Боже, как я рад такой счастливой встрече».

«Как?!»

«Думал, что искать придется Вас далече».

«Искать!!»

«Так точно-с. Я... с утра все Вас ищу!»

«Тьфу, чтоб тебя! Да ты... Да говори ты толком,

В чем дело? Напрямки!»

«Я... Стало быть... Наказ мне дали мужики:

Сходи-ка в поле, мол, за господином волком,

Скажи, что перестал к нам ездить становой,

Что на деревне-де пошел сплошной разбой,

Что, приучась ходить по струночке сызмальства,

Мы жить не можем без начальства,

Что нынче-де у нас не жизнь, а сущий ад,

Разруха и разлад,

Тревога в ежечасье.

Скажи, что если волк изволит дать согласие

Принять над нами власть,

Так мы-де все ему готовы в ноги пасть,

Что будет, мол, у нас он жить на всем готовом,

По горло сыт и пьян, в довольстве день и ночь,—

Ну, словом...»

«Что ж,— перебил тут волк, — пожалуй, я не прочь.

Идем».

Пошли. Баран бежит вперед вприпрыжку,

А волк, стараясь скрыть голодную отрыжку,

Трусит рысцою вслед.

«В ночную пору нам являться б и не след»,—

Хитрит баран.

«Так что ж? Приляжем». Полежали.

В деревню прибежали

Как раз в обед.

Собаки первыми накинулись на волка.

За ними — весь народ. «Ай, волк!»

«Держи, Миколка!»

«Беги наперерез!» — «Колом его, сосед!»
«Бей по башке!» — «Хватай на вилы!»
Последние напрягши силы,
Волк, весь израненный, кривой,
Из бойни вырвался едва-едва живой.
Добравшись кое-как до лесу,
Он горько взвыл:
«Ну, и народ!
Ай мужики же, ну вас к бесу!
Ведь это что ж? Разбойный сброд!
И впрямь, начальства нет: весь люд перебесился.
Черт с вами!.. Ох-ох-ох! Беда, как ломит грудь!
Да будь вы прокляты, чтоб я когда-нибудь
Деревней править согласился!»

К Л А Д

Сказка

Жил да был мужик Ермил,
Всю семью один кормил.
Мужичонка был путящий:
Честный, трезвый, работающий;
Летом — хлебец сеял, жал,
А зимой — извоз держал.
Бедовал и надрывался,
Но кой-как перебивался.
Только вдруг на мужика
— Подставляй, бедняк, бока!—
Прет несчастье за несчастьем:
То сгубило хлеб ненастьем,
То жену сразила хворь,
То до птиц добрался хорь,
То конек припал на ногу...
То да се, да понемногу —
Дворик пуст и пуст сарай,
Хоть ложись да помирай!
Не узнать совсем Ермила —
Злая дума истомила.
Холод-голод у ворот,
Ни гроша на оборот.
То вздохнет мужик, то охнет,
День за днем приметно сохнет.
«Все,— кряхтит,— пошло б на лад,
Ежли мне б напасть на клад».
Спит бедняк и кладом бредит:
То с лопатой в поле едет,

То буравит огород.
Взбудоражил весь народ,
Перессорил всех соседок.
Сам плюется напоследок
И бранит весь белый свет.
Кладу нет!
«Клад не всякому дается:
С заговором клад кладется.
Вишь,— Ермил башкой тряхнул,—
Что ж я раньше не смекнул?»
Мчит он к знахарке Арине.
Баба дрыхнет на перине,
Опивается бурдой:
«Что, Ермил? С какой бедой!»
«Так и так,— Ермил старухе,—
Как хозяйство все в разрухе...
Что почать? Куда идти?..
Помоги мне клад найти.
Чтоб узнать к нему дорогу,
Нужен черт мне на подмогу.
Хоть последний самый сорт,
Лишь бы черт!
Вот в награду... поросенок...»
«Ладно... Есть как раз бесенок,
Только мал еще да глуп,
Ты бы дал ему тулуп
Да еды принес поболе,
Пусть бы он в тепле и в холе
И подрос и поумнел.
Клад, не бойся, будет цел».
У Ермила дух спирает,
Сердце сладко замирает,
В голове и стук и шум.
Потеряв последний ум,
Бабий брех приняв на веру,
Он ей тащит хлеба меру.
Потерпев денечков пять,
К бабе мчит мужик опять:
«Как здоровьице бесенка?»
«Съел и хлеб и поросенка.
Ты б еще принес муки».

А меж тем бегут деньки.
Пролетели две недели.
«Что ж бесенок, в самом деле,
Слышь, бабуся, отпусти...»
«Дай мальцу-то подрасти...»
«Хоть взглянуть».
«Не сглазь заране,
Твой бесенок вон... в чулане,—
Рад кормежке и теплу,
Под тулупом спит в углу».

Обнищал Ермил до нитки,
За гроши спустил пожитки.
Дом весь по миру пустил:
Беса малого растил!
Потеряв совсем терпенье,
К бабе в полночь под усенье
Мужичонка прыг в окно.
«Бес, бесенок — все равно!
И с бесенком клад достану!»
Подобравшись к чулану
И стрелой шмыгнув туда,
Ищет всюду. «Вот беда!
Бесик!.. Бесенька!.. Бесенок!..
Не спужался бы спросонок...»
Шарит с пеною у рта.

Ни черта!

«Бесик!.. Бесенька...— Ни звука.—
Что за дьявольская штука?
Тут стена... и тут стена...—
Чиркнул спичкой.— Вот те на!
Провалился, что ли, бес-то?
Ну, как есть, пустое место!!»

*

Жалко, братцы, мужика,
Что Ермила-бедняка!
Уж такая-то досада,
Что не там он ищет клада.
А ведь клад-то под рукой,
Да какой!

Как во поле, чистом поле
Реют соколы на воле,
Подымаясь к небесам.
Кабы к ним взвился я сам,
Шири-воли поотведал,
Я б оттуда вам поведал,
Что сейчас наверняка
Не сорвется с языка!

1913 г.

*

После долгого ненастья
Дождался, Ермил, ты счастья.
Не останься ж в дураках.
Клад теперь в твоих руках.
Этот клад — земля и воля,
Незаплаканная доля.
Крепко кладом дорожи
Да в руках его держи.
Не поддайся мироеду,
Закрепить сумей победу.
Стой, Ермилушка, горой
За народный, вольный строй,
Заступи любому гаду
Путь к отобранному кладу.
Потерявши снова клад,
Жизни будешь ты не рад:
Мироеды-воротилы
Надорвут твои все силы.
Впрягши вновь тебя в хомут,
На весь век клещи зажмут!
Будешь в горе и в неволе
Бороздить чужое поле
И за каторжный свой труд
Получать... железный прут!

1918 г.

С У Д

Сказка

Все это было в дни, когда так лес душист,
И воздух чист,
И небо сине,—
Ну, попросту, весной.
Два дятла, муж с женой,
Найдя в гнилой осине
Готовое дупло,
Устроились домком, уютно и тепло.
По малом времени — пищат в дупле ребята,
Малюточки-дятлята.
От радости отец совсем сошел с ума:
«Дождался деток!.. Слава богу!..
Как все повырастут, — что старость мне, зима?..
Ништо! Я в деточках найду себе подмогу!»
А вышло дело не тово-с.
Недаром говорят: кто б дятла знал, когда бы
Не длинный дятлов нос!
Сам хуже всякой старой бабы,
Наш дятел по лесу разнес,
Хвалясь и так и этак:
Дождался, братцы, деток!
Какую пташечку ни встретит, всех зовет
На пир честной, крестины.
А кстати подоспел тут праздничек. И вот
Вы посмотрели б, что за слет
Был у гнилой осины!
Был кумом — дрозд,
Кумой — синица,
Гостями — вся лесная птица.

Шел пир с утра до звезд, —
И пир на славу, в самом деле.
Перепились и кум с кумой
И гости — так, что еле-еле
Доволоклись домой.
«Ну, дятел! показал себя пред целым светом!»
Молва потом плела о пире чудеса.
«Ага, так вот ты как! — прослышавши об этом,
На дятла взъелася лиса. —
Занался? Без меня нашлись почище гости?!
Постой же! Я ж тебя! — тряслась лиса от злости. —
Постой!»
Проходит день, за ним другой.
Малюток дятел кормит-поит.
Никто его не беспокоит.
И вдруг: «тук-тук! тук-тук!» Дрожит-гудит дупло.
Дивится дятел. «Тьфу! какую там скотину
Сюда некстати принесло?»
Глядит: лиса хвостом колотит об осину.
«Ты что там разошлась? Каких тебе чертей?
Перепугала мне детей!»
«Детей?! Скажи ж ты, а! — лиса в ответ лукаво. —
Есть дети у тебя? А я не знала, право.
Ну, выгоняй-ка прочь их из гнезда скорей!»
«Что? — дятел завопил. — Судьба моя лихая!
Ты ж погляди вперед: осина ведь сухая.
На что тебе она?»
«Известно, на дрова».
«Дай срок хоть выкормить мне деток.
Аль мало для тебя в лесу валящих веток?!»
«Ну, ты! Не рассуждай! Какие взял права.
Осину эту я давно держала в плане».
«Мне ж все откуда знать?»
«Мог, дурья голова,
Спросить меня заранее:
Где можно строиться, где — нет?»
«Но как же быть теперь? Голубка, дай совет».
«Совет? Давно бы так, чем разводить нахальство.
Я — все-таки начальство.
Вот мой совет: детей — так повелось везде —
Ты, милый, не держи в родительском гнезде,

У материнской груди,
А отдавай скорее в люди.
Оно, конечно, так: поплачешь первый день,
А после свыкнешься. Подумай, милый, ну-ка:
Нужна птенцам наука,—
Ведь дома сгубит их и баловство и лень,
А в людях, знаешь сам, работа и наука.
Глядь — выйдут мастера... Да что тут говорить?
Подмогой став тебе под старость и утехой,
Они ж потом тебя начнут благодарить
За то, что счастью их ты не был, мол, помехой».
«Так,— дятел наш раскис,— пожалуй, ты права.
Люблю разумные слова.
Но вот: кому б детей я мог отдать в учење?»
«Да что ж? Согласна я их взять на попеченье».
«Ой, лисанька, неужто так?»
«С чего же врать-то мне, чудак!»
«Голубушка, по гроб услуги не забуду.
Ох, как же я тебя благодарить-то буду?»
«Благодарить потом успеется всегда.
Скидай-ка деточек сюда!»
Готово!
Сдался простец лисе на слово.
Летит дятленок из гнезда.
А там — известный уж обычай! —
За куст укрывшись с добычей,
Лиса зубами щелк да щелк.
Дятленок пискнул — и умолк.
А через день лиса приходит к дятлу снова.
«Ну, что, кума, куда девала ты мальчика?»
«Пристроила... у кузнеца.
Всем мастерствам, считай, кузнечество основа».
«Спасибо, лисанька! Вот те сынок второй.
Уж и его пристрой».
Лиса «пристроила» второго!
Вернувшись через день, она глядит сурово:
«Ох, со вторым сынком измаялась совсем.
Где только не была! Толкалася ко всем,
Кто ремеслом своим известен,
Не горький пьяница и честен,
Строг с подмастерьями, но и не слишком яр...»

«Нашла?»

«Нашла. Старик примерный.

Слышь, будет твой сынок столяр.
Для дятла — в самый раз: кусочек хлебца верный!»

«Кума!»

«Ну, что?»

«Кума!

Позволь еще разок тебя побеспокоить:

Пристрой последнего».

«Не приложу ума,

Куда ж мне третьего пристроить?

Случись какая с ним беда,

Так я небось потом в ответе?

Ба, вспомнила: бочар один есть на примете.

Давай-ка мне сынка сюда.

Ну, вот. Теперь, дурак, учись, как жить на свете!»

И тут же, на глазах несчастного отца,

Последнего птенца

Злодейка съела.

«Смекай,— промолвила, облизывая пух,—

Куда я дела

И первых двух!

Как был ты без детей, так без детей останься,

А предо мной вперед не чванься!»

У дятла захватило дух.

Опомнившись, на весь на лес кричал он криком,

Виня лису в злодействе диком.

Решили птицы все: «Тяни ее к суду!»

На ту беду,

Судьею главным в том году

Был, точно

Нарочно,

Искусник-фокусник, щегол:

Все дятел просудил, остался бос и гол.

Да из дупла еще к тому ж был изгнан срочно

И оштрафован — как? за что? — за произвол,

За то, что,— как гласил судебный протокол,—

В казенном-де дупле гнездо украдкой свито.

С тех пор-то про щегла

Пословица пошла,

Что судит, дескать, щегловито!

БУДИЛЬНИК

Жил-был поэт. Да суть не в этом.
Пожалуй, будь себе поэтом.

Но ежели ты к тому еще и сумасброд,
Готовый все отдать за трудовой народ,
Аминь! К какой ты там ни прибегай уловке,
Хоть в сверхэзоповский задрапируйся стих,
Твой жребий предрешен: молодчиков таких
Не глядят по головке.

А между тем поэт, о коем нынче речь,
И не умел себя и не хотел беречь:
Пусть, мол, враги его лютуют, как угодно,—
Он пишет все свободно!
Свободно... до поры.

В один хороший день поэт, как туча, мрачен,
Злым вихрем будучи на улице подхвачен,
Влетел в тартарары!

Загоготали тут вокруг него шайтаны:
«Ну, выворачивай карманы!»
«Живее! — выл старшой. — Подумаешь,

упрям.
Поудим сами... Стой!.. Съесть хочешь подзатыльник?!
Ой-ой! Держи, держи! Что это? А?.. Будильник?!»
«Ой, бомба! — пятася к дверям,
Удильщик спал с апломба.—
Ой, бомба!»

*

Гремит замок. Упал засов.
Возвращена певцу свобода,

Но возвращения часов
Пришлось ждать ему полгода.
«Будильник! Здравствуй! То-то, брат,
В аду нагнал ты перепугу!»
Поэт будильнику был рад,
Как можно радоваться другу!
А самого уж, глядь, прошиб холодный пот,
И сердце сжалось, как пред лихим ударом:
Будильник явно стал не тот!
В охранке пробыл он недаром!
Хоть развинти, хоть растрясси,
Брани его, моли, проси,—
Ну, хоть бы что! Стоит. Ни звука.
«Так вот она какая штука!
Мне за добро ты платишь злом?
Так черт с тобой, ступай на слом.
И без тебя я жил не худо!»
Как вдруг на улице, — о, чудо! —
Положенный в карман, будильник стал стучать,
Но с перерывами. Поэт стал примечать:
Чуть только рядом шпик завьется,
Будильник сразу весь забьется:
«Тик-тик, тик-тик!» —
Гляди, мол, шпик!
Поэт тут со смеху ну прыскать,
Да всюду рыскать,
Да открывать Иуд,
Чтоб после вывезть их на всенародный суд,
Соорудив на эту тему
Поэму!

*

Уж до конца скажу, как человек прямой:
Будильник-то ведь — мой!

ЧЕРТОВЩИНА

Сказка

Мчатся бесы рой за рогм...

Л. С. Пушкин

Бьется сердце у Ариши.
Вся — комочком возле Гриши,
Возле братца-малыша,
Прикорнула, чуть дыша.
Ей и страшно и приятно.
«Ой, как, бабушка, занятно!
Ну еще, бабуся!.. Ну?..
Скажь мне сказочку... одну...»
За стеною ветер злится,
То в окошко постучится,
То захмыкает в трубу:
Бу... бу... бу!..
«Буду, буду... Не забуду...
Псы завыли — к худу... к худу...
Путь далекой не манит...»
Бабка тихо бубонит:
«Отправляясь в путь-дорогу,
Помолися, детка, богу,
Божью помощь призови,—
Но и беса не гневи.
Бес — он всюду... всюду... всюду...
От него — вся пакость люду,
Всяка скорбь и маята,
Разоренье живота...»

За стеною ветер злится,
То в окошко постучится,
То захмыкает в трубу:
 Бу... бу... бу!..
Спит Ариша под овчиной,
Спит и бредит чертовщиной,
Вся дрожит-горит в бреду.

Ну-тка к сказке перейду!

Эко дело! Эко дело!
Как ведь время пролетело!
Был мороз, и вот — жара;
Вместо снежного бугра
Под окошком — куст зеленый,
Запыленный, опаленный;
Спит Кудлаша в холодке;
Куры роются в песке;
Вьются ласточки под крышей;
Препотешно пред Аришей
Воробьи в густой пыли
Злую драку завели.
«Где же, батя, мать и Гриша?
Где же бабка?» — И Ариша,
Утирая пот с лица,
Громко кличет мать, отца...
Никого. Арише жутко.
Глядь, во двор бежит Гришутка:
«Здесь я! Вот я! Дашь поесть?
Аль уж время в поле несть?»
Вся тут жуть с Ариши спала:
«Ох, я голову проспала!
Да, никак, теперь страда?» —
И скорей — туда, сюда;
Здесь поищет, там пошарит.
Воду носит, кашу варит
Для жнецов родных своих:
Поспевает за двоих.
Каша сварена в минутку.
Накормив вперед Гришутку,

В поле шлет его с едой —
Хлебом, кашей и водой.
Узелки все увязала,
Все, что надо, наказала —
Главное, мол, иди шажком,
Не размахивай горшком.
От жары устав и дела,
Долго вслед мальцу глядела
И крестила сонно рот,
Прислонившись у ворот.
Вдруг — в испуге обернулась,
Побледнела, пошатнулась,
Зачуралась трижды вслух:
«Чур меня, нечистый дух!
Сгинь туда, откуда явился!»
По деревне вихорь вился,
Крутень, чертов хоровод:
С диким ревом самоход
По дороге мчался тряской.
Вслед за чертовой коляской,
Растянувшись в длинный ряд,
Черный двигался отряд.
Ближе... ближе... С гиком-криком...
В самоходе, страшен ликом,
Развалился сам старшой.
«Знать, за чьею-то душой! —
Так Ариша рассуждает,
Лютой смерти ожидает,
Плачет: — Господи, прости!
Только братца бы спасти!
Ежли дале путь направят,
Беспрерывно ведь задавят.
Сгинь, мара лихая, сгинь!
Свят-свят-свят! Аминь-аминь!»
Тут — отколь взялася сила? —
Трах! Ариша угодила
Камнем прямо в самоход
И, спасаясь, в огород
Задала бедняжка тягу:
«Где-нибудь во рву прилягу!»
Сзади крик: «Лови!.. Держи!..»

Стой!.. Аркань ее!.. Вяжи!..»
И поймали, и связали,
И старшому показали:
«Вот, разбойница, она!»
Ухмыльнулся сатана,
Ухмыльнулся, улыбнулся,
Крякнул-ахнул, поперхнулся
И, насупившись, как ночь,
Грозно рявкнул: «Чья ты дочь?»
«Фа... Фаддея...» — «Так, Фаддея.
Привести сюда злодея,
Да живет, черти, ну!»
И Фаддея и жену
С поля шустрые анчутки
Притащили в две минутки.
У старшого рот свело, —
Рявкнул он на все село:
«Эт-то ваше, что ли, чадо?
Проучить вас, гадов, надо —
Добрых всыпать вам плетей
За распущенность детей!»
«Ваша власть и ваша воля». —
Между тем анчутки с поля
Всех пригнали мужиков.
«Вот народец здесь каков! —
Сатана озлился пуще. —
Разберись-ка в этой гуще!
Ну, да я уж разберусь!
Уж до вас я доберусь!»
«Ох, ни в чем мы не причинны,
Не причинны, не повинны. —
Загудела вся толпа: —
Ведь девчонка-то глупа!»
«Что?! — Кругом шипела нѣжить. —
Всех бы надо проманежить,
Всем бы наперво накласть!»
«Ваша воля — ваша власть». —
Много было суматохи:
Брань, и крик, и плач, и вздохи...
Как умчался самоход,
Долго чухался народ:

«Где ж Фаддей-то, братцы?»

«Нету».

«Взяли, стало быть, к ответу».

«Вот беда-то! Вот беда!»

Устремясь бог весть куда,

Ничего вокруг не слыша,

Горько плакала Ариша,

Припадала до земли:

«Тять-ку... чер-ти... у-ве-ли!»

За стеною ветер злится,

То в окошко постучится,

То захмыкает в трубу:

Бу... бу... бу!..

Спит Ариша под овчиной,

Спит и бредит чертовщиной.

Кто б, ребяташки, сходил,

Кто б Аришу разбудил,

Приласкал бы, прилеял,

Сны ей черные развеял —

Всю треклятую беду,

Что мерещится в бреду?!

ВСЯКОМУ СВОЕ

Весенним теплым днем
Свинья с конем,
Гуляя по двору, нашли клочок газетки.
Савраска грамоту немного разумел,
Так потому прочел хавронье, как умел:
«Про-вин-цияль-ные заметки!..
Про-вин-цияль-ные... Словцо-то, бог ты мой!»
Конь долго разбирал. Свинья коню внимала,
Хоть ни черта не понимала.
«В борьбе с неправием и тьмой...
В порыве к истине и свету...
Наш пред народом долг прямой...»
«Брось,— хрюкнула свинья,— уже нашли газету!
Плетет незнамо что, а главного и нету:
Насчет помой!»

ЗВОНОК

Сказка

Где, как и почему,— сказал бы вам подробно,
Да не совсем удобно,—
Со станovým лиса свела
Таковую дружбу
И стала так ему мила,
Что с ним и ела, и спала,
И ездилa на службу.
Вот как-то становой разнежился, раскис,
Как самый добрый лис:
Лису он тешит и милует,
То в рыльце поцелует,
То жирною губой
Прильнет к пушистой шубке.
«И как же,— говорит,— доволен я тобой!
Проси! что хошь, проси! Подарок дам любой
Моей голубке!»
«Ах, ничего-то мне,— лиса ему в ответ,—
Ах, ничего не надо!
И без подарков я люблю тебя, мой свет,
Моя услада!
Но коль приспичило дарить, так уж дари...»
«Что, дуся? Говори!»
«Звонок! Звонку почет повсюду!
Махнув-тряхнув твоим звонком,
С иным нахалом мужиком
И разговаривать я по-иному буду».
«Бери звонок, моя краса!
Бери!»
Взяла звонок лиса

И... задала, не медля, тягу!
В печали лютой становой
О землю бился головой:
«Убью! И сам в могилу лягу!»
Извелся весь, бродил, как тень.
А на четвертый, что ли, день
Из петли вынули беднягу.

Меж тем обманщица-лиса
Через поля, через леса,
Звеня звоночком без умолку,
Примчала прямо к куму-волку.
Кум это: где была? Ругаться. То да се.
Лиса ему с двух слов про все
(Ну, знамо, кой с какой утайкой):
«Пора, мол, взяться нам за ум,
Пора тебе, голубчик кум,
Уж перестать бродить с голодной волчьей шайкой.
Как у первого хозяина с хозяйкой,
Теперь у нас пойдет не жизнь, а прямо рай.
Что раздобыла я, смекай?»
«Ну?»
«Скатерть-самобранку!
Ты впредь уж натошак не взвоешь спозаранку:
Вся ежа пред тобой,— сиди да убирай!»
«Не врешь, кума?»
«Не вру, ей-богу!»
«А мне как брюхо подвело!»
«Айда со мной».
«Куда?»
«В село».
«Ни в жизнь! И так вот хром на ногу».
«Дурак ты». Битых два часа
Проспорив, под вечер лиса
Пустилась с кумом в путь-дорогу.
«Ой, подведешь под монастырь!»
Вот и село. Кума, влетим мы в передрагу,
Уж ты сама, что можно, стырь,
А я за стогом здесь прилягу».
«Ах, кум, пустые страхи кинь.

Смотри, что будет!» Тут ретиво
Лиса звонком: динь-динь-динь-динь!..
Глядит бирюк, глазам не верит. Что за диво?
Да, может, вправду это сон?
Бежит околицей на звон
Без шапки — явно: в страхе! —
Мужик при бляхе:
«Ваш Бродья! Господи, прости!
Никак, вы сбились с пути!
Да уж и темень, право слово...»
«Ну, ладно там! — Издалека
Орет лиса на мужика. —
Беги скорей назад. Скажи: от станowego
Проездом. Некогда. Провизии конец.
Чтоб в час нам было все готово!
Доставить парочку овец...
Да пару поросятков...
Да кур... примерно, так, с десяток.
Управишься один?»
«Так точно». —
«Молодец!
Старайся!»
«Рад стараться!»
«Убрался этот черт? — Бирюк опять куме: —
Не лучше ли и нам скорей отсель убраться!
Доверься мужичью! Что там у них в уме,
Не разгадаешь сразу.
Не оглядишься — подведут!..»
Покамест волк ворчал, уж бляха тут как тут:
«Ваш Бродья, здесь всё... что надоть... по приказу!
Да, кроме того, лошадам куль овса!»
«Спасибо, — молвила лиса, —
Хвалю за сметку и проворство...
А как там... на селе?.. порядок?.. Объясни,
Чтоб мужики... того... без всяких там!.. Ни-ни!..
Власть — не на то, чтоб им оказывать потворство!
Хе-хе! Ну, с богом, брат... Ступай теперь домой!..»
Засели кум с кумой
За пир-обжорство!
«Вкусненько, куманек?.. Ну что ж, теперь ворчи.
Постой, подавишься, смотри ты, ненароком!

Чего торопишься? Не стеснены ведь сроком». —
«Ой, кумушка, боюсь: казенные харчи
Не вышли бы нам боком». —
«Ешь! Дело не твое.
Ведь говорила я: пойдет у нас житье!
Все со звонком тебе достану!»

Всю зиму рыскала кума с дружкой по стану.
Пришла весна. Народ не рад весенним дням.
«Что ж это? — Стон стоял по селам, деревням. —
Что ни неделя, то поборы!»
Пошли повсюду разговоры:
«Прямой грабеж!»
«Разбой!»
«Да, братцы, подлинно ль то ездит становой,
А не ночные вору?»

Решили приследить
И приследили:
Пришлось кумовьям от смерти уходить.
Лисичке хвост весь отрубили,
А что досталось бирюку!
Так молотили, молотили,
Что сноп хороший на току!
Увидя, что прошло почтение к звонку
И от него не ждать подмоги,
Бирюк с лисой давай бог ноги.
Бежать им вряд ли так случалось на веку!
Опомнившись в лесу дремучем, верст за двести,
Друзья беду свою оплакивали вместе!
Лиса, простясь навек с хвостом,
Скулила тихо под кустом;
Бирюк ей подвывал, зализывая раны:
«Властей не признают!.. С-собаки!..
Ху-ли-га-ны!!»

«ПИРОГ ДА БЛИН»

Сказка

Жил негде старичок,
 Убогий мужичок,
 С женой старушкой.
 Вот как-то говорит старуха: «Дед, а дед?
 Как быть-та? Что тебе я дам-от на обед?
 Вечор последнею ты ужинал краюшкой».
 Впал дед в тоску,
 Рвет бороду по волоску,
 Кряхтит, усы топорщит,
 Серые брови морщит:
 «Ох, мать, не вой,
 Чай, не впервой.
 Знать, не нашлось для нас у бога лучшей доли.
 Бери лукошко, что ли.
 Идем-ка в лес».
 Пошли. Набравши желудей,
 Вернулись домой. «Чем хуже мы людей? —
 Дед бабе говорит.— Глянь, не обед — пирушка!»
 Заплакала старушка.
 Да, плакавши, один-то желудок
 И урони в подполье.
 Зерну в земле раздолье.
 Стал желудь прорастать. Уперся в пол росток.
 «Дед! — сердце все зашло у бабы, так-то радо.—

Ты пол-та проруби. Чай, выгода ж — тебе:
Как вырастет дубок, и в лес ходить не надо, —
Рви желуди в избе!»
«Ин ладно! — отвечал старик старухе. — Ладно.
Такой-то дуб взрастить кому же не повадно?
Прорубим, баба, пол».
Дубок пошел, пошел...
Пришлось рубить проход и в потолке и в крыше.
А дуб тянулся выше,
Все рос да рос, пока
Верхушкой не ушел совсем за облака.
Меж тем у бабы снова вздохи
Да охи:
Дела-де вот как плохи!
В дому ни желудка!..
Такие слыша речи,
Мужик мешок за плечи
И двинулся — не в лес:
На дуб на свой полез!
От ветки лез до ветки.
Лез долго ль, коротко ль. Рябит в глазах у дедки.
«Ой, батюшки! Никак, добрался до небес?!» —
Снял шапку дед, перекрестился
И по небу пустился.
Исколесив без мала все концы,
Набрел наш дед на жерновцы.
Стал... Почесал в раздумье холку,
Поковырял в носу:
«Все небо исходил, а никакого толку!!!
Хоть жерновцы домой снесу!»
Ан дома старику от бабы все ж досталось.
«Ой, — баба всплакалась, — ой, горе-голова!
Ведь в закроме у нас соринки не осталось.
Зачем нам жернова?
Да я б на них и не взглянула! —
Тут баба жерновцы в досаде повернула
И обмерла: —
Пирог да блин! Ох, дед, мне худо!»
Дед суетится: «Вот дела!
Мать пречестная, вот так чудо!
Ису-се господи! Святители-отцы!..»

Сел с бабой дед за жерновцы.
Работа стала не в работу:
Вертели до седьмого поту.
«Пирог да блин!»
«Пир-рог да блин!..»
Считавши, сбился со счету.
«Еще кружок!»
«Еш-шо один!»
«Ну, бабка, ешь теперь в охоту!»
«Пир-рог да блин!»
«Пирог да блин!..»

*

Сказать по правде между нами:
Я чудо-жернова, ей-богу, сам видал.
И сам я пироги с небесными блинами
У стариков едал.
К чему мне лицемерить?
Ведь сказка не нова,
Ее легко проверить.
Но если все-таки скуплюсь я на слова,
Так потому, что страх берет за жернова:
Боюсь открыть туда для жадных душ дорогу.
Уж мы учены, слава богу!

ЧТО ВЕРНО, ТО ВЕРНО!

Клеветник без дарования.

Ликвидаторы по
моему адресу.

«Куда мне, Бедному Демьяну! —
Скажу я Мартову и Дану. —
Ведь вы по части клеветы —
Киты!
И я ль оспаривать таланты ваши стану?»

РАБОЧИМ

Спеша замести свои преступные следы,
Чтоб под гнетущею вас удержать пятою,
Лжецы пыталися рабочие ряды
Смутить змеиной клеветою.
На клевету лжецам достойный дав ответ,
Вы показали всем ответом этим,
Что ночь идет к концу, что близится рассвет
И что мы все его семьею дружной встретим.

И ТАМ И ТУТ...

«Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца».

(Из речи Литвинова-Фалинского.)

«Умер рабочий завода «Вулкан» Андреев, застреленный городовым во время демонстрации».

(Из газет.)

На фабрике — отравы,
На улице — расправа.
И там свинец и тут свинец...
Один конец!

ДОБРЯК

Какой-то филантроп, увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,
Лежащего средь цветника в растяжку,
Воскликнул: «Жалко мне, дружок, измятых роз,
Но больше жаль тебя, бедняжку.
Скажи, зачем ты здесь?»

«Ах,— отвечал сквозь слез
Малютка голосом, исполненным страданья, —
Я третий день... без пропитанья!..

И здесь я рву...

И ем... траву!»

«Траву? — вскричал добряк, разжалобившись
пуще.—

Так обойди же дом и поищи во рву:
Там ты найдешь траву куда погуще!»

З М Е Я...

*Вчера неведомо откуда в Государств.
думу вползла самая настоящая змея.
Суеверные депутаты говорили:
— Не к добру это!*

(«Бирж. вед.», 26 марта.)

«Биржевка» в страхе нам намедни рассказала,
Что в Думу-де змея вползла.
Взаправду ли вползла? Иль, может быть, из зала
Обратно уползла,
Успев наделать зла?
Кто с буйным Марковым шипел все время рядом?
Кто Пуришкевичу любезно плешь обвил?
Кто клеветническим своим змеиным ядом
Недавно нас травил?
К чему одной змее дивиться, точно чуду,
И лживо вопиять: к добру она иль к худу?
Ни к худу, ни к добру:
О, сколько их еще, злых, сытых и надменных,
Людей по внешности, но гадов несомненных
По их змеиному нутру!

КУРЫ

Сказка

«Ко-ко-ко-ко!»

«Ко-ко-ко-ко?»

«Уж солнце вона — высоко,

А ты, никак, все спишь, касатка? —

Хохлатке молвила хохлатка. —

Ты чем же ночью-то так занята была?»

«Ох, мать, я вправду не спала.

Лягушки — сгинь они! — всю ночь без промежутка

Вопили так, что слушать было жутко:

Ква-ква! Ква-ква! Ква-ква!

Уж я на чердаке не находила места.

От шуму стала так кружиться голова,

Что я, поверишь ли, едва

Не кувыркнулася с насеста».

«Ась? — на хохлаток тут накинулся петух. —

О чем вы шепчетесь, дуры?»

На крик сбежались все куры,

А через час гулял по всей деревне слух:

Мол, про лягушек вызнал кто-то,

Что ночью был у них галдеж совсем не зря, —

Лягушки задали банкет на все болото

В честь своего царя:

Вернулся аист к ним вчера из-за границы.

И вот с пустяшной небылицы

У кур поднялся кавардак:

«Куд-куд-кудак!»

«Куд-куд-кудак!»
«Ведь, как-никак,
Мы всё же птицы!»

А что за жизнь у нас? Лягушка — эка фря! —

И та царем своим гордится.

Так после этого нам, курам, без царя

Быть и подавно не годится!»

«Что «не годится» — просто срам!»

«Мы — не народ, а сброд!»

«Мы — стадо!»

Пошел средь кур по всем дворам

Такой трарам,

Что просто страх: царя им надо!

Царя! Легко сказать, да потрудней найти.

Куда с поклонами идти?

С кем заводить переговоры?

Средь петухов пошли раздоры,

Ожесточились петухи:

Ни капли общего доверья.

Из-за малейшей чепухи

Лилася кровь, летели перья.

«Злодей!»

«Плутяга!»

«Вор!»

«Подлец!»

Каких тут не было словец?!

Но, притомившись долгим спором,

Бойцы смирились, наконец,

И, столковавшись, общим хором

Себе наметили царька —

Хорька.

«То ничего, что мал он с виду, —

А как силён и как зубаст!»

«Уж он подвластных кур в обиду,

Конечно, никому не даст!»

«Все об уме его слышали отзыв лестный?»

«Мудрец известный!»

«Он даст законы нам, распределит права,

Искоренит вконец раздоры, своевольство!»

Тут куры, времени не тратя на слова,

К хорьку почетное отправили посольство.
«Отец наш! — пред хорьком, волнение поборов,
Толпа послов заголосила.—
Ты нам прибежище и сила,
Защита наша и покров!

Владыка, не отринь куриного моленья,
Да благостью твоей мы токи слез утрем!
О, согласись принять от нас бразды правленья!
Взойди на новый трон и будь у нас царем!»
«Да будет так! — сказал хорек с приметной дрожью,
Припомнивши насест куриный и чердак.—
Гнет власти я готов понести во славу божью.

Да будет так!

Ни хищный зверь, ни злая птица
Вам не опасны с этих пор:

Мной будет прогнана от ваших гнезд лисица
И будет ястребу жестокий дан отпор.
Всяк, вас обидевший, останется в ответе.
Пусть зернышко у вас утащит воробей,
И для него — клянусь, господь меня убей! —
День этот будет днем... последним днем на свете!
Я — меч народный! Я...»

Ну, словом, наш хорек

Нахваливал себя и вдоль и поперек.
Вступив же на престол, на ласки не скупился,
Нрав кроткий проявлял на деле и словах,
Пока... пока в своих владетельных правах
Совсем не укрепился.

Вот тут-то и пришла для подданных беда:
Минуты не могли провести они в покое.

Являясь к курам для суда,
Их повелитель иногда

Изволил проявлять усердие такое,
Что утром, уходя с виновного двора,
Не оставлял в живых ни одного пера!

Так — не прошло еще полгода,
Как обнаружилось зимой,
Что от куриного народа,
От стариков и от приплота,
Осталось... боже, боже мой!

Те, что остались, бранились: «Пёвни, пёвни!
Метлою гнать вас из деревни!
Кого избрали вы в цари,
Холера всех вас побери!

Откуда нам теперь спасенья ждать? Откуда?
Просить у неба, что ли, чуда?
Ну, так идем тогда к попу».

Но поп, узнав, с чего пошла у кур тревога:
«О род мятущийся! — прикрикнул на толпу.—
Несть власти, аще не от бога!
Как ваша участь ни горька,
Не ополчайтесь на хорька!»
Обескуражены, понуры,
Бранились крепко петухи:
«С таким попом одни грехи!»
И порешили снова куры
В собранье тайном на току:
«Идем к Вавиле — мужику!
С Вавилой всякое бывало,
Изведал горяшка немало
Мужик строптивый на веку.
Авось поможет нам советом!»
Помог мужик. Но как? Об этом
Я рассказать вам все могу
Лишь в тесном дружеском кругу
И то — под дьявольским секретом.

1914 г.

*

Что курам про царя Вавила мог сказать,
Примером можно показать,
Уж места нет теперь секрету.
У кур случилось в добрый час
То, что случилось и у нас:
Был царь — и нету!
Смели весь мусор без следа.
Надеюсь, братцы, навсегда!

1918 г.

*

По сообщению немецких газет, принц Карл Гессенский заявил финляндскому посольству, что он согласен вступить на финский престол только по истечении двух лет.

Впрок нынче всем пошла Вавилина наука.
С Финляндией теперь какая вышла штука:
Там сдуру выбрали царя.
А он, недолго говоря,
«Согласен,— говорит.—Что ж? Стать царем недурно!
Да только... море вздулось бурно.
А ехать надо к вам водой.
Не приключился бы со мной конец худой.
Так погодим уже два года...
Пока уляжется погода!..»

*

А буря все растет. Уж тихих нет морей.
Затопит скоро всех царей!

11 октября 1918 г.

ДИВО ДИВНОЕ

Сказка

Ну, вот:
Жил-был мужик Федот —
«Пустой Живот».
Недаром прозвищем таким он прозывался.
Как черный вол, весь век
Трудился человек,
А все, как голым был, так голым оставался —
Ни на себе, ни на жене!
Нет к счастью, хоть ты что, для мужика подходу.
Нужда крепчала год от году
И, наконец, совсем Федотушку к стене
Прижала так, — хоть с моста в воду.
Ну, хоть живым ложися в гроб!
«Весна-то... Ведрышко!.. И этаку погоду
Да прогулять?! — стонал несчастный хлебороб,
Руками стиснув жаркий лоб.—
Святитель Миколай! Мать пресвятая дева,
Избави от лихой беды!»
У мужика зерна не то что для посева,
Но горсти не было давно уж для еды.
Затосковал Федот. Здоровье стало хуже.
Но явно тая с каждым днем,
Мужик, стянув живот ремнем
Потуже,
Решил говеть. Пока говел —
Не ел,
И отговевши,
Сидел не евши.

«Охти, беда! Охти, беда! —
Кряхтел Федот. — Как быть? И жить-то неохота!»
А через день-другой и след простыл Федота:

Ушел неведомо куда!

Федотиха, в слезах от горя и стыда,
Сама себя кляла и всячески ругала,
Что, дескать, мужа проморгала.

А муж,

Сумев уйти тайком от бабы,
Не разбирая вешних луж,
Через ямы, рытвины, ухабы,
По пахоти, по целине
Шагал к неведомой стране,—

Ну, если не к стране, то, скажем, так куда-то,
Где люди, мол, живут и сыто и богато,

Где все, чего ни спросишь, есть,
Где мужику дадут... поесть!

Худой да легкий с голодовки,
Федот шагал без остановки,
Порой почти бежал бегом,
А как опомнился уж к ночи,
Стал протирать в испуге очи:

Дождь, ветер, а кругом... дремучий лес кругом.

Искать — туда, сюда... Ни признаку дороги.

От устали Федот едва волочит ноги;

Уж мысль была присесть на первый же пенек,—

Ан только в поисках пенька он кинул взглядом,

Ни дать ни взять — избушка рядом,

В окне маячит огонек.

Кой-как нащупав дверь, обитую рогожей,

Федот вошел в избу.

«Здорово, землячок!—

Федота встретил так хозяин-старичок.—

Присядь. Устал, поди, пригожий?

Чай, издалёка держишь путь?»

«Из Голодаевки».

«Деревня мне знакома.

Рад гостю. Раздевайсь».

«Мне малость бы соснуть».

«Располагайся, брат, как дома.

А только что я спать не евши не ложусь.
Ты как на этот счет?»
«Я... что ж?.. Не откажусь!..»
«Добро. Мой руки-то. Водица у окошка».
«Ну,— думает Федот,— хороший хлебосол:
Зовет за стол,
А на столе, гляди, хотя бы хлеба крошка!»
«Умылся? — между тем хлопочет старичок.—
Теперь садись, да знай: молчок!»
А сам залопотал: «А ну-тка, Диво, Диво!
Входи в избушку живо,
Секися да рубися,
В горшок само ложися,
Упарься,
Прижарься,
Взрумянься на огне
И подавайся мне!»
В избу, гагакнувши за дверью,
Вбежало Диво — гусь по перью.
Вздул огонечек гусь в золе,
Сам кипятком себя ошпарил,
В огне как следует поджарил
И очутился на столе.
«Ешь! — говорит старик Федоту.—
Люблю попстчевать гостей.
Ешь, наедайся, брат, в охоту,—
Но только, чур, не трожь костей!»
Упрашивать себя мужик наш не заставил:
Съел гуся начисто, лишь косточки оставил.
Встал, отдуваясь:
«Ф-фу! Ввек так не едал!»
А дед опять залопотал:
«Ну, кости, кости, собирайтесь
И убирайтесь!»
Глядь, уж и нет костей: как был, и жив и цел,
Гусь со стола слетел.
«Эх! — крикнул тут Федот, увидя штуку эту. —
Цены такому гусю нету!»
«Не покупал,— сказал старик,— не продаю:
Хорошим людям так даю.
Коль Диво нравится, бери себе на счастье!»

«Да батюшка ж ты мой! Да благодетель мой!»
На радостях, забыв про ночь и про ненастье,
Федот с подарком под полой,
Что было ног, помчал домой.
Примчал.
«Ну, что, жена? Здорова?»
И, молвить ей не давши слова,
За стол скорее усадил,
Мясцом гусиным угостил
И Диво жить заставил снова.
Вся охмелевши от мясного,
«Ахти!» — раскрыла баба рот,
Глядит, глазам своим не веря.
Смеется радостно Федот:
«Не голодать уж нам теперя!»

Поживши на мясном денька примерно два,
И телом и душой Федот совсем воспрянул.
Вот в лес на третий день ушел он по дрова.
А следом поп во двор к Федотихе нагрянул:
«Слыхали!.. Как же!.. Да!.. Пошла везде молва

Про ваше Диво.

Из-за него-де нерадиво

Блюсти ты стала с мужем пост.

Как?! Я... отец ваш... я... молюсь о вас, пекуся,
А вы — скоромиться?!» Тут, увидавши гуся,

Поп цап его за хвост!

Ан руки-то к хвосту и приросли у бати.

«Постой, отец! Постой!

Ведь гусь-то не простой!»

Помещик, глядь, бежит соседний, сам не свой:

«Вцепился в гуся ты некстати:

Хоть у деревни справься всей,—

Гусь этот — из моих гусей!»

«Сей гусь?!»

«Вот — сей!!»

«Врешь! По какому это праву?»

Дав сгоряча тут волю нраву,

Помещик наш отца Варнаву

За бороденку — хватя!

Ан рук уже не оторвать.

«Иван Перфильич! Вы — забавник!»
Где ни возьмися, сам исправник:
«Тут дело ясное вполне:
Принадлежит сей гусь казне!»
«Гусями вы еще не брали!..»
«В казну!»

«В казну! кому б вы ввали
Другому, только бы не мне!»

Исправник взвыл:
«Нахал! Вы — грубы!
Я — дворянин, прошу понять!»
И кулаком нахала в зубы.

Ан кулака уж не отнять.

Кричал помещик, поп, исправник — все
охрипли,

На крик охотников других несло, несло...

И все один к другому липли.

Гагакал дивный гусь, а жадных душ число

Росло, росло, росло...

Огромный хвост людей за Дивом
Тянулся по горам, пескам, лесам и нивам.

Весна испортилась, ударил вновь мороз,

А страшный хвост у дивной птицы

Все рос да рос.

И, бают, вот уж он почти что у столицы.

Событья, стало быть, какие у дверей!

Подумать, — обольешься потом.

Чем все б ни кончилось, но только бы скорей!

Федот!! Ну, где Федот?.. Все дело за
Федотом!!

1914 г.

*

Конец был сказки очень прост.
Самую жизнь нам досказан он правдиво:
Федот, вернувшись и вызволяя Диво,
Как зверь, набросился на мироедский хвост.
Хоть жадной сволочи порядочно влетело,

Но как окончится все дело,
Покамест трудно угадать.

Вся свора злобная еще весьма ретива.
Держись, Федотушка! Без Дива
Тебе равно ведь пропадать!
Федотушка, держись! Не заражайся страхом
Ни пред хлыстом, ни пред крестом!
Знай: все, чем жизнь твоя красна, пойдет все
прахом,
Коль не расправишься ты начисто с хвостом.

1918 г.

ИЗ КНИГИ БЫТИЯ РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ

«Сегодняшним приказом градоначальника в третий раз подвергнут штрафу в 500 рублей с заменой арестом на три месяца редактор рабочей газеты «Путь правды» К. Н. Морозов за помещение в газете объявления о сборе пожертвований на цели, противные государственному порядку и общественному спокойствию».

(«Новое время», 28 апр.)

Бысть «Правде» трижды глас с высот:
«Пятьсот!» — «Пятьсот!» — «Пятьсот!»

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Редактор «Пути правды» вновь оштрафован на 500 рублей.

(Из газеты.)

Бысть глас в четвертый раз с высот:
«Вноси еще пятьсот!»

М А Й

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
«Лука,— будил его хозяин,— а Лука!
Ты что ж? Всерьез? Аль так, валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке?
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна... Мутить простой народ...
«Ма-ев-ка!» Знаем мы маевку.
За что я к пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока...
Добром прошу... Потом уж не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел. Глаза горят, как свечи,
«Хозяин! — вымолвил: — Запомни... этот... май!..—
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: — Слышь? Лучше не замай!!»

СЛЕПОЙ И ФОНАРЬ

Столкнувшись с кем-то в темноте,
«Ой! — взвыл слепой от боли.—
Ну, люди! Прямо скот, ей-богу, на скоте!
Фонарь-то я ношу для развлечения, что ли?»
«Фонарь? — слепому был ответ.—
Но где ж фонарь? Его и нет.
Ан есть! Но кто ж его приметит:
Ведь ты не видишь сам, что твой фонарь—не светит!»

*

Я басню разъяснять не стану. Дело в том,
Что в восемь строк она вместилась вся удобно,—
А ежели смысл ее растолковать подробно,
Напишешь целый том!

ЕВЕТ, ЕФФЕНДИМ!¹

В свободной Турции, в счастливом вилайете
 Был Представительный совет,
 И председателем в совете
 Был... был... Каких лишь нет
 Имен на свете:
 И вспомнить сразу-то нельзя!
 Не то Абу, не то Али-Родзя!
Персоной, как-никак, считаяся большою,
Он тем не менее перед любым пашою
 И особливо пред вали
 Едва не падал до земли.
Но заглянули б вы в совет,— клянусь Аллахом,—
 Здесь выглядел Али
 По меньшей мере падишахом:
 Всем, грудью кто стоял за трудовой народ,
 Умел закрыть он рот:
«Что?.. Власть грабителей?!. Что?! Райя встать
 готова?!
 Лишаю слова!!»
 Но вслед за первым хабрецом
 Шли новые бойцы за черный люд,— и снова
 С перекосившимся лицом
 Али вопил: «Лишаю слова!!»

¹ «*Evet, effendim!*» — «Да, господин!» — турецкое юмористическое прозвище, данное тем депутатам, которые покорно одобряют всякое действие правительства.

Порой же, действуя и круче и скорей,
Он очищал совет совсем от «бунтарей».
Оставшись с теми, с кем он был в общеньях тесных,
Зане они себя вели,— ах, как вели! —
Восторженно глаза закатывал Али:
«Как хорошо среди... бессловесных!!»

КУПИДОША

«Друг, Купидошечка! — любезничал с утра
С ищейкой унтер Пришибеев.—
И как же ловко ты вчера
Разнюхал сходочку вот этих вот... злодеев!
Спасибо! Поддержал!
За расторопность — на... съешь шоколадцу плитку!»
Пес беспокоился, чего-то все визжал
И носом тыкался в калитку.
«Так... понимаем, брат: к собачкам погулять?
Ну, неча хвостиком вилять!
Айда! Да не сгрызись, гляди, со сворой злою!»
Помчался Купидон на улицу стрелою,
А через часика примерно через два
Едва-едва
Назад волочит ноги.
«Ой, батюшки. Хорошие итоги!»
У Пришибеева остыло все в груди:
«Иди сюда, иди.
Скажи, как дело было?
Вишь: хвост повис уныло,
И слезы льют из глаз...
Ужли отказ?!
Пренебрегли такой особой!
К ищейке, стало быть, прониклись лютой злобой?
Вот так-то и со мной бывает всякий раз,
И никакой тебе приятности житейской!
Облают — слова не скажи.
Вот после этого служи
На службе полицейской!»

ГОРЕ-КУЗНЕЦ

Сказка

Жил барин, сыто жил, богато,
Как жили бары все когда-то.
Поместье у него — ну, прямо сущий рай,
Добра, достатка — через край:
И справа всякая, и живность, и товары,
И хлеба полные амбары —
Да ко всему
Тому
Две мельницы: на горке — ветряная,
На речке — водяная,
Да кузница — считай, завод!
Мотыги, бороны, лопаты, вилы, плуги
Ковались в ней для всей округи.
Без остановки шла работа круглый год —
Ковали кузнецы помещику доход,
А им от барина на зависть людям плата:
В день — четвертак на брата.
Большое ль дело четвертак?
И так прикинь его, и так,
Есть помирать охота, нет ли,
А не уйти из мертвой петли:
Что заработал, то проел!
Да мужику ведь что? Сам бог терпеть велел —
И кузнецы роптать не смели.
Ан случай земляка из города принес:
«Ребятюшки, да вы в уме ли?

Да ежли б этакий, как ваш хозяин, пес
 На нашей фабрике, к примеру, объявился,
 Так мы б его живой рукой
 Огрели стачкою такой!»
 «Какой же?! — в кузне всяк дивился. —
 Ужотко нас ты научи.
 Сам видишь нашу жизнь: хоть караул кричи!
 На наши спины сел хозяин злой болячкой.
 Нельзя ль и нам его огреть вот этой... стачкой?!»
 «Ну что ж? Механика, ребята, нехитра!
 Имели б лишь охоту!»
 Два дня ученье шло. На третий день с утра
 Хотя б один кузнец явился на работу!
 К обеду всей гурьбой пришли на барский двор.
 Жестокий с барином тут вышел разговор.
 И кузнецам во всем поддакивала дворня.
 (Все одного ведь корня!)
 У барина, до этих пор
 Ни в чем от кузнецов не знавшего отказу,
 Глаза на лоб полезли сразу:
 «Что?.. Стачка? Бастовать?.. Спасите!.. Бунт!
 Разбой!»
 Но, овладев кой-как собой
 И пораскинувши мозгами,
 Затопал барин наш ногами:
 «Егор! Корней! Захар! Антон!
 Гоните сволочь эту вон!
 Чего ж вы стали-то? Аль с ними столковались?
 Гони!.. Спустить на них собак!
 Грозить мне стачкою! Не на того нарвались!
 О-го, не по носу табак!
 Еще поплачете об отдыхе и плате!»
 И барин так, как был, в ермолке и халате,
 С собою прихватив приказчика Кузьму
 Да сторожа Антропку,
 Скорей на кузницу.
 «Раздуй-ка, Кузя, топку!
 А я клещи возьму.
 Антроп изобразит у нас молотобойца.
 Ей-богу, чем не тройца!!»

И часу не прошло — на кузне стук и гром.
Ан хитрость барская не кончилась добром.

Пришло несчастье сразу

По первому заказу.

Подъехал к кузнице мужик, силач Панкрат.
Глядит на барина, прищурившись лениво,
Как бы «кузнец» такой ему совсем не в диво:
«Вот к вашей милости...»

«Э... кхе... Здорово, брат.

Чем угодить могу?»

«Да шины бы подладить».

«Подладим!»

«С платой как?»

«Пошевели мощной:

Две сотни надо б дать, да, чтоб народ привадить,
Уж удовольствуюсь одной».

«Что ж? Ладно!»

Вот барин стал ковать,
Да через час-то хватъ —

Беда: «Эх-ма! досадно!

Железа сорт плохой...

Сгорело больше половины...

К чему тебе, голубчик, шины?

Слышь? Удружу тебе сохой!»

«Что ж! Ладно!»

Вновь кипит работа.

А пользы нет: «Ведь вот грехи!

Видать, не выйдет и сохи!

А сошничок тебе иметь-то неохота?

Ужо спаяю сошничок!»

«Что ж? Ладно!»

Стук да гряк. Железо убывало,

А «кузнецу» и горя мало:

«Скую, — кричит, — кочедычок!»

«Что ж? Ладно!»

Барина заказчик не торопит.

А барин, глядь, уж вопит:

«Готово! Просто шик!»

А вышел — пшик!

Вздохнул Панкрат: «За пшик платить-то надо,
что ли?»

«А как же, глупый ты мужик!
С какой же стати я натер себе мозоли?
Рядился сотнею, так сотней отвечай!»
«Что ж? Ладно!.. Получай!
Мы тоже, брат, со сметкой!»
Да как почал «платить» по барской спинке плеткой,
Да как почал...
Уж барин плакал, и рычал,
И клялся — матерью, троюродною теткой,
Роднею мертвой и живой,
И близкою, и дальней,
Своею глупой головой,
Поместьем, кузницей и... жениною спальней.
Панкрат же все его хлестал,
Да так измаялся, устал,
Что...— я вот думаю: быть может,
Бедняге кто-нибудь поможет?

КРЫСЫ

Сказка

Жил на свете царь Тофута.
Вот и сказочка вся тут!
Аль уж больно коротка?
Что ж, я этим не торгую:
Рассказать могу другую.
Ну, начнем издалека.
Чтобы все довольны были,
Дам вам сказку вроде были —
Про крысинную семью.
Ничего не утаю,
Не убавлю, не прибавлю,
Поученьем не разбавлю,
Без коленцев, без прикрас...
Угожу на всех как раз!

*

За полями, за лесами,—
Догадайтесь уж сами,
Где, в каком-таким краю,
Тихо-мирно, как в раю,
На раздолье, на приволье,
В родовом большом подполье
Жил да был «Пасюк Хромой»
Со старушкою женой
И единственной дочуркой,
Раскрасоткой «Серой Шкуркой»,—

Да еще в семье, как свей,
Был красавец молодой
«Стеногрыз», работник верный.
Крыса — силы беспримерной.
Мать с отцом и день и ночь
Любовались на дочь,
Приходили в умиление.
Дочь была на удивленье
И пригожа и умна;
Сколько чудных книг она
Перегрызть уже успела!
И по нотам сладко пела,
И плясала так, что — ух!
Посмотреть — захватит дух.
«Ох, не все-то ей кружиться!—
Перед тем как спать ложиться,
Как-то раз вздохнул отец. —
Поплясала — и конец!»
Почесавши лапкой в ухе,
Стал дудить старик старухе:
«Я уж стар и ты стара...
Девке замуж бы пора!
Потрудились, слава богу.
На остатке дней подмогу
Кто ж и даст нам, как не зять?
Только где вот зятя взять?»
«Женихи все больно худы.
Ночь ушла на пересуды.
Брызжет в щели свет дневной.
А в постели муж с женой,
Не заснув ни на минутку,
Спор ведут уж не на шутку:
«У соседей есть жених».
«Да ведь кот какой у них».
«Это верно: бог обидел,
Но никто еще не видел
Кошек в церкви. Я не прочь
За церковным видеть дочь».
«Ты церковных крыс в покое,
Дед, оставь: добро какое!
Все, как есть, и рвань и голы!»

«Ну, голубушка, позволь.
Похваляюсь уже не голью:
Как ходил по богомолью,
Повстречал я на горе
Жениха в монастыре.
Вот живет! Не жизнь — малина:
Яства разные и вина
И... чего лишь нет в норе!
Ест и пьет на серебре».
«Ах ты, бить тебя осиною!
По башке твоей крысиной!
За монаха дочь отдать!
В нем же божья благодать,
Как же он свой грех замолит?
Ведь писание глаголет,
Что к жене греховный пыл...»
«Фу ты, я и позабыл.
Ну, греховный так греховный!
Есть жених и не духовный,—
И живет преважно...»

«Где?»

«В окружном, дружок, суде;
Небывалая карьера:
С кладовушечки курьера
Уж прогрызся в зал суда».
«Ни за что и никогда!
Крыс судейских нам не надо!
Чтобы я родное чадо
Допустила до стыда?
Чтоб чужая ей беда
Не казалась бедою?
Нет, уж лучше хлеб с водою,
Чем... Слышал ты сам не раз,
Как в судах бывал отказ:
«Ваше дело — крысы съели!»
Как от горя люди млели!..
Ждут суда, и выйдет суд...
Прокурорский знаешь зуд:
Подтасует все умело.
Прав кругом, а вышло «дело».
Царский суд спокон веков,

Сам ты знаешь, чай, каков!
От него спаси нас, боже!
Женишка сыскал ты тоже!»
«Ладно, старая, не ной.
Вот я с крысой водяной
Познакомился недавно.
Вот жених. Живет как славно.
Сам затеял речь со мной:
«Обзавестись бы женой.
Скоро в плаванье уеду,
Так весь дом хоть сдай соседу!»
«Хоть соседу, хоть кому,—
А жених нам ни к чему!
Что за муж: уедет в море,
А жене и плач и горе:
Ни молодка, ни вдова!»
«Справедливые слова!..
Есть другой жених...отличный!
С капиталом... туз фабричный!»
«Туз? Не надо нам туза:
Как надвинется гроза
Да пойдут повсюду стачки,
Будет туз просить подачки!»
«А пожалуй, что и так,
Ах я, старый четвертак!
Что ж ты скажешь в этом разе:
Есть жених в мучном лабазе!»
«Как же, знаем: женишок!
Денег, хвалится, мешок,
А покончит, глядь, прогаром!
Нам купцов не надо даром!»
«Аль склоняешься к чинам?
Породниться б можно нам
С важной крысой, гарнизонной».
«Нет!»
«Смекни башкой резонной!
Ежли, скажем, интендант?
Жри казенный провиант!»
«Ты о ком?»
«Да вот об этом:
Познакомились мы летом...»

«Да в своем ли ты уме?
Интендант давно в тюрьме!»
 «Что ты, баба? Вот так штука!»
С женихами просто мука.
Сколько крыс уж перебрал...
Есть еще тут... чинодрал...
Помнишь, чай: грызун архивный...»
«Помню: лысый и противный!»
«Как же быть-то, боже мой! —
Завопил Пасюк Хромой.—
Есть еще... боюсь заране...
В жандармерии... в охране...»
«Что?! В охране? Слежки? Риск?..—
Подняла старуха писк.—
Породниться с этой крысой?
Нет, тогда уж легче с лысой
Иль бесхвостой, иль какой!»
«Тьфу! — махнул Пасюк рукой
(Я хотел сказать — ногою),—
Ну вас с дочкой дорогою!
Быть вам век без жениха.
Я ж — подальше от греха!
Разве лишь схожу к гадалке,
Что живет на старой свалке:
Может, даст какой совет!»
«Своего ума-то нет?»
«Да, почесть, и нет уж боле:
Этак спятишь поневоле,
Не сомкнувши сутки глаз...
А, и доця тут как раз!
Не выдавши чаю-булки,
Вы, никак, уже с прогулки!
Где изволили ходить?
Мне на вас не угодить.
Вот повздорил с вашей мамой,
Привередливой, упрямой:
Вознеслася — не достать.
Тьфу ты! Зятя ей под стать
Нет на всем на белом свете!
Сколько было на примете,
Сбраковала всех, как есть!

Я могу их перечесть.
Записавши всех в тетрадку,
Обсудите по порядку.
Я о вас так хлопочу!..»
Но — краснее кумачу —
Отвечала дочь папаше:
«Хлопочите, дело ваше!
Только я себе — ха-ха —
Уж сыскала жениха!
Что мне ваши женишонки?
Чай, не крысы, всё — мышонки!
Поглядеть, так в сердце нож.
То ли мой жених: пригож,
Смел, силен, умен и честен!..
Вам давно уж он известен:
Ах, милее мне всех крыс
Наш работник Стеногрыз!»

*

Как вскричит отец на дочку!
Но... Мы здесь поставим точку.

БАКИНСКАЯ «ДЫНЯ» 1914 ГОДА

В 1908 году на предъявленные бакинскими рабочими требования нефтепромышленник Гукасов ответил телеграммой: «П р и ш л и т е м н е ч а р д ж у й с к у ю д ы н ю».

(«Труд. правда», № 10.)

«Ох! — У Гукасова припадок злой одышки
И колотье в боку: —
Ох, как-то там теперь?.. Ох, не горят ли вышки
В Баку?»
Туз нефтяной клянет со сломленной гордыней
Разбитые мечты:
«Шесть лет готовились... и угостили... «дыней»!..
Скоты!»

«ПО ОСНОВЕ!»

Гг. хозяева захотели похвастать хорошим отношением к рабочим. Но, видно, забыли они про худую основу.

(Письмо максвельцев в «Трудовой правде» 6 июня.)

Без намеков и наглого крику,
Господам-ликвидаторам в пику,
Повторим, что сказали максвельцы вчера:
«От частичных уступок не ждем мы добра!
Мы к иному стоим наготове.
Наш удар — по прогнившей основе!»

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЮМОР

*В Ростове-на-Дону газета «Утро юга»
оштрафована 8 мая на 500 рублей за по-
мещение статьи «Необходимо кричать».*

(Из телеграмм.)

Свободна ли печать?
О господи! Вестимо!
Свободен всяк кричать,
Кому необходимо.

Нет гнета на Руси
На малую толику:
Полтысячи внеси
И — надорвись от крику!

ЗАКОННИКИ

Микола Тюрин поутру
Чинил дыру
В прогнившей крыше
И только что, взобравшись выше,
Сесть на конек хотел верхом,
Как поскользнулся ненароком,
И, вниз свалившись кувырком,
О частокол огрелся боком.
На крик народу собралось.
Жена исходит в диком вое:
«Ды на ко-го ж...»
«Не вой ты... брось!»
«Эх, братцы, горе-то какое!»
«Гляди: прошло колом наскрозь!»

Придя в себя, бедняк Микола
Взмолился горько: «Братцы... ой!..
Сымите... братцы... с частокола!..»
«Чичас приедя становой,—
Уж потерпи, голубчик, малость!»
«Уж потерпи!»
«Ой... братцы... ой!..
«Чичас приедя... Эка жалость!..
«Ды на ко-го ж ты нас...»
«Постой!
Тьфу, Груша, ты-то хоть не вой!»

«Ды на ко-го ж...»

«Ой... братцы... ой!..»

«Чичас приедя!.. Слышь, Микола?»

Никак нельзя без протокола!»

«Уж потерпи!»

Мужик терпел...

Терпел... Под вечер захрипел,

Уставил мутный взор на Грушу,

Икнул... и отдал богу душу!

ЧИЖ - ТРЕЗВЕННИК

«Чиж-жик, чижик, где ты был?
На Фонтанке водку пил...
Вы-пил р-рюмку... вып-пил две...
З-заш-шумело... в га-ла-ве!..»
«С чего ты, братец, так распелся? —
Вскричал воробушек чижу. —
Эге, да ты, как погляжу,
Уже порядком... разговелся!»
«Пью!» — свистнул чижик воробью.
«Пьешь? Видно. Вон какая резвость!
Аль не слышал, что нынче — трезвость?»
«А как же? С трезвости и пью!..
Попробуй, запишись, дружище...
Запьешь, гляди, меня почище!»
«В чем дело, братец?»
«В чем? А в том:

Когда великим-то постом
У нас средь птичьего прихода
Пошла на трезвость эту мода
И под любым почти кустом
Все лишь про трезвость драли глотку,
На «зелъе адское», на водку,
Решил и я махнуть хвостом
И обязать себя обетом
Не пить, по крайности, хоть летом,
Когда у всех у нас хлопот
С детьми, с хозяйством полон рот.

Решив, пошел сказать об этом
Попу приходскому, отцу
Скворцу.

«Ох!— молвил батя мне умильно. —
Слышал я, чадо: пьешь ты сильно.
Рад за тебя теперь душой!
Искус приемлешь ты большой.
Перед таким искусом, чадо,
Нам отслужить молебен надо».
Поп отслужил. Я заплатил.
Скорей домой. А поп вдогонку:
«Иконку ты не захватил!»
Я заплатил и за иконку.
«Блюда, сынок, себя! Блюда!
Через неделку приходи
Для совершения моленья
Об укреплении терпенья».
Расходы всё, а денег нет.
Тут приключилось искушение:
Нарушил с кумом я обет.
Пришлось платить за нарушение.
Корил отец меня, корил,
Потом молебен повторил
Об утвержденье доброй воли.
Ан случай новый подоспел:
Дрозд — именинник был он, что ли? —
Позвал, а я... не утерпел:
Обет нарушил, значит, снова.
Открыл Скворцу вину свою.
Не говоря худого слова,
Он дал мне епитимию.
— У бати строгие порядки! —
Три дня ему копал я грядки.
Беда! Горячая пора.
Из головы нейдет забота:
Ведь у меня там детвора,
У самого стоит работа.
Ну, отработал тяжкий грех,—
Ан, оказалось, что потребен
Еще особенный молебен
О здравье трезвенников всех.

Через неделю — панихида
За упокой царя Давида,
Еще кого-то... без конца!
И тут меня, дружок, обида
Взяла такая на Скворца,
Так стало тошно жить на свете,
Что, позабывши об обете,
Хватил я здорово винца!
Пью! С горя: пил, да не пропился,
А тут — до нитки промолился!..
Ты что ж раскис-то, голова!
Воробыш! Плюнь! Всё — трын-трава!
Тряхнем последнею полтиной:
Идем, брат, выпьем по единой!!
И — эх!..
Вып-пил рюмку, вып-пил две,
З-заш-шумело в га-ла-ве!
Ти-тю-ли, тю-ли, тю-лей,
Ну-тка, рюмочку налей!»

МОКЕЕВ ДАР

(Быль)

Случилась беда: сгорело полсела.

Несчастной голытьбе в нужде ее великой
От бедности своей посильною толикой

Своя же братья помогла.

Всему селу на удивленье

Туз, лавочник Мокей, придя в правленье,

«На дело доброе,— вздохнул, — мы, значит,

тож...

Чего охотней!..»

И раскошелится полсотней.

А в лавке стал потом чинить дневной грабеж.

«Пожар — пожаром,

А я весь свет кормить, чай, не обязан даром!»

«Так вот ты, пес, каков!»

Обида горькая взяла тут мужиков.

И, как ни тяжело им было в эту пору,

Они, собравши гору

Последних медяков

И отсчитав полсотни аккуратно,

Мокею дар несут обратно:

«На, подавись, злодей!»

«Чего давиться-то? — осклабился Мокей,

Прибравши медяки к рукам с довольной миной.—

Чужие денежки вернуть немудрено,—

А той догадки нет, чтоб, значит, заодно

Внести и процентики за месяц... руп с полтиной!»

КРОВНОЕ

На даче барчуки, набрав еловых шишек,
В войну решили поиграть
И наняли толпу крестьянских ребятишек
Изображать враждующую рать.
Сошлись враги. Увлечшись боем,
Деревня перла напролом:
«Жарь под микитки!»
«Бей колом!»
Барчата взвыли диким воем.
На крик сбежались их матери, отцы.
Узнав, что их сынки ребятам заплатили,
Чтоб те их колотили,
Озлились господа: «Ах, псы, ах, подлецы!
За медный грош убить готовы, супостаты!»
«Да рази ж,— издали ребятушки кричат,—
Да рази ж чем мы виноваты?»
Мы платы силою не брали у барчат:
Мы б их избили и без платы!»

ПТИЦЫ

Пресветлый сокол поднял крик.
Средь бела дня, когда летал он на привольи
Со всем своим двором, какой-то враг проник
В его владения соколы
И, словно б от каких-нибудь перепелят,
Оставил косточки одни от соколят.
У сокола в глазах от боли потемнело:
«Подать мне ястреба! Он во вражде со мной.
Его когтей все дело!
Он, он, не кто иной,
Несчастью моему великому виной!»
И сокол ястреба решил извести со света.
Как только до орла дошла угроза эта,
Орел на сокола решил идти войной.
Всем птицам объявив о том с великим шумом,
Зане был ястребу он сватом или кумом,
Иль вообще какой-то там родней.
Переполох среди птиц пошел необычайный.
«Владыка! Не войю, а только попугай!—
Взмолился пред орлом ученый попугай,
Известнейший юрист, орла советник тайный.—
Пристойно ли тебе вступать в подобный спор?
Ведь ястреб учинил заведомый террор!
Террористические ж акты...»
«Брось, попугаюшка!— вздохнул орел.— Чудак ты,
Хоть и юрист.
Откуда же ты взял, что я — не террорист?!»

ПУШКА И СОХА

Увидевши соху, «Послушай-ка, старушка,—
Сказала пушка,—
Аль ты глуха?
Я тут гремлю весь день, а ты и не слышала?
Ты что ж тут делала — ха-ха?»
«Пахала,— молвила соха,—
Пахала». —
«Пахала? Что ты! Не смейся.
Работать для кого? Ведь ни одной души
Не сыщется живой в разбитой деревушке.
Так что ж тебе теперь осталось? Отдыхать?!»
«Пахать,— соха сказала пушке,—
Пахать!..»

*

На ниве брошенной, среди камней и терний,
Не прерывая борозды,
Друзья, работайте от утренней звезды —
И до вечерней!
Ваш мирный подвиг свят и нет его безмерней.
Под грохот пушечный, в бою, в огне, в аду
Я думаю о вас, чей путь простерся в вечность.
Привет мой пахарям, борцам за человечность!
Привет мой мирному — культурному труду!

В ЦЕРКВИ

Сысой Сысонч, туз-лабазник,
Бояся упустить из рук барыш большой,
Перед иконою престольной в светлый праздник
Скорбел душой:

«Услышь мя, господи! — с сияющей иконы
Сысонч не сводил умильно-влажных глаз.—

Пусть наживает там, кто хочет, миллионы,
А для меня барыш в сто тысяч... в самый раз...
Всю жизнь свою потом я стал бы... по закону...»
Сысонч глянул вбок,— ан возле богача
Бедняк портной, Аким Перфильев, на икону
То ж zenки выпялил, молитвенно шепча:
«Пошли мне, господи, в заказчиках удачу...

Последние достатки трачу...

Чтоб обернуться мне с детишками, с женой,

С меня довольно четвертной...»

Купчина к бедняку прижался тут вплотную,

От злости став белей стены:

«Слышь? Лучше замолчи!.. На, сволочь, чет-
вертную

И не сбивай мне зря цены!»

«ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ»

За 1914 год мин. вн. дел получило от штрафов и административных взысканий 1 186 274 рубля. Печать дала 194 760 р. По смете на 1916 г. предполагается получить штрафов на 1 200 000 р.

Много, много их, «злодеев»:
 Сам М. Горький, Л. Андреев,
 Короленко, — кто еще там? —
 Все стоят под «общим счетом»
 В черной рубрике прихода
 «Сметы будущего года».

И пигмеи и гиганты,
 Все грядущие таланты,
 С новизною, с левизною,
 «Предусмотрены казною».
 Плод святого озаренья,
 Гениальные творенья,
 Коих нет еще и в плане,
 «Предусмотрены заране».

Публицист, в статье задорной
 Ты идешь дорогой торной!
 Я, сатирик, в басне, в сказке
 Подчинен чужой указке
 И живу на белом свете —
 «Предусмотренный по смете»!

КУПЛЕТИСТЫ

На сияющей эстраде
В Петербурге — виноват —
В дивном граде Петрограде
Пел нам нежно бюрократ:
«Знаем, знаем с давних пор мы,
Ох, как нам нужны реформы,
Но... всему же свой черед:
Успокойтесь наперед!»
Было худо, стало хуже.
Миновало десять лет, —
Бюрократ на тему ту же
Декламирует куплет:
«Входит жизнь в иные нормы.
Ох, как нам нужны реформы,
Но... позвольте погодить:
Дайте немца победить».

Что нам делать с куплетистом?
Отвечать, как прежде, свистом?
Но в тяжелый час потерь
Не до свиста нам теперь.
Куплетист (пусть он с талантом)
Нас избитым «вариантом»
В изумленье не поверг.
Знаем: если ждать упорно,
И упорно, и покорно,
То получим все бесспорно...
«После дождика в четверг».

ЩЕГОЛ

«Ну, как твои дела-делишки?» —

Сбивая лед с еловой шишки,

Клёст обратился к снегирю.

«Благодарю!

Когда бы не попал к дрозду на именины

Да не поел вчера рябины,

Подох бы с голоду!»

«Эх-ма!

Признаться, выдалась зима!..

Гляди, с овсянкой к нам летит, никак, чечетка?

Здорово, тетка!

Садись, овсяночка! Откудова, кума?»

«Да вот летала к свиристелю;

Хворает, бедненький, которую неделю:

Всего трясет, не пьет, не ест.

Прибился из далеких мест,

Промерз на вологодской стуже,

Искал тепла у нас — ан тут еще похуже.

Да без родных, да без семьи!..»

«Щигли-щигли! Пюи-пюи!»

Перемахнул на ель щегол с чертополоха:

«Кому там как, а мне не плохо!»

«В каких местах?» — вопрос овсянка задала.

«Уже ль не знаешь? Вот дела!—

Щегол придвинулся к соседке.—

Зашла бы, что ли... на часок...

Поговорить... попеть... прочистить голосок!..

Я тут поблизости... живу по-барски... в клетке.

«Так это ты и есть?!

Весьма наслышаны! Благодарим за честь!—
Овсянка молвила задорно.—
Возможно, про тебя наслышались мы врак:
И плут и фокусник... Но вот, что ты — дурак,
Так это уж бесспорно!»

*

Такие-то дела!
Малюю басенку, не трушу,—
И тем отвел немного душу.
Что выругал... щегла!

Ф Е А К

Случилось в древности в Афинах...

Что? В наших палестинах?

Друзья мои, чтоб не влететь в беду,

На этот раз я речь веду,

Ей-богу, об Афинах!

Итак:

Богач Феак

В собранье олигархов,

Стратегов разных там, демархов да филархов

И закулисных всех и явных заправил,

Дрожащим голосом однажды заявил:

«О андрес, доблестные мужи!

Война и недород

Изнищили народ,

Страдающий теперь от голода и стужи.

А потому, дабы

Не подвергать себя превратностям судьбы,

Дав повод бунтовать гражданским всем отбросам,

Валяльщикам, портным, носильщикам, матросам,

О андрес, мы должны,

Взяв денежный подряд от городской казны

На хлебные поставки,

Забуть торговые надбавки

И, отпуская беднякам

Хлеб для обсева и помола,

В нечистой жадности не прибирать к рукам

Ни одного народного обола!

Нужда народная есть общая нужда.

Докажемте, что нам корысть чужда,

ЗАКОН И «ПРАВДА»

По распоряжению судебных установлений отменен арест 18 и 19 №№ газеты «Правда» за 1913 год.

(«Д е н ь», 20 ноября 1915 г.)

На белом свете «Правда»
Жила во время оно.
Была на свете «Правда»,
Но не было Закона.
И вот Закон обрелся.
Но... что ж мы видим ныне?
Закон-то есть, да «Правды»
Давно уж нет в помине!

СТОЛП ОТЕЧЕСТВА

В Иркутске содержатель домов терпимости (он же церковный староста и председатель черносотенного «Союза русского народа») Нил Ззевев обратился к высшему учебному начальству с жалобой, что учащиеся якобы ведут себя неблагопристойно в церкви во время богослужения, позволяют себе разговоры, шум и другие компрометирующие поступки.

(«Б и р ж. в е д», 22 ноября 1915 г.)

«Дилехтор?.. Хор-рошо!.. Учителя?.. Прекрасно!..
В шеренку вас, да всех разделить под орех!..
 Дают вам денежки напрасно:
 В учебе вашей всей не сосчитать прорех...
На гимназистов я глядел наемни в храме.
 Не то сказать — подумать грех
 Об этом сраме:
 Замест того, чтоб, павши ниц,
 Молиться им пред образами,
У них шушуканья, смешки... Едят глазами
 Моих... девиц!
Да шутку под конец какую откололи!..
 Оно, положим, так... искус...
 У Шурки, скажем, аль у Поли
 На всякий вкус —
 Всего до воли.
 Опять же Дуньку взять: хоша
По пьяной лавочке с гостями и скандалит,
 А до чего ведь хороша!
 Не сам хвалю — весь город хвалит!»

.

Читатель, это не секрет:
Перед тобой доподлинный портрет
Нравоблюстителя — иркутского Катона,
Носившего значок «За веру и царя!»,
Союзного вершилы, главаря
И содержателя публичного притона!

РАДОСТЬ

Бывший попечитель Петроградского учебного округа Прутченко сказал: «Увлечение трезвостью — мода. По окончании войны мы приступим к восстановлению прежнего порядка».

(Из газет, 20 дек. 1915 г.)

«Здорово!»

«А, соседу!»

«Входи-ка, что ль, во двор!»

Два горьких пьяницы, Артем да Никанор,

Вступили утречком в беседу:

«Слыхал, Артем? Послал и нам господь победу!»

«Поди ты! Больно скор!»

«Что ж, натерпелись, чай, за полтора-то года!..

На трезвость, наконец, — слыхал? — проходит мода!»

«Я думал, ты про что?..»

«А то про что ж, Артем?»

Подумай, пьяниц все бранили не путем.

Ан вот за нас — ведь что случается порою! —

Сановник питерский какой-то встал горою:

«Кому там как, а я без водки нездоров...

Вся трезвость... выдумка пустая докторов...

Им можно пить? А нам? Какой наводят глянец!»

Дай бог ему всего и ныне и вовек!

Видать, хороший человек

И пьяница из пьяниц!

Не пьем, грит, потому — война. А победим,

Так поглядим!..

Казна, грит, ежли что... На всякие онёры...

Не пьем, а будем пить... Всему своя пора...

Нас нечего учить... Все эфти дохтора,
Не дохтора, а... дохтринёры!..»
«Ах, в рот ему соленый огурец,
И что ведь скажет! Ну ж, мудрец!»
«Русь, говорит, пила издревле,
Творя, однакоже, великие дела.
Пила и что пила:
Вино — в сто раз вкусней и в десять раз дешевле!»
«Так, так!..— поддакивал Артем,
Томленьем сладостным волнуем. —
Дружище! Миканор! На радостях... пойдём...
Ознаменуем!»
«Впрямь, радость!»
«Господи! Да хоть кому скажи!»
Друзья восторга не таили
И нахлестались так ханжи,
Что еле молоком их бабы отпоили...

1915 г.

*

Артем да Никанор, конечно, простота;
Не то ведь изрекли сановные уста,
Что показалось им, до выпивки охочим.
Сановник, как и все народные враги,
Знал: если водкою не задурить мозги
Крестьянам и рабочим,
То... сами знаете, чего боялся он.
Теперь сановников мы всех убрали вон.
Они же в свой черед ведут на нас облаву,
И посчастливься им вернуть былые дни,
Так нашей кровушки они
Уж попили б на славу.
Любезный друг, Артем! Товарищ — Никанор!
Сумейте ж сволочи господской дать отпор,
Как ни трудненько нам, прикиньте-ка да взвесьте,
Что лучше: у господ ходить на поводу
Иль, отразив навек беду,
Запировать... со мною вместе?!

1918 г.

АНЧУТКА - ЗАИМОДАВЕЦ

У мужика случилася беда.

Мужик — туда, сюда.

Подмоги ниоткуда.

Бедняк у бога молит чуда.

А чуда нет. В беде, спасаясь от суммы,

Мужик готов у черта взять займы:

«У черта денег грудя!»

А черт уж тут как тут.

Мужик разинул рот:

«Вот легок на помине!

Анчутка, выручи! Пришел совсем капут.

Дела: хоть вешайся на первой же осине!»

«Да чем помочь-то?»

«Чем! Известно: дай денег!»

Зря деньги у тебя, слышал-от я, лежат».

Скребет Анчутка темя:

«Да ведь какое время!

Сам знаешь, старина:

Война!

Куда ни сунешься, все стонут от разору,

Нашел когда просить. Да тут собрать бы впору

Хоть старые долги!»

«Анчутка, помоги!

Верь совести, Анчутка,

Весь долг верну сполна».

«Война!»

«Так ведь война, гляди какая, шутка!»

Как немцев сокрушим, так с этих басурман
Все протори сдерем...»

«Хе-хе, держи карман».

«Тогда по совести с тобой сведем мы счеты...»

«Хе-хе!»

«Вот и хе-хе! Ты — скуп!»

«Ох, брат, не скуп!»

«Ну, глуп!»

Не смыслишь, вижу, ничего ты.

Ведь опосля войны пойдут какие льготы!»

Тут, не жалея языка,

Мужик, что где слышал, о льготах все поведал.

Черт молча слушал мужика,

Все выслушал, вздохнул... и денег не дал!

У СЫ ДА БОРОДА

Сказка

У кузнеца, у дедушки Филата,
Был двор и хата,
А в хате на стене —
Портрет, а чей портрет — не угадать в три года:
То ль в бричке поп, то ль воевода
На вороном коне,
То ль... как-нибудь потом скажу наедине.
Ну, словом, кто-то был когда-то намалеван,
Да после дедом так заплеван,
Что от лица почти не стало и следа:
Едва виднелися усы да борода!
У деда был такой обычай постоянный:
К портрету подойдет и — тьфу ему в глаза!
«Тьфу, разрази тебя гроза!
Тьфу, сатана ты окаянный!»
Случилось — сатана все это увидал, —
И стало так ему обидно и досадно,
Что он с досады похудал.
«Постой же! — про себя ворчал нечистый. — Ладно.
Посмотрим, так-то ль ты удал!
Плеваться вздумал, а? Моя-де это рожа!
Положим, на мою она и не похожа, —
Но ежели ты ее считаешь за мою,
Так я ж те поплюю!»
Тут дьявол подослал подручного к Филату.
Явился к деду бес под видом паренька.
«Не надо ль, дескать, батрака?»
«Что ж? — молвил дед. — Возьму. А за какую плату?»

«Задаром! Лишь мое усердие ценя,
Ты малость подучи кузнечеству меня!»
Дед рад тому: «Изволь, учись, коли охотник!»
Сам бабе шепотком: «Глянь, даровой работник!»

Работник даровой

У наковальни без отхода.

Прошло каких-нибудь полгода,
Дед не нахвалится: «Парнишка — с головой,
И золотые руки!»

Парнишка стал меж тем ковать такие штуки,
Что дед, хоть чувствовал в руках немалый зуд,
Хоть глаз не мог отвести от мастерской работы,

Одначе взвыл: «Ой, парень, что ты!

Влетим под суд!

Эх, черт! Подделал же ты ловко!

Пятак! Воистину — пятак!

Ну ж, молодец! И как ты так?!»

«Вот пустяки нашел! Какая этоковка?—

Стал несуразное тут малый толковать.—

Коль хочешь, я тебя могу перековать!!

Переверну в горне налево да направо —

Полсотни лет с тебя сниму!..»

«Да ну? Такое скажешь, право!

Никак и в толк я не возьму!»

«Возьмешь!.. Вон старичок идет по косогору!

Эй, старина! А старина!

(Знал младший бес по уговору,

Что «старичок» был — сатана.)

Слышь, дедушка, тебе помолодеть охота?»

«Еще бы!»

«Я тебя перекую в два счета».

«Что ж, милый, помирать равно мне.

Хочешь — куй.

Ты парень, вижу я, удалый».

Засуетился сразу малый:

«Хозяин, дуй!»

Едва не лопаюсь от смеха,

Пыхтит-кряхтит Филат у меха.

А бес клещами старца хватать

И ну ковать!

Вертел в огне его проворно.
Глядь, прыгнул из горна такой ли молодец:
«Благодарим покорно!
Ай да кузнец!»
Филат, оторопев, не мог промолвить слова.
А парень снова:
«Хозяин, что ж? Ложись!»
Очухался Филат:
«Ох, брат!
Кузнец, и вправду, хоть куда ты!
Помолодеть бы я и рад,—
Но, как война теперь, боюсь: возьмут в солдаты,
А я... какой уж я солдат?
Обидел я когда хоть муху?
Таких, как я, да ежли в бой...»
Озлился парень: «Шут с тобой!
Веди сюда свою старуху.
Пусть хоть ее омоложу!»
«Старуху? слова не скажу!
Старушка стала чтой-то слабой.—
Посеменил Филат за бабой: —
Вот, баба, так и так,— пример тебе живой.
Вернешь ты молодость свою, красу и силу.
Помру, останешься такою ли вдовой!»
Мотаает баба головой:
«Век прожила с тобой, с тобой пойду в могилу». —
«Да ты подумай, голова!» —
Дед не скупился на слова,
Просил по-доброму сначала,
Покамест баба осерчала,
Потом, озлившись сам, забил ей в рот платок,
Связал ее и в кузню приволок.
Вертели, жарили в огне старушку Дарью,
Пока запахло крепко гарью.
Тут дед встревожился: «Чай, вынимать пора?
Боюсь, не выдержит: стара!
Слышь, парень, погляди: старуха-то жива ли?»
А парня... Митькой звали!
Исчез, как не бывал. Дед глянул, а в огне,
Заместо бабушки, костей горелых кучка
Да неотлевшая онучка.

Сомлел Филат: «Ой, лихо мне!
Ой, лихо!»
Прижался, съезжившись, к стене
И... захихикал тихо:
«Хи-хи-хи-хи!.. Хи-хи-хи-хи!..
Помолодел... Хоть в женихи!..
А бабка... Под венец такую молодницу!..
Сережки, Дарьюшка, сережки-то надень!..»
Бедняк, отправленный в больницу,
В больнице помер в тот же день.

*

Не стало дедушки Филата!
В пустом его дворе стоит, как прежде, хата,
А в хате на стене
Висит портрет, а чей — не угадать в три года:
То ль в бричке поп, то ль воевода
На вороном коне,
То ль... как-нибудь потом скажу наедине.
Ну, словом, кто-то намалеван,
Да только кузнецом покойным так заплеван,
Что от лица почти не стало и следа:
Чуть-чуть виднеются усы да борода!

1915 г.

*

Всю правду говорить — обычай пролетарский,
Так потому скажу — какой уж тут секрет?—
Что дедушка Филат так заплевал портрет —
Чей? Ну, известно: царский!

1917 г.

СТРОКИ

«Люблю грозу в начале мая!»

Ф. Тютчев.

Люблю «читать» газеты ныне:
 За белой полосой белеет полоса.
 Идешь-бредешь, как по пустыне,
 И вдруг — о чудеса!—
 Оазис, кажущийся раем:
 «Три пальмы» — три строки. О чем их «шум», бог
 весть.
 Какой-то смысл в них, верно, есть,
 Хоть мною он не постигаем!
 Но, может, предо мной лишь сладостный мираж:
 Где строки — все пустыня та ж,
 Немое, выжженное поле?
 Ах, все равно! Так хорошо порой
 Подумать, помечтать на воле,
 Представить строк иных живой и плотный строй
 О вешней зелени, о буре,
 Сносящей все, над чем повис нещадный рок...
 Читаю я и знаю: этих строк
 Не выжечь ни одной цензуре!

«Ч У Д О»

Проектируется мобилизация отечественного пчеловодства.

(И з г а з е т.)

Нет худа без добра и нет добра без худа.
О мудрость вещая, ты стоишь похвалы!
Но сколько выстрадать пришлось нам, покуда
Мы не додумались до истинного чуда:
Мобилизованной... пчелы!

ДЕЛО ХОЗЯЙСКОЕ

Два добрых друга, два коня,
Корнеев конь да конь Вавилы,
Вели беседу у плетня:

«Ну, как дела, товарищ милый?»

«Да что! Скорей бы до могилы!

Хозяин лютый у меня:

То недокормит, то отлупит...»

«Ох, мой хозяин твоему,

Пожалуй, тоже не уступит!

Впрямь — не хозяин, а напасть!»

Ан в этот миг хозяин шасть!

И ну стегать кнутом Пегашку:

«Ты с кем шептаться взял замашку?»

«Как с кем? С товарищем!»

«Вот на!

Да он Вавилы конь?»

«Вавилы!»

«Так у меня же, в бок те вилы,

Давно с Вавилою война!»

ПОХВАЛЫ

«Едут быки».
Член городской управы Ф. А. Лузин
получил снова телеграмму об отправке
партии скота со ст. Великокняжеская. На
этот раз будто бы отправлено 300 быков.

(«Раннее утро», 26 апреля 1916 г.)

«Быки-то!»

«Господи!»

«Ур-ра!»

«А говорят еще: мы обеднели мясом!»

«Да шут ли нам война!»

«Да с таким запасом!..»

«Взгляни на этого: гора!»

Цены, чай, нет быку такому!»

«Слышал?»— хваленый бык сказал быку другому.

«Слышал. Но лучше б не слышал».

«А что?»

«Все было бы спокойней:

Я не охотник до похвал,

Так отдающих явно... бойней!»

ПРОТИВ УКУСА

«Ах ты, нечистая ты сила!
Ты не взбесилась ли грехом?»
«Кого ты так бранишь, Пахом?»
«Собака, Клим, твоя мне ногу прокусила!»
«Ну, делать неча. Не помрем.
Нога на день-другой припухнет.
Накрой вот рану сухарем:
Пусть он в крови твоей разбухнет.
Собаке дать сухарь такой —
Боль сразу у тебя всю снимет, как рукой».
«Спасибо, Клим, на добром слове.
Собак кусливых мне не внове
Дубиной крепкою учить.
Но чтоб я рану стал по-твоему лечить:
Собаке за укус дал хлебца на закуску...
Да, знаешь ли, тогда, уверен я вполне,
Что ни одна собака мне
Не даст, конечно, спуску!»

*

Читатель-друг, мотай на ус
И пользуйся с умом Паховым уроком,
Коль отвечать тебе случится ненароком
На клеветнический укус.

У М

(Перевод с истинно-готтентотского.)

Вельможный некий готтентот...
— Что? Угадали? Нет, не тот!
У готтентотов есть свои вельможи тоже.
Не хуже наших.— Ну, так вот:
Жил, значит, этот готтентот
В довольстве, в роскоши, без горя, без хлопот.
И вдруг пришлось узнать такую весть вельможе,
Что сразу у него пошел мороз по коже
И выступил на лбу холодный пот.
Оповещен он был секретно
О том, что с некоторых пор
Былой покорности в народе не заметно:
Властям приходится кой-где встречать отпор;
Что молодые готтентоты
Часы, свободные от тягостной работы,
Решили посвящать — неслыханно, чему?—
Уму!
Хотят «очистить ум от вековой коросты»,—
И уж такие есть ученые прохвосты,
Что сами могут счет вести
До десяти.
«До десяти?!» Вокруг вельможи взвыла свита:
«Чем это кончится?»—«Не станут чтить властей».
Вельможа от худых вестей
Лишился сна и аппетита.
Два дня не выходил, на третий — поутру —
Явил свой лик двору

И молвил: «Верные мои чины и слуги!
Да будет ведомо всем жителям моей
Богоспасаемой округи,
Что не иссяк еще щедрот моих елей.
Так: хоть известно мне, что объявилась ныне
Болезнь губительней чумы,
Что многие в слепой, обманчивой гордыне
Решили изошрять науками умы,—
Я по любви своей к подвластному мне люду
На первый раз карать преступников не буду;
Однакож забывать не должно им о том,
Что от меня потом
Все эти умственные гады
За их продерзости не могут ждать пощады,
Зане в лице моем для черни всей дана
Великим духом власть одна,
И всяк, кто промышлять умом своим намерен,
Начальственных забот нимало не ценя,
Тот, стало быть, в уме начальства не уверен
И оскорбляет тем... меня!
А для такого злодеянья
Нет и не будет покаянья!
Сие обмысливши, в моих
Неисчерпаемых заботах
О низкородных готтентотах,
Для огражденья их
От столь жестоких бедствий
И тяжких мук,
То-бишь, от горестных последствий
Душегубительных наук,
Повелеваем всем рабочим готтентотам
Не изнурять ума головолomным счетом,
Но, применительно к простому их бытию,
Счет ограничивать — пятью!
Что ж более пяти и меньше пятой части,
О том судить не им, а небом данной власти!
А ежели кто пойдет сему наперекор,
С тем, не вступая в долгий спор...
Из-за одной овцы, чтоб не губить все стадо,
Вы сами знаете, как поступить вам надо!»

«БАТАЛИСТЫ»

*(Псвящ. военным «беллетристам» — А. Федорову,
В. Муйжелю и им подобным.)*

На все наведена искусно позолота.
Идеи мирные, как шелуху, отвеяв,
Бытописатели российского болота
Преобразилися в Тиртеев.
Победно-радостны, нахмутив грозно брови,
За сценкой боевой спешат состряпать сценку:
С еще дымящейся, горячей братской крови
Снимают пенку!

«МОРОКА»

Сказка

Вот, братцы, сказочка про одного царя.
По правде говоря,
Мне сказки про царей изрядно надоели,
Но как же быть-то в самом деле?
Обычай сказочный нас с вами постарей.
Выходит: люди без царей
Жить раньше вовсе не умели.
Нередко царь иной чинил такой грабеж
И измывался так над бедным черным людом,
Что становилось народу невтерпеж
И делал он царя такого — черту блюдом.
Но так как всякий царь всегда защитник чей?—
Известно — богачей,
То в случаях таких все богачи согласно
Вопили в ужасе, подняв переполох,
Что, как-де царь ни плох,
Но вовсе без царя беда как быть опасно,
Что царству надобен порядок, то да се...
Глядь, не успел еще народ в суть дела вникнуть,
Как уж ему нельзя и пикнуть.
Пропало все!
В порфире царской и в короне
Вновь чучело сидит какое-то на троне.
Сегодня — чучело, а через день — злодей.

*

Да, вот как, милые. Посмотришь на людей
И затоскуешь так, что утопиться впору:
Однакож я того, охоч до разговору:

Болтаю языком,
 Мудрю тут, в руки взяв указку,
 И позабыл про сказку,
 Про сказку о царе — не все ль равно, каком?—
 Как повстречался он однажды с мужиком.
 А только что мужик не рад был этой встрече:
 Был он к царю силком
 Приведен издалече.
 «М-да... Стань-ко, милый, тут...
 Как, бишь, тебя зовут...
 Вот дело, брат, какое...»
 Глаз на глаз с мужиком оставшихся в покое,
 Промолвил царь, уписывая щи:
 «Ужотко не взыщи
 На добром слове,
 А петля для тебя давно, брат, наготове.
 Слух про тебя идет, считай, который год,
 Что ты мутишь честной народ,
 Морокой разною морочишь
 И царству нашему лихой конец пророчишь...
 Постой... про что, бишь, я с тобою говорю?
 Чегой-то голова как будто бы кружится...»
 И стало тут мерещиться царю:
 От жирных жарких щей пар по столу ложится
 И вьется вверх... И там, у потолка,
 Уже не пар, а облака...
 Из облаков тех на пол
 Вдруг мелкий дождь закапал,
 Потом — как зашумит да как польет... беда!
 Царь глазом не мигнул, как стол со всей едою
 Бог весть куда
 Снесло водою.
 «Конец! Пропали мы с тобою!..»
 Царь в страхе и в тоске взглянул на мужика.
 А мужику хоть что: «Бог миловал пока.
 Гляди, какую нам послал господь находку.
 Садись-ка в эту лодку...
 Жаль, сломано весло...»
 Уселись любо-мило.
 Тут лодку ветром подхватило
 И понесло.

Носилась лодочка на воле
Дня три, коли не боле.
Для мужика — живот потуже подвязать
Да по три дня не есть — в обычай, так сказать, —
И наш мужик бровей не хмурил:
Когда не спал, то балагурил.
Такой чудак!
Совсем не так
Сказался голод на соседе:
И наяву и забываясь сном,
Царь бредил об одном:
О недоеденном в последний раз обеде.
А дождь все лил да лил, сегодня, как вчера, —
И лодку все несло теченьем.
Но вот настал конец мученьям:
На пятый, что ли, день с утра
Установилась погода —
В тумане голубом зазеленел лесок.
По малом времени с разгону врылась лодка
В береговой песок.
Тут, выйдя на берег и помолвившись богу,
Царь с мужиком пустились в путь-дорогу.
Шли, шли да шли.
Усталые, в пыли,
Прибились к деревушке.
Но в первой же избушке
Нерадостную им пришлось услышать весть:
Во всей деревне им никто не даст поесть.
То ж, дескать, самое и в деревнях соседних.
Такой-де мужики дождалися поры:
Пообнищали все двory,
Давно уж в закромах нет выскребков последних.
Голодный царь, кляня судьбу,
Шел из избы в избу,
Не верил сам тому, что видел:
«За что так бог людей обидел?
Несчастье с этаким житьем —
Век вековать в лихом мытарстве!
Хотел бы знать я, в чьем таком проклятом царстве
Нам подыхать с тобой приходится вдвоем?»
«Аль ты еще не сметил?—

Мужик царю ответил. —
 В твоём, отец! В твоём!
 «Что врешь ты, хам? За эти речи...
 Вот где твой истинный-то нрав...
 Да я... — Тут, голову втянувши глубже в плечи,
 Царь проворчал: — Я... что ж... возможно, ты
 и прав...
 Но все ж я есть хочу... Терпенья больше нету...
 Попробую зайти еще в избушку эту!»
 Зашел — и в тот же миг оттудова стрелой
 С огромным хлебом под полой.
 А за царем старуха следом
 Со старым дедом.
 «Держи! Лови его! — кричат. —
 Последний хлеб украл! Хранили для внучат!»
 Царь, что есть мочи, без оглядки
 Мчал огородом, через грядки,
 Домчался быстро до реки.
 Глядит: на берегу толпятся мужики,
 Склонившись над мертвым телом.
 А тело-то — без головы.
 Стал царь как вкопанный: «Я... вы... я, братцы...
 Вы.. »
 «Чего тут выкаешь? Ты за каким тут делом?»
 «Гляди! Откелева такой?»
 «Фома, пощупай-ка рукой,
 Что он запрятал там под полу?»
 «Ищи!»
 «Ой, батюшки, находка какова:
 Вить под полою... голова!»
 «Да что ты? Мертвая?!» — «Ну, так и есть,
 гляди-ко!»
 «В крови весь зуб!»
 «Я... братцы... хлебец тут...» Царь озирается дико.
 «Молчи! Убивец! Душегуб!»
 «Чего нам с подлым этим гадом
 Тут канительиться-то зря?
 Веревка есть, осина рядом...»
 К осине мужики приволокли царя.
 «Ну, ирод, кайся!»
 «Да не брыкайся!»

«Сунь в петлю-то башку!»— «Теперича тащи!»
«На добром слове не взыщи:
За подлые дела виси тут под откосом!»
Рванулся в петле царь... и угораздил носом —
Во что? — да прямо в щи,
Что на столе пред ним стояли!
«Фу!.. фу!..— очнувшись кой-как от забытья,
Зафыркал царь.— Где ж это я?
Да вправду — это я ли?»
Дивуясь, царь вокруг глядел:
В покое у себя сидит он, как сидел.
Дымятся щи пред ним... Вот каша разопрела...
Вот ложка та, которою он ел:
Она еще как след обсохнуть не успела...
И тот же мужичок стоит перед столом:
«Бью, государь, тебе челом!..»
«От твоего от челобитья
Спокойно не смогу теперь ни есть, ни пить я!—
Сурово молвил царь, почуявши в груди
Жуть превеликую и тяжкое смятенье. —
Не знаю, кто ты! Явь, лихое ль привиденье?
Но... слышь, уйди отсель,— покуда жив! Уйди!»

1916 г.

*

Когда народ восстал, наш бывший царь, наверно,
Средь преданных ему персон
С надеждою скулил: «Да так ли дело скверно?
Да, может, это — черный сон?»
Чтоб царский черный сон стал нашей светлой
явью,
Друзья, нам должно всем идти — и мы пойдем —
Одним путем!
И этот путь — к *народоправью!*

1917 г.

1914—1916

БАСНИ ЭЗОПА

ЛЕВ, ЛИСА И ОЛЕНЬ

У Льва

Болела голова

И кости старые ломило.

«Ох, ничего-то мне не мило,

И опротивели вы все!—

Сказал он кумушке Лисе,

Своей советнице сановной. —

Казнить вас казнью поголовной,

Чтоб понимали, значит... м-да!..

Ох, как под ложечкой сдавило... Ох, беда!..

И сердце: то замрет, то больно заколотит...

На что ни погляжу, ото всего воротит.

С чего бы это все?.. Аль помирать пора?..»

«О царь! — Лиса в ответ.— Ты, помнится, вчера

Поужинать изволил очень плотно».

«Вчера? Я б и сейчас подзакусил охотно.

Да чем? Тому назад не больше два денька

В лесу я видел оленька:

Красавец этакий, с ветвистыми рогами.

Что, ежели б его ты привела сюда?

Вот это — царская еда:

Поесть — и закусить оленьими мозгами!»

Чрез полчаса

Неслась Лиса,

По высочайшему велению,

Искать в лесу тропу оленью.

Нашла и двинулась по ней.

К исходу двух или трех (не помню точно) дней
Олень разыскан. Вид принявши важно-строгий,
Лиса к нему:

«О дивнорогий!

Тебе я в качестве смиренного посла
Известье важности великой принесла,
Веленье нашего священного владыки.
Осиротеть должны мы скоро, горемыки:
Лев — при смерти. И вот пред тем, как жертвой стать,
Беспомощной, печальной жертвой тленья,
Царь — так милы ему олени уму, и стать,
И прыть оленья! —

Царь, долго думая, размыслил передать
Тебе бразды правленья.

Волк, дескать, лют, медведь — ленив,
Свинья — глупа, а тигр — хвастлив...

Лишь об одном тебе нет двух различных мнений.
Пресекая львиный род, да здравствует оленин!
Спешите же к дряхлому царю,

Пока уста его злой смертью не сомкнуты.
Пусть вместе с воющим народом я узрю
Его последние счастливые минуты.
О благороднейший, иди к нему скорей!»

И новый царь зверей,

Принявши льстивые слова Лисы на веру,
Ввалился в львиную пещеру, —

Но в тот же миг, вконец испуганный и злой,
Последней клятвою проклявши лисью речу,
Весь окровавленный от доброй львиной встречи,
Махнул назад стрелой.

«Держи его!.. Лови!.. Да что же я?.. Да где я?.. —
Ревел взбешенный Лев, собою не владея. —

Вы шутки шутите со мной?..

Лиса! Верни его! Какой ни есть ценой,
Но притащи его, злодея!»

Лиса застыла: «Вот так раз!
Вот так задача!»

Но делать нечего: приказ!

Пустилась в лес, едва не плача,

От свежего следа не отрывая глаз.

По следу выбравшись на тихую полянку,

Лиса настигла беглеца.
«Не подходи! — вскричал Олень.— Убью подлянку!»
«Ах, все равно я жду конца!
И без того уж я убита.
Мне не страшны твои копыта
И не страшны твои рога.
На, бей! От жизни мне равно не ждаться уж толка:
Лев хочет посадить теперь на царство Волка,
Да, Волка, моего презлейшего врага!
Олень, ты — жалкий трус: к кому ты шел с опаской?
К царю, который ждал — с отеческою лаской
Прижать тебя к своей груди,
Кто, встав на радостях с постели без подмоги,
Встречал тебя: «Мой сын, наследник мой, гряди!»
А ты... Какой позор! Скорей давай бог ноги!
Мне вспомнить совестно! Я от стыда горю!..»
Размяк Олень совсем:
«Утешься, друг мой верный!..
Я совершил поступок скверный!..
Я... я покаюсь... Веди меня к царю!..»
Лев ждал дружка: «А ну, теперь задай-ка тягу!»
Схватил и уписал до косточки беднягу.
Покамест Лев глотал кишки да потроха,
Лиса... мозгами закусила.
Хватился Лев мозгов: «Тьфу, дьявольская сила!
Да где ж мозги?»
«Мозги, ха-ха? —
Осклабилась Лиса в приличном отдалении.—
Что выдумал искать, ха-ха: мозги оленьи!
Да разве ж могут быть мозги у дурака,
Которому помял однажды Лев бока,
А он, доверившись посулам, самолично
В объятья львиные пожаловал вторично?!»

*

Мораль Эзопу боюсь переводить,
Хоть перевод вполне возможен.
Стал ныне и Эзоп не очень-то надежен,
С моралью надо погодить.

«ВРАЧ»

На клетку с птичками не раз
Мурлыка-Кот глядел, не отрывая глаз:
 «Ну что за миленькие пташки».
Но пташки знали уж мурлыкины замашки.
 Прослышав как-то стороной,
Что нездоровится затворнице одной,
Наш Кот на хитрости пустился:
 Надел очки, принарядился,
Стал перед клеткою и, лапкой в дверь стуча,
Мурлычит ласково: «Не надо ли врача?
Как чувствовать себя изволите вы, детки?»
«Спасибо, хорошо,— ответили из клетки,—
 Так хорошо, вообрази,
Как будто бы тебя совсем и нет вблизи».

МАЛЬЧИК И ПРОХОЖИЙ

«Спа...си...те!.. Ай!.. То...ну!»
«Вот видишь! — стал корить несчастного
прохожий.—

Зачем же ты, малец пригожий,
Полез на глубину?
Ай-ай! Ну, разве можно
Купаться так неосторожно?
Ужо, дружок, вперед смотри...»
Прохожий говорил с великим увлечением,
А мальчик, втянутый в водоворот течением,
Давно пускал уж пузыри!

*

Есть тьма людей: нравоучением
Они готовы вам помочь в беде любой,
Отнюдь не жертвуя собой!

ПЕСКАРЬ

Бог весть из-за какой
Такой
Причины,
Среди морской
Пучины
Вели с Китами бой
Дельфины.
То увидал Пескарь: «Ой, братцы! Что я зрю?
Голубчики, да что вы?!
Давайте я вас помирю!»
«Вон! — гаркнули бойцы. — Да мы скорей готовы
Все лечь костями, чем дать мирить нас —
Пескарю».

С Л Е П О Й

Какой-то бойкий паренек
На людях в праздничный денек,
Для смеха всякие откалывая штуки,
Слепому старику волчонка сунул в руки:
«Вот, распознай-ка, что за зверь?»
«Да что ж, он мал еще... Узнай его теперь!
Одно могу сказать,— старик ответил парню, —
Что этого зверька не след пускать в овчарню!»

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой, Антигоны,
Богач Филон, как должно богачу
(Не скареду, я то сказать хочу),
Устроил пышные на редкость похороны.
«О матушка, скажи, как это понимать? —
В смущенье молвила сквозь слезы дочь вторая.—
Сестре-покойнице ужели не сестра я

И ты — не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?

Их скорбь так велика

И горе — очевидно,

Что мне становится обидно:

Зачем они сюда пришли издалека
При нас оплакивать им чуждую утрату?»
«Никак,— вздохнула мать,— ты, дочь моя, слепа?
Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умейте отличать
Скорбь тех, кто иль привык, иль вынужден
молчать,

От диких выкриков и воплей неумных
Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

ОТВЕТ

Седая старина
Отмечена великими делами.

У зайцев как-то шла война
С орлами.

Спасаясь от когтей и клювов мощных птиц,
Герои серые в тревоге
Молили о подмоге
Лисиц.

«Помочь вам?— был ответ.— Нам это слышать
лестно.

Покинув тихий наш овраг,
Охотно с вами в бой пошли бы мы совместно,
Когда б нам не было известно,
Кто — вы и кто — ваш враг».

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись — Медведь с Китом,
И так сдружились крепко оба,
Что, заключив союз до гроба,
Друг другу поклялися в том,
Что каждый помогать другому будет в горе,
Ну, скажем там, болезнь случится иль война...
Вот, как на грех, пришлось вскоре
Нарваться Мише на Слона.
Увидевши, что близко море,
Стал Миша друга звать скорей:
«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»
Кит в берег тычется, — увы, царю морей
Не выбраться на сушу!
Медведь Кита корит:
«Изменник! Продал душу!»
«Кому? — ответил Кит. — И в чем моя вина?
Вини мою природу!
Я помогу тебе, как только ты Слона
Швырнуть сумеешь в воду!»
«Дурак! — взревел Медведь. — Не знал бы я беды,
Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг,— выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил,—
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

*

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
«Грабеж! Разбой! —
Волк поднял вой.—
Так вот какой ты есть защитник угнетенных!
Так вот изнанка какова
Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
Я, не боясь, скажу, что он
Из беззаконников — первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый
гнев!..»
«Брось! — усмехнулся Лев. —
Все это без тебя мне хорошо известно,
Как не в секрет и волчий нрав.
В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

ВОЛК И ОВЦА

Волк тяжело занемог:
Почти лишившись ног,
Лежал он, как колода,
Без ласки, без ухода.

В такой беде, увидевши Овцу,
Взмолился Волк:

«Роднулечка-Овечка,

Остановись на два словечка!

Ты видишь: жизнь моя приблизилась к концу.

Ах, знаю, я — злодей, и нет мне оправданья!

Но злость ко мне растет пусть в ком-нибудь

другом,

А ты, ты сжалишься в порыве состраданья

Над умирающим врагом!

Предсмертной жаждою томимый нестерпимо,

Святая, кроткая, я об одном молю:

Помочь мне доползти к реке, текущей мимо,

Где я жестокие страдания утолю!»

«Ужель, — Овца в ответ, — я сделаюсь

виною

Того, чтоб ты остался жив,

Себя водою освежив

И закусивши после... мною?»

ДУБ И КЛИНЯ

Пав жертвой дровосека,
Вздохнул могучий Дуб на весь зеленый бор:
«Как ни обидно мне, друзья, на человека
И на его топор,
Но во сто крат больней мне видеть клинья эти,
Которые меня стремятся расколоть:
Все из моих ветвей — мои родные дети
Зубами острыми впились в родную плоть!»

ГЕРАКЛ И ПЛУТОС

Покинув бренный этот мир,
Обожествлен душой и телом,
Геракл на небе первым делом
Попал к богам на пир.
Геракла боги обступили,
С ним вместе чокались и пили,
Вели душевный разговор,
И, хоть, подвыпивши, несли порою вздор,
Геракл их слушал терпеливо,
Всем крепко руки жал и кланялся учтиво,
Ответив дерзостью Плутóсу одному.
«Скажи, Гераклушка, — Зевс подошел к
нему, —
За что ты богача Плутóса так обидел?»
«За то, — сказал Геракл, — что в жизни я не
видел
Его друзей средь честной бедноты,
Что все Плутóсовы приятели-любимцы
Сплошь негодяи-лихоимцы
И первые плуты!»

ОСЕЛ И ЛЕВ

«Друзей мы ценим не числом,
А качеством»,— читал я где-то,
Ан вот подите же: Лев дружбу свел с Ослом.
Ну, что вы скажете на это?
Лев! С кем? С Ослом? Да почему?
А потому!
Мне ж все подробно знать откуда?
Должно быть, царская причуда!
Льву... Все дозволено ему!
Ослов ли брать к себе на службу
Иль заводить с ослами дружбу.
Хоть, впрочем, нет большой диковинки и в том,
Что просто Лев с тоски, чтоб отогнать зевоту,
Решил обзавестись не другом, а шутом.
Так это аль не так, мы выясним потом.

Однажды, взяв Осла с собою на охоту,
Лев дал ему работу:
Зайдя вперед, пугать зверей, чтоб, ошалев,
Они неслись туда, где притаился Лев.
Осел в усердии великом
Всех всполошил ослиным криком.
Добычи вдосталь было Льву.
В час отдыха, со Львом разлегшись важно рядом,
«Что, друг,— спросил Осел, — а страшно я реву?»
Окинув «друга» хитрым взглядом,

Лев отвечал:
«Беда как страшно! Я — оглох!
Не только ты переполох
На всех зверей навел немалый,
Но в страхе жители бегут из ближних сел;
Да сам я струсил бы, пожалуй,
Когда б не знал, что ты — осел!»

ДОБРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:
«Ты, кумушка, не думай,
Что я всегда такой угрюмый:
Злость на меня находит полосой,
А вообще, сказать не лицемеря,
Добрей меня не сыщешь зверя.
Спроси хоть у людей: ем мертвых я аль нет?»
«Ах, кум,— Лиса в ответ,—
Что мертвые?! Я думаю другое:
Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
Когда бы мертвецов ты менее щадил,
Но... оставлял живых в покое!»

*

Смысл этой басенки не нов
Для лицемеров и лгунов:
Прочтут, поймут... и не покажут вида,
Что их касается обида!

УМ

Однажды Барс перед Лисою
Хвалился силою своею и красою:
«Уж не прогневайся, я говорю любя:
 Как погляжу я на тебя,
Чем, думаю, со мной поспорить ты могла бы?
 И ростом ты мала,
 И силой не взяла,
 И ноги слабы...
Тогда как у меня...»

 «Прости свою рабу, —
Лиса ответила лукаво, —
Нашел ты с кем равняться, право!
Я за одно лишь то благодарю судьбу,
Что ты, по милости своей, со мною дружен.
Твои достоинства... Я знаю их сама!
Когда бы к ним еще немножечко ума...»
 «Что? — ухмыльнулся Барс. — Ум?!
 Разве так он нужен?!»

Г Е Р М Е С

Какой-то токарь, плут известный и повеса,
Состряпав наскоро из дерева Гермеса
И притащив его на рынок продавать,
Стал покупателей умильно зазывать:
«Для лиц всех возрастов и для любого пола
Гермес — за три обола!

За три обола!

Купив его, нужды не будешь знать ни в чем,
Весь век свой проживешь в довольстве и покое:

Кто беден — станет богачом,

А кто богат — разбогатеет вдвое!»

«Ба! — кто-то из толпы, задетый за живое,
Взял на смех продавца, — чудак же ты, видать,
Что сам сбываешь с рук такую благодать!»

«Эх, — продавец в ответ, — иди ты, братец,
к шуту!

Ведь то пойми: сказать Гермесу не в укор,

Он хоть отзывчив, да не скор,

А три обола мне нужны сию минуту!»

НА ЗАЕЗЖЕМ ДВОРЕ

Калигула, твой конь в сенате.

Г. Р. Державин.

«А, наше вам! Уже запарившись с утра?—
 Среди заезжего двора
 Хавронья подошла к извозчичьей лошадке. —
 Ну как делишки? Все в порядке?»
 «Куда уж там!— вздохнул одер.—
 Всю холку сбил и спину стер...
 С рассвету до ночи в закладке.
 Заездили совсем. Подохну. Пропаду.
 На что уж стал похож? Иной в мои-то годы...»
 «Зато, пожалуй, по труду,
 Большие и доходы?»
 «Доходы?— Полились тут слезы у коня.—
 Ах, лучше б я на свете не жил.
 Надясь один седок меня,
 Считаю, час битый проманежил,—
 Гнал во всю прыть, шумел, грозил:
 «Смотри ты у меня». А вылез у сената,
 Полтинник сунул. Чем не плата?
 «На,— говорит,— подлец, да знай, кого возил.
 Должно, сенатора... Особа.
 За что ж меня ругать? С чего такая злоба?
 Конь? Ну так что же: конь. Пример, кажись, не нов:
 Мне слышать довелось от рысаков соседних,
 Что кони тож не из последних.

И случай был, что конь достиг больших чинов

И заседал в сенате тоже.

Да, чушка. Хоть оно хвалиться и не гоже,

А все же...

Да ты ведь не поймешь.... Сказать те не во гнев:

Свинья — ну что свинья? Одна дорога — в хлев.

А конь...»

«Ну, брат, свиней ты уж оставь в покое, —

Хавронья хрюкнула,— всяк знает: в наши дни...

Да наклонись ты, шут. Ведь мы тут не одни.

Я на ухо тебе сейчас скажу такое...

Слышь... не свинья, а вепрь... Он малость мне сродни...

А вот еще... о ней газеты так шумели...

Живет — не нам чета: расперло с отрубей...»

Конь фыркал: «Что ты врешь? Да ты в своем уме ли?

Тьфу! Не поверю, хоть убей!..»

*

Не договаривать, конечно, неудобно,

«Секреты» чушкины я б изложил подробно,

Когда бы все слышал, но — я не виноват —

Я на уши немного туговат.

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
В ненашем государстве,
За тридевять земель

Отсель,

Средь подданных царя мудрейшего Тофуты

Случилось что-то вроде смуты.

«Разбой! — кричали все. — Грабеж!»

Шли всюду суды-пересуды:

Порядки, дескать, в царстве худы,

Насилья много от вельмож!

Одначе

Хоть бунтовали все, но в общей суете

Верх брали те,

Кто посильней да побогаче:

«Чем лезть нам, братцы, напролом,

Нарядимте послов — Тофуте бить челом;

Проведавши от них о нашей злой обиде,

Царь нас рассудит в лучшем виде».

Но — то ли сам дошел, то ль расхрабрысь от

слов

Вельможи главного, злодея Протоплута,

Не допустил к себе послов

Мудрейший царь Тофута.

«Нелепо, — молвил он, — мне слушать их, зане

Все, что известно им, известно также мне.

А ежели что мне неизвестно,

О том им толковать подавно неуместно!»

Но черный люд не сдал: боролся до конца,

Пока не выкурил Тофуту из дворца.

И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не запомнят старожилы».
Пошел в народе разговор:
«Попали мы впросак!»
«Того ль душа хотела?»
«Эх, не доделали мы дела!»
«От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
Потолковали,
Погоревали
И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!
Я в этом царстве жил недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте
И с применением каких геройских мер,
Вы этого всего нагляднейший пример
В *Коммунистическом* найдете *манифесте*.

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ»¹

Что Николай «лишился места»,
Мы знали все без манифеста,
Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

¹ Первый раз было напечатано в «Известиях Петроградского Совета» в номере от 5 марта 1917 г.

* * *

«Твердыня власти роковой».

А. С. Пушкин (о Петропавловской крепости).

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему,— отныне
В одно слилися обе части.
Всяк справедливостью утешен:
«Власть» в подходящей обстановке.
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

СВАХА

(*Монархическая*)

«Раскрасавица ты, моя райская птаха!—
Улещала молодку Лукерьюшку сваха.—
И откуда набралась ты вольного духу?»

Вот послушай старуху!

Все добра вить тебе я желаю:
Воротись к своему *Миколаю!*
Повинися: «Сошла, мол, с ума, —
И невесть, мол, с чего колобродила!»
Где же видано, а? чтобы баба сама

Вдруг собой верховодила?—

Заскрипела старуха опять, в угол глядя:—
Миколаев не люб тебе *Дядя?*

Али братец его *Михаил*

Молодаечке мил?

Не? Не вышел, пожалуй, он рылом.

Ну, сойди с *Кириллом!*

Не? Постой, что я, старая, тут надурила!

Нету краше на свете, чем брат у *Кирилла,*

Суший мед, мармелад, барбарис,

Как? Не люб и *Борис?*

Вот изволь на тебя угадай-ка.

Разыскалась, гляди ты, какая княжна.

Да какого ж тебе еще надо рожна,

Молодайка?»

Молодайка старухе ответила,

Что ответила — сваха не сметила.

Но, очухавшись кой-как за дверью,

Баба долго бранила Лукерью:

«Угостила... А я ей желала добра!..

Как еще не сломала ребра!»

**ГОСПОДАМ КЛЕВЕТНИКАМ
ИЗ БУРЖУАЗНЫХ ГАЗЕТ**

Лишась последнего стыда,
Старайтесь, господа! Старайтесь, господа!
Вы, дескать, хороши, а мы куда как худы.
Пытайтесь нас разить предательской рукой.
Пусть позавидуют умелости такой
Нас предававшие — еще до вас — Иуды.
Те предавали нас за мелочь, за гроши,
Ведя на нас со всех сторон охоту.
Но вы... вы опытней! Большие барыши
Вас ждут за гнусную работу!

С В О Е

«Земляк!.. Слышь? А земляк!—
Кричал Сурку Хомяк.—
С чего ты мечешься день целый,
 Как ошалелый:
Туда-сюда, туда-сюда...
Как будто за тобой погоня?»
«Ой,— засвистал Сурок,— тут верная беда.
Ведь мужики-то...»
 «Ну?»
 «Вот нукнешь, чертов соня,
Когда кругом начнут помещиков палить!»
«Помещиков? И пусть! Тебе ж чего скулить?»
 «Окстись! Начнут панами,
 А кончат нами!»
«Постой. У бар и мужиков,
Я чай, война спокон веков.
Отцы их грызлись и деды.
А нам за что терпеть-то беды?»
«За что? Видали дурака?!—
Накинулся Сурок на Хомяка.—
Да мы-то что ж для мужика?
Друзья-приятели?.. Чай, те же дармоеды!»

*

Всю речь я собственно, друзья, к чему веду?
Сурок предчувствовал помещичью беду
И бил не попусту тревогу:
Кой-что случилось, слава богу!

Но дни теперь уже не те,
Чтоб снова прибегать к разгрому и поджогу
Пришлось сельской бедноте.
Слов нет, помещики — зловреднейшее племя.
Однакож гнезда их палить — прошло уж время.
Всем ясно: кончено их барское житье.
И мужикам не грех план изменить бы малость,
Чтоб не брала их после жалость,
Что изничтожили... *свое!*

«П Е Т Е Л Ь К И»

Ка-дет дрожит, как в бурю лист,
Ка-дет наводит новый глянец:
Вчера лишь был он монархист,
Сегодня он «республиканец».
Кадеты — сколько там «голов»!
Каких от них не слышишь слов!
Посоветались полнедельки,
В программе краску навели,
Тут поскребли, там подмели...
А как коснулося земельки —
Давай выкручивать петельки!

ЗА ЖИВОЕ

Со всех сторон на нас поход:
Слились буржуи в злобном вое.

Пусть знает трудовой народ,
Что всех насильников-господ
Задела «Правда» за живое!

НАРОДНАЯ ПРИМЕТА

В чем сказалась перемена
Нам со строим новым?—
В дружбе сэра Бьюкенена
С сэром Милюковым.
Где один нас приутюжит,
Там другой пригладит.
А народ сидит да тужит:
«Агличанка гадит!»

УКРЕПЛЯЙТЕ «ПРАВДУ»!

Товарищи, мы видели вчера:
В перчатках лайковых кадеты,
Офицера и юнкера
По Невскому возили эстафеты
О том, что сократить рабочих всех пора!
Цилиндры, котелки, каракули-жакеты,
Собольи муфты и боа...
Все дармоеды-«буржуа»,
Герои кабаков шикарных и панелей,
Как тараканы, вдруг
Повылезли из щелей,
Куда недавно их загнал тупой испуг.
Кость барская, изъеденная злостью,
Рискнула в бой вступить с рабочей крепкой костью.
И поддержать господ весь черный стан готов.
Сошлись — не различить: банкир, помещик, попли?

Из гнилозубых ртов
Несутся яростные вопли!

Товарищи, что невская панель,
Что буржуазная газета,—
Какого цвета?
Один их желтый цвет, одна их злая цель.
Товарищи, когда, дав волю блудословью,
В желанье затопить весь мир рабочей кровью,
Клевещет бешено продажная печать,

Мы не должны молчать!
На весь господский бред помойный,
На клеветнический их вздор
Должны мы каждый раз давать ответ достойный,
Врагом заслуженный отпор.
Так укрепляйте же, друзья, трибуну вашу.
Чтоб «Правду» поддержать, пусть круговую чашу
Наполнит до краев товарищеский сбор!

*

Пишу, ей-богу, на бегу,
Сказать бы лучше — сердце радо.
Но... было б сказано, что надо.
Хоть малость, как-нибудь, но делу помогу!

БРАТАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

*Организованное братание возможно лишь
после заключения всеобщего мира.*

(«Известия Петрогр. Сов. р. и
с. деп.», № 59, меньшевистская статья
«Призывы к братанию».)

Товарищ, сойдемся вдвоем
И во всем поквитаемся:
Сначала друг друга уьем,
А потом... побратаемся.

РАЗГРУЗКА

Во Временном правительстве разрабатывается план разгрузки Петрограда от казаков и от рабочих.

Пыхтит несчастный паровоз,
Скрипят разбитые вагоны.
В «господских» классах — крики, стоны;
У нежных дамочек от слез
Мешочки вздулись под глазами.
«Какой скандал, судите сами:
То угля нет, то нет воды.
«Пять-шесть минут плохой езды,
Потом стоим, — стоим часами».
«Так не доехать никогда...»
«При чем тут уголь, господа?
Наш поезд черную перегружен».
«Их власть, что делать!» — «Чья?» — «Ну,
чья:

Солдат, фабричных, мужичья...»
«Ах, этот хлам, кому он нужен?»
«Но что ж мы, граждане, сидим?
Пойдемте, мы их убедим,
Докажем этим всем медведям,
Что им пройтись — прямой резон:
Прогулка, воздух, моцион...
А мы уж как-нибудь доедем!»
Смеется весело народ:
«Чай будет все наоборот?»

*

Ах, дама нежная, с мешочком
Пойдешь ты, милая, пешочком!

О Ж И В А Ю Щ И Е

Конфискация помещичьих земель отложена до Учредительного собрания.

Временное правительство, обсудив вопрос, постановило, что все члены царствовавшего в России дома обязаны уплачивать государственный налог, а потому им надлежит послать для заполнения соответствующие налоговые листы.

Прочтя в «Единстве» ту статью,
Где «нищету» его оплакивал Плеханов,
Помещик — Николай Романов
На участь плакался свою:
«Мы нищие, Алис! Пропало, все пропало!
Для мужичья земель своих, выходит, мало,—
Так наши крохи отберут.
Царята наши что ж? От голоду помрут!
Ни на табак тебе копейки, ни на мыло!»
Все племя царское со страху тут завыло.
Подумать — впрямь, беда!
Куда!
Не тут-то было.
Душа-то за царя у кой-кого болит.
И помощь для него у кой-кого готова.
Забыли вы про князя Львова
И буржуазный весь синклит:
Грабителя они хотят привлечь... к налогу!
Грабитель в радости вопит на все Село ¹:
«Фу, слава богу!
Немного отлегло!

¹ Царское Село.

Не перемена ли погоды?
Князь Львов... его рука видна из-за кулис.
Что? Как ты думаешь, Алис?
Мы сэкономим свои доходы!!»

*

Пока мы слушаем хорошие слова,
Нас угостить хотят весьма преподлым делом.
Товарищи, змея двуглавая жива,—
Корону где-то чистят мелом!

ЗАЕМ

Посвящается всем, всем, всем социал-оборонцам.

*Вр. правительству подано заявление
от имени бывшего царя и его семьи о жела-
нии подписаться на Заем свободы.*

(Из газет.)

I

Как бы, братцы, ни было,
К оборонцам прибыло:
Царь с царицею вдвоем
Подписались на заем.

Демьян Бедный.

II

Уж и я словцо подкину.
Оборонцы корчат мину:
«Отчего бы это вдруг
Объявился новый друг?
Для поддержки чьей свободы
Царь пустился на расходы?»

Мужик Вредный.

III

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «ЗАЕМ СВОБОДЫ»

Подписавшись на заем, вы не только ничего не потеряете, но выиграете: вместо бумажных рублей, которые с каждым днем дешевеют, вы получите облигацию, то есть те же деньги, но приносящие вам процент.

Каждую минуту, как вам понадобится наличные деньги, вы можете облигацию продать.

Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (руководимый эсерами и меньшевиками).

Что царю всего ценней?
Стало, знать, ему видней,
*Что от долгой обороны
Путь недолгий... до короны.*
В ход пуская капитал,
Царь, поди-ко-сь, рассчитал:
«Недурная «облигация» —
Верноподданная нация!»

Яким Нагой.

IV

Расчет-то хорош,
Да цена ему грош.
Вслед за царем Николаем
Денег давать не желаем.
Пусть вносят червонцы
Царь да оборонцы!

Иван Заводской.

V

А у Солдата Яшки
Ни штанов, ни рубашки:
Одни остались ключья.
Ничем не могу помочь я!

Солдат Яшка.

ЧУЖОЕ И СВОЕ

(Солдатская)

Несколько лежащих перед нами номеров газеты «Рабочий и солдат» с совершенной очевидностью свидетельствуют, что большевики-ленинцы не только ничему не научились и ничего не позабыли, но действуют еще более безответственно.

(«Рабочая газета», 3 августа.)

Как у нас, братцы, в полку
Ходит барыня в шелку.

Она ходит, ходит, ходит,
Разговоры с нами водит.

Что ни скажет, как споет,
Да газету нам сует:

«Вот «Рабочая газета»,
В ней найдете два ответа:

Почему война важна?
Для кого она нужна?»

Чисто барыня одета,
Хороша ее газета,

И умна и хороша,
А не тянет к ней душа.

Прибегает к нам девчонка,

На ней рваная юбчонка,—

Уж известно, беднота,

С нею песенка не та.

Окружат солдаты Пашу:

«Принесла газету нашу?!»

«Вот «Рабочий и солдат!»!»

Рвут газету нарасхват.

Идет барыня сторонкой,
Ее кличут «оборонкой».
Ой ты, барыня-мадам,
Шла б ты лучше к господам.
Подноси газету барам:
Нам ее не надо даром!

КООПЕРАТОРЫ

1

«НОВЫЙ СТРОЙ» ДА «СТАРЫЙ ПОКРОЙ»

«Рабочим надо привыкать к мысли о необходимости голода и холода».

(Из речи на Демократическом совещании представителя русской кооперации г. Берненгейма.)

И к холоду и к голоду
Мы все привыкли смолоду.
Но ты, дружок, не умолчи:
К чему привыкли богачи?
Все до конца раскрой кавычки,
Кооператорный герой,
Да заодно уж нам открой:
Какой же это «новый строй»,
Раз будут «старые привычки»?!
Нет, эта песенка стара.
Мы этой песне знаем «пробу».
«Буржуи! Трудно скрыть вам злобу.
Не нам, а вам пришла пора
«Переучать свою утробу!»

Мужик Вредный.

2

КОРОТКО И ЯСНО

Нам холод-голод нипочем:
Мы их разделим с богачом!
За это с нами он поделит все достатки.
(«Поделит» после доброй схватки!)

Иван Заводской.

3

ВЫВОД

«Кооператоры». Их вывод — неминуем:
Кооперация с буржуем.

Шило.

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежеднев-
ный.

Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

СОЦИАЛ-ЗАЙКИ

Отец, как водится, был злостным воротилой,
Но не таков
Обычай нынче у сынков:
Там, где им взять нельзя ни окриком, ни силой,
Они берут улыбкой милой
И ласковым словцом.

*

Встречаться мне пришлось в деревне с молодцом.
Шла про него молва в народе:
«Михал Иваныч-то!.. Богач, помещик вроде,—
Какая разница меж тем, гляди, с отцом.
Как распинается за бедноту на сходе!
«Мы, братцы,— грит,— одна семья...
Как, значит, вы да, значит, я...»
Не разобрать хотя, что «значит»,—
Заика, видишь ли, с суконным языком!
Но видно, что скорбит: в грудь тычет кулаком
И горько плачет!
«Бог с ним, что не речист: была бы голова!» —
Такая шла молва.
И никому-то мысль в башку не приходила,
Что сын пошел в отца: такой же воротила,
Да только что дела ведет на лад иной.
Где?— За народною спиной.
Сойдутся, снюхавшись, добряк Михал Иваныч
Да Черт Степаныч,
Мошна с мошной,

Да толковать почнут, кого где можно скушать.
Вот тут бы нашего зайку и послушать:
Скупой сначала на слова,
Кряхтит он, охает, вздыхает... Но едва
Запахнет жареною коркой,
Зайка речь ведет — что чистый жемчуг льет,
Не говорит, подлец: поет!
Не как-нибудь: скороговоркой!

*

Друзья! Скажу вам напрямик:
Держитесь за сто верст от «социал-зайк»,
Их развелась нынче — стая.
Но распознать их — вещь простая.
Высоких нот они — зарежьте — не берут,
А и затамят, так соврут.
С доподлинным борцом блистая внешним сходством,
Иной из этаких господ юлит-юлит.
Но вы узнаете, где у него болит,
Когда он заскулит с поддельным благородством:
«Тов...арищи! В борь...бе все ль средства...
хор...оши?
Ну...ну... к чему... н...алог на б...ары...ары...ши?
И...и...з...ачем контр...оль...н...ад пр...оиз...оиз...
...водством?!»
А дальше уж пошло: «Ваш разум затемнен,
И разгорелись ваши страсти;
Рабочим — надо ждать, а до иных времен,
Пока там что, должны буржуи встать у власти,
Что «пролетариев другие ждут дела...»

*

А ждет «хозяйская», конечно, кабала!

СТРАДАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПО КОРНИЛОВСКОМУ
(ТОЛЬКО ЛИ?) ДЕЛУ

Песня

*Ты не спрашивай,
Не выпытывай.*

(Из народной песни.)

Ох, сложу-сложу
Полномочия.
Не допрос пишу,—
Многоточия!
 Положеньице
 Невылазное,
 И в башку бредет
 Несуразное:
То корнилится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд,—
Мне не верится.

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ

Повесть

Часть первая ЦАРСКАЯ ВОЙНА

З а п е в

Ну-тка, милые мои!
Сладко свищут соловьи
По весне в зеленой роще.
Наша песенка попроще.
Где уж нам да сладко петь!
Нам бы горе дотерпеть,
Вековое наше горе.
Не забросить горя в море,
Не спалить его в огне.
По родимой стороне
Горе, знай себе, гуляет —
Счастье ж где-то ковыляет.
«Эх ты,— мается народ,—
Кабы все наоборот!
Кабы то вот нам да это,
Чтоб зимою было лето,
Чтобы жить нам без хлопот,
Нужды-горюшка не ведать,—
Чтобы сел мужик обедать,
Глядь, само все лезет в рот!»
Только кто про что ни грезит,
В рот само ничто не лезет.
Что тут делать? Как тут быть?
С горя волком, что ль, завывать?

И завоем,— вот как воем!—
Да запьем,— и пьем запоем,
Растерявши все концы.
Вот какие молодцы!
Легче сипнуть нам от вою,
Чем раскинуть головою:
Кто — примерить аккурат —
В нашем горе виноват?
Не схватиться ли нам с горем?
Может, мы его поборем,
Скинем лихо с наших плеч,
Ежли дружно приналечь
Да тряхнуть, что станет силы,
Всех, кто тянет наши жилы,
Норовя наш век заесть?
«Тут загвоздка вся и есть!»

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я пишу не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему;
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет:
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,—
Люд рабочий, батраки,—
Все повыкрошим клыки?!

Облегчивши душу, сразу
Перейду теперь к рассказу.
С правдой-истиной в ладу
Речь простую поведу.
Не за страх пишу — за совесть
Быль доподлинную, повесть,

Где нам в ровном ходе строк
Жизнь сама дает урок,
Где событие к событию
Жизнь пришила крепкой нитью,
Дав канву всему и связь.
«Ну, начнем, благословясь!»

Июль 1917 г.

I

На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо,
Со двора бредет во двор.
Объявил, вишь, царь набор,
Объявил набор досрочный.
У царя расчет был точный:
Как, мол, немец ни мудри,
Как в бою он ни хитри,
С ним нам справиться нетрудно,
Наше царство многолюдно.
Все войска как соберем,
Да всей силой как напред,—
Не спасут тут немца пушки,
Не война, сказать,— игрушки!
Напирай да напирай,
В день полцарства отбирай!—
А что головы кто сложит,
То царя не так тревожит!
Миллион голов аль два,—
Не своя ведь голова!
На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо.
Чей там голос? Кто зовет?
Кто-то плачет аль поет?

Песни народные

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушко в зеленом саду громко свищет,—
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается добрый молодец горячими слезми:

«Как берут меня, добра молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы руки,
Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут-везут добра молодца, везут в город,
Отдают меня, добра молодца, в царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую — во солдаты.
Уж никто по мне, добром молодце, не потужит;
Только тужит лишь одна матушка, мать родная,
А еще по мне, добром молодце, красная девица.
Как все девушки про молодчика вспоминают,
Род и племя всё меня, молодца, провожают:
«Послужи-ка ты, добрый молодец, верой-правдой,
Положи за нас свою буйную ты головку!»
«Не шумите-ка, вы, ах, да ветры буйные,
Не бушуйте, вы, ах, да леса темные,
Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!»
«Не сама-то я плачу, плачут очи ясные,
Поневолюшке из глаз слезы катятся,
Поневолюшке да всё по милом дружке,
Что везут-то ль, отдают дружка во солдатушки,
В молодые ли его, ах, да во некрутики!
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошоухонько,
Провожу ль я, провожу дружка далекоухонько,
Я до городу его, городу Владимира,
Я до матушки ль его каменной Москвы.
Среди-то ли Москвы да мы становилися,
Со милым ли со дружком да мы распрощались.
Господа-то ли купцы на нас дивовалися:
Уж и кто же это с кем, кто с кем распрощается?
Или муж с женой, или это брат с сестрой?
Добрый молодец с душой красной девицей!»

II

Горько Маша убивалась,
Как с Ванюшею прощалась.
Ваня — красный, что кумач,—
Утешал ее: «Не плачь!
Так по мне ты слезы ронишь,
Словно загодя хоронишь.

Даст бог, справимся с войной,
Будешь, Маша, мне женой.
Коль вернут домой калеку —
Не губи со мною веку,
А погибну на войне —
Помолися обо мне».

III

Солнце весело светило.
Землю дождиком прибило.
Пар валил с осенних нив.
Лихо шапки заломив,
Заливая горе брагой,
Парни шумною ватагой
Пляс вели последний день.

— Трень-брень!
Трень-брень!
Ты сыграй-ка,
Балалайка,
А мы песенку споем:
Завтра всем нам на прием!

Ой вы, немцы-супостаты,
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас у нас печаль:
Покидать девчонок жаль!

Как посадят нас в вагоны,
То-то будет плач да стоны.
Все вагоны — грох да грох,
Все девчонки — ох да ох!

Вы, сударушки-сударки,
Выносите-ка подарки,
Чтоб, отправясь в дальний путь,
Было чем вас помянуть.
Нам подарки ваши любы:
Щечки алые да губы!

Ты играй-играй, гармошка,
Ты спляши-пляши, Тимошка!

П л я с о в а я

Отчего не поплясать?

— Поплясать.

Дома нечего кусать.

— Что кусать?

Кабы мне да калачи,

— Калачи,

Я лежал бы на печи,

— На печи.

Кабы мне да сапоги,

— Сапоги,

Я б ударил в три ноги,

— В три ноги.

Кабы мне стакан винца,

— Да винца,

Я плясал бы без конца,

— Без конца.

О каблук да каблуком!

— Каблуком,

Слезы б вытер кулаком,

— Кулаком.

Неча, братцы, горевать,

— Горевать.

Царь велит нам воевать,

— Воевать.

Царь земель нас наградит,

— Наградит.

Нам земля не вредит,

— Не вредит!

Ай, люли, люли, люли!

— Ай, люли!

Уж добьемся мы земли!

— Всеи земли!

Прощай, горе-маята!

— Маята!

Запирует беднота!

— Беднота!

Ай, Тимошка, молодчина,
Разошлася вся кручина,
Разошлася вся тоска,
Подковыривай с носка!

Эх-ма!
Друг Кузьма!
Парень с подковыркой.
Денег, думаешь, сума,—
Ан карман-то с дыркой!

Ах, дыра — не дыра;
Плакали монетки!
Раздарил я всё вчера
Девкам на конфетки!

У старушки деньги есть.
Стоит только к ней подлезть,
Поцелуешь — гривна.
Очень уж противна!

Та-ра-рам!
Хи-хи-хи!
Ахти, срам!
Ох, грехи!
Сидит баба, хмурится.
Чем она не курица!
Иха-хо! Иха-ха!
Полюбила петуха.
Петушок хорошенький,
Звать его Тимошенькой!

Эх, скачи-скачи-скачи:
На нас смотрят богачи!

Фу ты, черт! Хоть одному бы
Хорошо заехать в зубы!

Эх, судьбинушка-судьба!
Загуляла голытьба!

Парни малость захмелели,
А в хмелю чего не пели!
Долго шел веселый пляс.
Разбредились в поздний час.
А назавтра, пред дорогой,
Поп им в церковке убогой
Всем напутствие сказал,
Окропил и наказал,
Чтоб вели себя примерно
Да царю служили верно
И сумели бы в бою
Стать за родину свою.

IV

Что творилось с деревней!
От мальчика до бабки древней
Выли все до хрипоты,
Надрывая животы.
Ох, война ли, не война ли —
Всех работничков угнали!
На приеме, говорят,
Забирали всех подряд.
В деревушку от приема
Прискакал один Ерема.
Был отпущен он домой,
Потому: глухонемой.
Всех, кого не сбраковали,
Сразу в части рассовали
Для муштровки боевой —
В помощь силе войсковой.
Агафон попал в минеры,
Тришка с Кузькою — в саперы,
Пров с Тимошкою — во флот,
В артиллерию Федот,
Ване выпало — в пехоту,
В Курский полк, в седьмую роту.

«Ать! — Два! — Ать! — Два!
 В ногу, дурья голова!
 Ать, два, три, четыре!
 Шире шаг, Михеев! Шире!
 Смир-рно! Что там за галдеж?
 Соловьев, ты это что ж?
 Стосковался по аресте?—
 левой! Правой! Шаг на месте!
 Стой! Оправься!.. Ну народ:
 Черти! Стадо, а не взвод!»
 Чертыхался унтер взводный.
 Вечерел денек холодный,
 И ученье на плацу
 Подходило уж к концу.
 Унтер снова взвод построил,
 Все ряды сравнял и сдвоил.
 Раз, другой солдат ругнул
 И к казармам повернул.
 «Марш! Равнение направо!
 Ну, гляди, ребята, браво!
 Никакой беды не знай.
 Запевала, начинай!»

П е с н я

(Солдатская)

У ворот мамзель стоит,
 На солдатика глядит.
 Ах, калина, ах, малина,
 На солдатика глядит.

— Ты, солдатик милый мой,
 Приходи ко мне домой.
 Ах, калина, ах, малина,
 Приходи ко мне домой!

Приходи да не скучай,
 Будем пить с вареньем чай.
 Ах, калина, ах, малина,
 Будем пить с вареньем чай.

Ежли будешь молодцом,
Угощу тебя винцом.
Ах, калина, ах, малина,
Угощу тебя винцом.

Ты скажи мне, что не прочь
Провести со мною ночь.
Ах, калина, ах, малина,
Провести со мною ночь.

Ах, любовь, любовь — игра,
Поиграем до утра!
Ах, калина, ах, малина,
Поиграем до утра!

Отвечает тут солдат:
— Хоть я холост — не женат,
Ах, калина, ах, малина,
Хоть я холост — не женат,

Берегу свою я честь:
У меня невеста есть!
Ах, калина, ах, малина,
У меня невеста есть!

Как в казарму я приду,
В сундуке патрет найду.
Ах, калина, ах, малина,
В сундуке патрет найду.

И патретик и кольцо:
Пошлю милке письмецо.
Ах, калина, ах, малина,
Пошлю милке письмецо.

Напишу я ей, любя:
«Чижало мне без тебя!»
Ах, калина, ах, малина,
Чижало мне без тебя.

В полковой свернувши двор,
Сразу смолк солдатский хор.

Тяжело пришлось Ване.
Был он словно как в тумане,
Все смешалось в голове.
На плацу недели две
Новобранцев мушгровали,
Передышки не давали:
Целый полк, что было сил,
Грязь на площади месил,
По всей площади по длинной
Шел походкой журавлиной,
На ходу на все лады
Перестраивал ряды,
Заставляли раз по двести
Повторять отдаче чести,
Но ружья в полку зато
Не держал в руках никто.
Перед самым уж походом
Пронесли ружье по взводам,
Показали, как держать
И откуда заряжать,
Как управиться с прицелом.
Штука мудрая! Но в целом —
Вышел полк, как все полки:
Безоружные стрелки!
О стрельбе им рассказали,
Все приемы показали,
Суть сноровки боевой
При атаке штыковой.
Может, шло б ученье дольше,
Но и в Пруссии и в Польше
Убывал в боях народ.
Курский полк пошел в поход.
Дней с пяток еще в Сувалках
Обучался он на палках
И, обученный вполне,
Чрез неделю был в огне.
Ружья выдали... пред боем,
Хоть не всем, того не скроем,

И с патронами ж опять —
Хоть у немца призанять.
Шли стрелков живые стены
На ружьишко по три смены!
И палили во всю мочь:
Пять патронов за всю ночь!

VII

Левой! Правой! Левой! Правой!
Был наш Ваня под Варшавой,
Был под Краковом и был...
Где, уж я и позабыл.
Очутившись за Львовом,
На Карпаты лез... Ну, словом,
Выбиваяся из сил,
Много мест исколесил.
За две раны храбрый воин
Двух крестов был удостоен.
Чуть оправившись от ран,
Снова в полк рвался Иван.
Много раз он стыл на стуже,
Пух от голоду, но хуже
Парень горя не знавал,
Как в Карпатах зимовал.
Ох, Карпаты, вы, Карпаты,
Будут помнить вас солдаты!
Не забудут никогда,
Где настигла их беда,—
Как пришлось им с врагами
Биться голыми руками,
Как по чьей-то злой вине
Войско гибло в западне!

VIII

Начиная повесть нашу,
Помянул уж я про Машу,
Как, предчувствий злых полна,
Над дружкой своим она

Убивалась пред разлукой.
Стала жизнь сплошною мукой
Для Машутки с той поры,
Как рыданьями дворы
Огласилися и хаты,
Как вели парней в солдаты,
И как шел с тоской в груди
Друг Ванюша впереди.
Ей допреж того не в сладость,
И не в сладость и не в радость,
Жизнь убогая была
Без родимого угла:
Маша с детства в горькой доле,
Что былинка в диком поле,
Средь чужих людей росла,
Службу черную несла.
Над несчастною сироткой,
Безобидною и кроткой,
Измывался, кто хотел:
Сироты таков удел.

IX

Но нежданно бедной Маше
Дни пришли — не надо краше,
Ей вздохнулося вольней.
Не забыть ей этих дней,
Промелькнувших светлой сказкой,
Дней, когда с любовью, с лаской
Подошел Ванюша к ней.
Не забыть ей этих дней!
Ах, недолго счастье длилось!
Горе страшное свалилось:
Распроклятая война.
Вновь осталася одна,
Не вдова и не молодка,—
Горемычная сиротка.
Счастье было. Счастья нет.
«Ваня, где ты? Дай ответ!»

Но прошло четыре лета,
Все от Вани нет привета.
Маша день и ночь скорбит:
«Иль в плену, или убит!»

Х

Время шло, не шло — хромало.
Натерпелась немало
В эти годы сирота.
Воевала беднота,
Гибла в битвах, как солома,
Разорялась крепко дома:
Шло хозяйство все вразброд,—
С каждым днем нищал народ.
Но проклятым лиходеям,
Мироедам-богатеям
Каждый лишний день войны
Был находкой для мошны.
Богачи народ прижали,
Как в клещах его держали
И сгибали в три дуги:
«С нами спорить не моги!»
Как с войной пошла вся каша,
У попа служила Маша.
За несчастные гроши,
Как прикажут, так пляши.

ХІ

Маша день-деньской в работе.
Попадья сидит в капоте,
Объедается, скулит
Да работницу пилит:
«Что ты мечешься, кобыла?
За детьми убрать забыла,
Не dokonчено шитье,
Время братья за мытье,
Опоздаешь вновь с обедом,

За тобой ходи все следом.
Подоила ль ты коров?
Наколола ли ты дров?
Аль самой полоть мне грядки?
Вот они — пошли порядки:
Плату любишь, жрешь как — во!
А работать не тово!»

ХII

Поп иные любит шутки:
Трется около Машутки,
Вслед за нею со смешком
Скачет батя петушком,
Строит масляные глазки
Да рассказывает сказки,
Пакость всякую несет,
Бороденкою трясет...
Маша бате не сдавалась,
Вырывалась, отбивалась.
Незадачливый отец
Обозлился под конец,
Объявил расчет до срока:
«Нет с тебя, я вижу, прока.
Тож, подумаешь, княжна!
Ты мне больше не нужна!»

ХIII

Пров Кузьмич — хозяин новый —
Был мужик весьма суровый.
Но с Машуткой хмурый Пров
Тож не слишком был суров.
У него своя припевка:
«Фу ты, дьявол!.. Козырь-девка!
За красу твою... тово...
Мне не жалко ничево...
Нынче все торгуют честью».

Пров не силой брал, так лестью.
Хлопал Машу по плечу:
«Я тебя озолочу!»
Так пришлось Маше снова
Бросить службу и у Прова.

XIV

Стойте, братцы. Долог путь.
Дайте малость отдохнуть.
Чай, никто не мчит вдогонку?
На часок свернем в сторонку
И оглянемся назад:
Далеко ли Петроград?
Петербургом был он ране.
В черной копоти, в тумане,
Возлежал среди болот
Мощи царственной оплот,
Всероссийский обирала.
Здесь томилась, вымирала,
Набивая чердаки,
Голь людская, бедняки.
Здесь в подвалах темных, душных
Для малюток золотушных
Из-за копоти и туч
Не сверкал весенний луч.
Здесь под сводами заводов,
Средь громадных дымоходов
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской голытьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила, —
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал вздыматься бурный вал:
Люд рабочий бунтовал.

XV

Добрый царь в досаде лютой
Зашушукался с Малютой,
Самым главным палачом:
Порешить, мол, им на чем,
Как им быть с фабричным людом?
Не окончился бы худом
Бунт проклятой гольтьбы,—
Мол, от уличной борьбы,
От всеобщего шатанья
До открытого восстанья
Остается только шаг.
С каждым днем наглеет враг.
Пред опасностью подобной
И царю и шайке злобной
Всех приспешников его
Не осталось ничего,
Как — все это уж заране
Палачи держали в плане,
Животы свои храня,—
Чтоб спастись от огня,
Прыгать в полымя. Миколку
Сбить нетрудно было с толку:
Отродясь уж он таков —
Был на редкость бестолков.
Дуралей поверил сдуру,
Что свою спасет он шкуру,
Застрахуется вполне,
Отыгравшись на войне.

XVI

Вот война пшла откуда.
Для трудящегося люда
Жизнь настала — чистый ад.
Застонал и стар и млад.
С фабрик, с каждого завода
Обобрали тьму народа.—
Торопились поскорей

Изничтожить бунтарей,
Гнали их в огонь, под пули,
Туго петлю натянули
И не ждали, гады, дней,
Как забьются сами в ней.
Больше года шли сраженья.
Где добыть нам снаряженья?
Немец лез на нас да лез,
А у нас всего в обрез.

XVII

Втапору — не без причины —
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны,
Со штанами — мысли тоже.
Драл царя мороз по коже,
Затрещал пустой чердак:
«Заварил я кавардак».
Шло кругом столпотворенье,
Царь не прочь на замиренье,
Но, ожегшись на войне,
Мира трусил он вдвойне:
«Мир позорный, без победы,
Принесет такие беды,
Что мне вряд ли сдобровать.
Нет, уж лучше воевать».

XVIII

Богачи тому и рады:
Вновь посыпались подряды.
Повалил доход сплошной, —
Знай, потряхивай мошной.
Порох, пушки да винтовки,
Интендантству заготовки...
Расторопные тузы,
Русь «спасая» от грозы,
Собирались в комитеты

Да прикидывали сметы.
Сметы очень хороши:
Все сплошные барыши.
Наживаться — не новинка,
Но случилась тут заминка:
Все, кажись, идет под статью,
Да рабочих не достать;
С фронта брать чертей обратно
Тож не очень-то приятно:
«Очень вредный элемент»,
Замутят народ в момент,
Перепакосят все стадо.
Хоть опять же думать надо:
Из ребяток боевых
Половины нет в живых.

XIX

Так и сяк тузы гадали,
В комитетах заседали,
Порешили все на том,—
Брать на фабрики гуртом,
Без особого разбору:
— До разбору ль в эту пору?
Девок, баб и детвору,
Все, мол, будет ко двору.
Невелик, мол, курс науки.
Где ж нужны мужские руки,
Знание, опыт, верный глаз,
Где военный есть заказ,—
Там придется поневоле
Уж не брать рабочих боле
В пополнение полков
От вагранок и станков,
А держать их «на учете»,
Не ахти в каком почете:
Стал рабочий призывной
Настоящий крепостной,—
Больше дела, меньше платы,
Забунтуй — сошлют в солдаты.

XX

Слух дошел до деревень:
Дескать, всем, кому не лень,
На заводах есть работа.
У кого к тому ж охота
Подкопить себе денюжат,—
Под рукой они лежат.
Плата — во! И харч отличный.
Обрядишься в шелк столичный.
Сразу в баре попадешь.
В ресторацию зайдешь —
Пей чайшко под шарманку.
Кто польстился на приманку,—
Многих горькая нужда
Потянула в города,
В том числе Машутку нашу,
Там испить лихую чашу.
Снарядившись к покрову,
Маша двинулась в Москву.
Здесь, на фабрике на ткацкой,
После жизни злой батрацкой,
Как-никак, но с первых дней
Ей вздохнулося вольней.

XXI

Жизнь фабричная — не шутка.
Осмотрелась Машутка:
Шум-содом стоит вокруг,
Новых тысяча подруг,
На миру, как говорится,
Смерть красна и труд спорится.
Одинокая душа,
Общей радостью дыша
И деля со всеми горе,
Растворилась каплей в море.
Капли! Жизнью их полна,
Понесет их всех волна
К берегам, нам всем известным,
К цели — подвигам совместным!

XXII

А в деревне той порой
Шел у Прова пир горой.
Пров прощался с сыновьями,
Целовался с зятевьями,
Самогонку чашкой дул:
«Кузька, пей!.. Ну, что, Федул?
Вы б ценили, эфиопы,
Что везу вас... не в окопы!
Вот он, промысл-то отцов:
Берегу вас, подлецов.
Два зятька да три сыночка,
Всем, глядишь ты, есть отсрочка.
Все попали «на учет».
Ваша кровь не потечет!
Кум Гордеич, молодчина,
Рассудительный купчина,
Как узнал мою беду,
«Я ее, грит, отведу:
Свой завод на днях открою,
Всех вояк твоих пристрою,
На себя ответ возьму.
Помню крестника, Кузьму,—
Препотешный был мальчишка.
Поезжай и жди письмишка».
Вот письмо: «Все на мази,—
Молодцов своих вези!»

XXIII

Пятерых своих героев
«На учет» в Москве пристроив,
Сразу понял Пров Кузьмич,
Что война — не божий бич,
А источник благодати:
Были б только деньги кстати,
Чтоб пускать их в оборот,
Все само полезет в рот.

Разоренные солдатки
Все последние достатки
Продают, несут в заклад.
Есть молодки — мармелад:
И лицом тебе, и станом!
Ходит Пров Кузьмич султаном.
Всем, кто сир и кто убог,
Мироед — и царь и бог!

XXIV

Втершись в земскую управу,
По заслугам и по праву,
У господ Кузьмич в чести.
Стал кулак дела вести:
На свой риск зерна закупит,
С интендантства втрое слупит,
С интендантами в тиши
Вместе делит барыши.
Пров нигде не даст промашки,
Муслил пальцами бумажки,
Счет им бережно ведет
Да в бумажничек кладет.
«Как делишки?»

«Расчудесно!»

Стало Прову дома тесно,
Опостылел старый двор,
Тянет Прова на простор.
В ход пустивши все уменье,
Стал соседнее именье
Приторговывать мужик.
А именье — просто шик!

XXV

За пять верст от деревушки,
Под горою у речушки
Приютился барский дом
С парком, садом и прудом.

Пашни, лес и луг поемный...
Пров Кузьмич, как туча, темный,
Едет мимо, весь дрожит:
«Вот он, клад где мой лежит!»...
Клад все в руки не давался.
Пров на части разрывался,
Торговался — сам не свой —
С генеральскою вдовой.
Генеральша ничего бы:
К ней у Прова мало злобы,
Баба — что уж за делец! —
Управляющий — подлец.
Вот кто дело все изгадил:
Как с ценой одно заладил,
Так не спустит ни гроша,
Распроклятая душа!

XXVI

За наборами — наборы.
Все хозяйство — без опоры.
Позабрали молодцов, —
Добрались до отцов.
Бабы сохнут от заботы,
От заботы, от работы.
Стало жить невоготу,
Сжало горе бедноту.
Нужда скачет, нужда пляшет,
Там полоски не допашет,
Там полоски не дожнет,
Пред богатым спину гнет:
«Пров Кузьмич, займи десятку!»
«Пров Кузьмич, возьми лошадку!»
«Пров Кузьмич, продай зерна!»...
Прова линия верна:
Даст займы, лошадку купит,
Меру-две зерна уступит,
Купит даром, а продаст...
Маху жох-мужик не даст!

XXVII

Всю опутавши округу,
Пров и недругу и другу —
Речь зайдет лишь про войну —
Тянет песенку одну:
«По еде — свинье отрыжка.
Немцу скоро будет крышка.
Погодите, дайте срок:
Уж получит он урок!»
Как завидит Пров солдата —
Федьку, Тришку иль Филата —
Рот в улыбочку кривит,
Сам в сторонку норовит.
Федька смотрит мертвым глазом,
Тришка — весь отравлен газом,
А Филатка — без руки.
Прежде были батраки,
Нынче — летом и зимою —
Бродят с нищенской сумою.

XXVIII

Как-то Прова Кузьмича
Крепким словом сгоряча
Обложил у церкви Тришка:
«Так кому, ты байшь, крышка?
Сам ты, что ль, поступишь в строй,
Чтоб сквитаться с немчурой?
Аль сынков возьмешь с завода
Для военного похода?
Много ты добра принес,
Забрехался, старый пес!»
«Ты, брат, видно, помешался!» —
Пров ответить покушался,
Но, взглянувши на народ,
Вдруг воды набрал он в рот
И — айда домой вприпрыжку.
«Ладно! Вспомню я вам Тришку!
Распасукиных сынов,
Всех оставлю без штанов!»

Часть вторая

ПЕТРОГРАД

I

Чуден Питер, град-столица!
В нем живут какие лица:
Царь с царицею, чины.
Круглый год у них блины,
Что ни день — то шампанея,
Что ни вечер — то затея:
И театры и балы.
Ведь доходы не малы:
Протранжирить их умело —
Тоже, знаете ли, дело!
Как по улице Морской
Шум-движенье день-деньской,
Мчат моторы и кареты...
Пе́шеходы разоде́ты,—
Им мороз трескучий люб:
Не проймет он барских шуб,
Дорогих пушных салопов.
То ли дело средь окопов!
Тут морозцу путь наскрозь.
Знай, солдатиков морозы!

II

В ночь глухую после смены —
Печь, облупленные стены,
Так бы к ним вот и прирос!
Проклиная злой мороз,
Посинелые, как трупы,
Позабилися в халупы
Утомленные бойцы.
Отогрелись молодцы,
Подкрепились чем попало,
И как горя не бывало:
Вынув сахарный паек,
Налегают на чаек.

Кто вприкуску, кто внакладку,
Кто-то, глядь, пошел вприсядку
Под охрипшую гармонь.
А в печи трещит огонь,
Всем разостлана солома,
Разместились, «словно дома»,
И, забыв о всем дневном,
Балагурят перед сном.

III

Вся изба до слез хохочет!
Распотешил Фролка Кочет
Всех побаскою смешной
«Про Луку с его женой,
Про измену бабы мужу,
И как вышло все наружу,—
Как Лука был плоховат:
Сам остался виноват!»
«Правда, братцы, очень колка,
Не сердчайте! — хитрый Фролка
Подзадоривал солдат. —
Может, кто из вас женат.
Доложу сердчать охочим:
Сам женат я, между прочим.
Да. Так случай был какой
С мужиком одним, с Лукой:
Помолившись утром богу,
Собрался мужик в дорогу.
«Все ль я взял? Прощай пока,—
Говорил жене Лука,—
Надо двигаться к соседу.
В город нынче с ним поеду.
Эк, пустила уж слезу!
Я гостинца привезу.
Завтра жди меня к обеду». —
На прощанье муж с женой
Лобызнулись троекратно.
Только, глядь: Лука домой
Через час бежит обратно.

«Мавра! деньги позабыл».
Мавры дома след простыл.
«Знать, с тряпьем пошла на речку,
Аль куда неподалечку!»
Но, услыша у дверей
Частый топот, поскорей
Наш хозяин шмыг за печку!
Двери хлоп. Вошла жена,
Да вошла-то не одна:
Привела с собою кума,
Бакалейщика Наума.
«Эх, разлапушка, вдвоем
Славно ж ночку проведем!»
Кум к Мавруше скоком-скоком,
Мавра жметя боком-боком,
Обхватила, обвила...
Заварилися дела!
«Стойте, черти! Стойте, гады!» —
Не стерпевши, из засады
Зверем ринулся Лука.
От лихого тумака
Кум, хрипя, свалился на пол.
«Стой! — Лука Маврушу сцапал. —
Я ж те дам!» Но, словно уж,
Вьется баба: «Ай да муж!»
«Аль не муж!» — Лука опешил.
«Леший! Дьявол! Ну, хорош:
Женке веры ни на грош.
Неча молвить — разутешил!
Как не стыдно быть вралем?
В город нынче, дескать, еду.
Как не стыдно быть вралем?
«Завтра жди меня к обеду».
Сам за печку лег кулем.
Как не стыдно быть вралем?!»

Бабья совесть в три обхвата,
С бабой спорить — слову трата,
С бабой лаяться — беда!
Баба, братцы, никогда
И ни в чем не виновата!»

«Постыдился бы ты, Фрол.
 Сколько чуши напорол! —
 Молвил тут солдат степенный,
 Бородач — Корней Ячменный. —
 Что смешно, так то смешно.
 Зря ж болтать про баб грешно.
 Есть, брат, всякие. Но чаще:
 Горько нам, и им не слаще,—
 В суете да в кутерьме,
 С нами век в одном ярме.
 И вопрос еще: чьей шее
 То ярмо потяжелее.
 Всех спроси — один ответ:
 Без хозяйки дому нет.
 Все — одна, за всех горяя...
 Аль неправду говорю я?»
 «Правда, брат!»
 «Чего верней!»
 «Славный ты мужик, Корней!—
 Отвечали все тут хором.—
 Только зря ты тож... с укором.
 Нас за смех не обессудь.
 Нам забыться б как-нибудь,
 Затушить в груди тревогу...
 Натерпелись, слава богу!
 То в походе, то в огне,
 В трижды проклятой войне.
 Знаешь сам ведь, как горюем.
 Хоть бы знать, за что воюем?
 Аль цари да короли
 Столковаться не могли
 Без убийств и без пожарищ?»
 «Эх, чудак же ты, товарищ!—
 Рассмеялся с этих слов
 Ротный слесарь, Клим Козлов
 (До войны служил он вроде
 На Путиловском заводе). —
 Пусть бы путал кто другой,
 Ну, а ты ведь, Фрол, с мозгой.

С повсесветного разбою,
Что ж, прибыток нам с тобою?
А не нам, так и война,
Стало быть, не нам нужна.
Вот башкой ты и распутай:
Кто ж повинен в бойне лютой?

Получил я два письма,
Примечательных весьма.
В этих письмах говорится,
Что там в Питере творится.
Молвить истину: содом!
Очутились под судом
От рабочих депутаты:
Очень, дескать, виноваты.
Что ж вменили им в вину?
Их призыв: долой войну!
На суде чуть не пытали.
Всех, конечно, закатали
В те погиблые места,
Где равнинушка чиста,
В снеговом весь год в уборе,
Ледовитое где море,
Где полгода — ночь и мгла.
Вот какие, брат, дела!»

Натянув шинель на плечи,
Ваня слушал эти речи,
А потом не спал всю ночь:
Не отгонишь мыслей прочь!
День пришел — и днем все то же.
Стал задумчивей и строже
Наш Ванюша. Заскучал.
Но — крепился и молчал.

V

Шли дела меж тем все хуже:
Петля стягивалась туже.
У врага — от пушек гром,
А у наших: за бугром
Батарей — для парада:

На пять пушек два снаряда.
Раз-другой, коль что, пальни,
Но уж больше — извини.
Где ж тут «доблестно» сражаться?
Впору б только удержаться.

Наши части под огнем
Убывали с каждым днем;
Отбиваясь штыками,
Гибли целыми полками,
Каждый час со всех сторон
Наносился им урон,
Не давала смерть пощады:
Днем косили их снаряды,
А среди ночной поры —
Ядовитые пары.
Гибло войско безответно,
Но кой-где уже заметно
Падать стал «военный дух»,
И уже роптали вслух.

Б а р а б а н

Какой-то барабан — хороший аль плохой,
Вам скажет кто-нибудь другой:
Аз, грешный, мало смыслю в коже
И в барабанном бое тоже.
Но суть не в этом. Барабан,
Замест того чтоб тлеть средь всякой лишней
рвани,
При сборах брошенный случайно в шарабан,
С обозом полковым попал на поле брани.
И хоть обоз стоял, как водится, в тылу,
Но в боевом пылу
Наш барабан решил, что, в виде исключенья,
Попал он на войну по воле провиденья,—
Что «сокрушит» аль «оглушит»,
Но некий подвиг он, конечно, совершит.
И вот, когда пехота,
За ротой рота,
Рассыпав осторожно строй,
В глубокой тишине шла в бой под кровом ночи,

Забарабанил наш герой
Что было мочи!
Взметнулся бедный полк!..

.....

Нет, я умолк!
Про полк прочтете все вы в боевых анналах,—
Про барабан — скажу, что, к нашему стыду,
Его хрипящий бой в ту пору был в ходу...
Во всех газетах и журналах!!

VI

Были дни: возьмешь газету,
Дочитать терпенья нету.
Не узнать совсем писак:
Не перо у них — тесак.
Так и рубят, душегубы.
Затрубили во все трубы,
Барабанят что есть сил,
Словно шмель их укусил.
Вдруг на всякие манеры
Про высокие примеры
Дисциплины боевой,—
Поднимают лютый вой;
Накликают злые беды
Против тех, кто ждет победы
Не царевых воевод,
Не помещиков-господ,
А победы всенародной
Рати нищей и голодной
Над оравой палачей,
Злых властей и богачей.
И статьи тебе и оды
Про блестящие походы,
Про геройские дела,
Про двуглавого орла,
Про царьградский щит Олега:
Как, мол, русская телега
Через тысячи преград
Мчит прямехонько... в Царьград!

То-то будет шум в Европах!
Ждут-пождут газет в окопах,
Как желаннейших гостей:
Нет ли, мол, каких вестей —
Хоть строки! — о мире скором.
Но газеты общим хором:
Тру-ру-ру да тра-ра-ра!
Что ни слово, то — «ура!»
«Что строчат, лихие гады!»
«Ну, чему они так рады?»
«Мало радости, кажись:
Ведь дела — хоть в гроб ложись».
«Аль они там все ослепли?»
Средь окопов слухи крепи,
Что газеты — не таё:
Подрядились на враньё!
Может, Правда где и бродит,
Да к окопам не доходит,
В письмах тож ей не пройти:
Гибнут письма по пути
От цензуры постоянной,—
Чтоб ей лопнуть, окаянной!
Шло меж тем из уст в уста,
Что, мол, штука не чиста,—
Прибежал кой-кто из плена,
Говорят: у нас — измена!

VII

В деревушке поутру
Было дело на смотру.
Брови сдвинувши сурово,
Командир сказал: «Здорово!»
Гаркнул полк по всей статье:
«Здра...жла...ва...ско..бро...ди...е!!»
«Молодцы! Видать, что хваты!
Почему ж у нас, солдаты,
Что ни ступим, то беда?
Знайте все: из-за жида!
Подлый жид-хриstopродавец

С немцем снюхался, мерзавец!
Жид — потомственный шпион.
Мой приказ — для вас закон:
Для жида и для жидовки
Не жалели чтоб веревки;
Нет веревки — не урон:
Разряди тогда патрон!»

Ох, не скрыты! «Наука» эта
Много душ свела со света,
Злой росток дало зерно:
Много рук обагрено
Чистой кровью жертв невинных!
Не исчислить списков длинных,
Списков горестных имен
Всех, кто зверски был казнен.

Скоро поняли солдаты:
Не «жиды» тут виноваты!
Что «жиды» — один отвод,
Чтобы с толку сбить народ.
Что измена — где-то выше,
Что огонь — на самой крыше,
И давно разноухать след:
В чем же корень наших бед?

VIII

Все в стихах выходит гладко,
А на деле — ой, не сладко!
Не пирог был на меду —
Жизнь в пятнадцатом году.
Но к чему — скажу я честно —
Повторять, что всем известно:
Быль худую повторять,
Злые раны ковырять?

Не вернуть Карпат нам снова,
Не видать нам больше Львова.
Что в чужое взор вперять?
Своего б не растерять.
А потеряно немало.
Наше войско отступало

Из залитых кровью мест.
Сдали Люблин, Холм и Брест,—
Уничтожив переправы,
Отошли из-под Варшавы;
Потеряли Осовец;
Сдали Ковно под конец.
Фронт прорвавши нам под Вильно,
Потрепал нас немец сильно,
Выбивал нас, как мышей,
Из болот и из траншей,—
Искалеченных, недужных,
Тощих, рваных, безоружных,
Виноватых без вины,
Гнал до самой до Двины.
От дальнейшего отхода
Нас спасла лишь непогода,
Дождь осенний проливной.
Вот как шли дела с войной!

IX

Всюду — слухи, всюду — толки,
Как у нашего Миколки,
Православного царя,
Мозгу, правду говоря...
Нету мозгу, есть замашки —
Больше все насчет рюмашки.
Царь допреж того гулял,
Дядя ж фронтом управлял,
До Двины ж когда доправил,
Царь от дел его отставил
И — ликуй Расея вся!—
Фронтом править сам взялся
(Кой-кого пред тем повесил).
В ставке царь и пьян и весел,
А царица той порой
Занялась другой игрой:
Хоть в мешке не спрятать шила,
Но досель она грешила,
Как-никак — исподтишка,

Заведя себе дружка.
Про Распутина про Гришку
Написал уж кто-то книжку,
Раскопал всю грязь до дна,—
Срамота, скажу, одна.
Царь, доверившись супруге,
Сам души не чаял в «друге».
Был царев о Гришке суд:
Гришка — божий-де сосуд!
А когда, себе на горе,
Царь в воинственном задоре,
Дома бросивши жену,
Снарядился на войну,
Гришка с царскою женою
Грозно правил всей страной.

У Гришухи круглый год
Мироносиц хоровод,
Раздушенных, оголенных,
Блудной страстью воспаленных.
Стая целая графинь,
Дам придворных да княгинь
За «божественным сосудом»
Бродит всюду, как за чудом,
Ждет божественных утех,
А царица — пуще всех!

Х

Государственная дума
Коротала век без шума,
Зашумела лишь тогда,
Как надвинулась беда.
Дума выла-голосила,
Царя-батюшку просила:
«Государь ты наш, отец,
Пожалей нас наконец!
Нам немного и надо:
Собери лишь наше стадо
(То-бишь думских главарей!)
На совет большой скорей

Пред разрухой, нам грозящей.
Для твоей для славы вящей
Напряжем охотно мы
Наши мудрые умы:
Пусть стране родной привычно
Горе мыкать горемычно,—
Ей лихую тяготу
Больше несть невоготу.
Объяви своим указом,
Что твоим мы будем глазом,
Что пред нами на правёж
Ты поставишь всех вельмож.
В ограждение от напасти
Нам не нужно вовсе власти,
Весь наш лозунг и пароль:
Лишь контроль! Один контроль!»
Царь — к жене. Жена — за Гришку.
Гришка — Штюрмера подмышку ¹.
«Вот шта, милай: так и так.
Сам смекаешь: не дурак!»

Бюрократ
Говорит:
«Оч-чень рад!
Говорит,
Дума... что ж!..
Говорит,
Отчего ж!.
Говорит,
Нам она,
Говорит,
Не страшна,
Говорит,
На нее,
Говорит,
Мы... таё...
Говорит,
Есть клещи,
Говорит,

¹ Б. В. Штюрмер в 1916 г. был председателем Совета министров.

Не взыщи,
Говорит,
Тишь да гладь?
Говорит,
Будем ждать!
Говорит,
Если ж бунт,
Говорит,
Мы в секунт,
Говорит,
Теремок,
Говорит,
На замок!
Говорит,
Не впервой,
Говорит,
Будет вой?
Говорит,
Ну, так что-с?
Говорит,
Все равно-с!» —
Говорит.

XI

Штюрмер Думу полонил,
Штюрмер Думу опьянил
Нежно-сладкими словами:
«Мы да вы! Да мы-ста с вами!»
Врал, оскаливши зубок,
Что лиса на колобок.

«К о л о б о к »¹

Помнил колобок иную пору,
Когда шли дела его в гору,
Когда был он буйным да веселым,
Когда по городам и селам
Только про колобок и было разговору:

¹ Здесь «Колобок» — Государственная дума.

Уж и такой-то он и такой,
Что не взять его голой рукой,
Не погнать на чужих вожжах:
Не на таких колобок заквашен дрожжах,
Не на таком, дескать, заквашен тесте!
Да не удержался колобок на прежнем месте —
Сорвался вниз, покатился,
Невесть где очутился:
В луже — не в луже,
Может, где и похуже.
А колобку и такое место любо!
«Авось тут никто не пихнет меня грубо,
Укреплюсь в этом месте я прочно!»
Ан глядь, как нарочно,
Валит на колобок персона
Деликатного фасона:
«Здравствуй, — говорит, — колобок!
Здравствуй, голубок!
Да какой же ты хорошенькой!
Да какой же ты пригоженькой!
Пригожей тебя и на свете нет!»
Колобок на то персоне в ответ:
«Я по селам скребен,
По городам метен,
На циркулярах мешан
Да на разъяснениях пряжен,
А в Питере стужен.
Я от Столыпина ушел,
Я от Коковцева ушел,
Я от Горемыкина ушел
Без особого членовредительства,
А от вашего высокопревосходительства
Уйду цел и подавно!»
«И до чего ж поешь ты, колобок, славно! —
Сказало его высокопревосходительство. —
Возьму я тебя под свое покровительство!
Лежи только тихо да чинно.
Не кипятись беспричинно,
Не путайся зря под ногами.
С чего нам тогда быть врагами?»
Пришел колобок в восхищенье:

«Вот это,— говорит,— обращение!
Такую речь приятно и слушать:
Не то чтоб сразу — схватить и скушать.
Вот это — другой режим.
Мы... полежим!
Рады стараться, ваше высокопревосходительство!..
Как вы есть настоящее правительство!..»
И лежал колобок в саду Таврическом¹,
Весь блестел при свете электрическом:
Чистенький, беленький — под снежной порошей,—
Только дух от него был не больно хороший!

ХII

Старый год, такой-сякой,
Отбыл в вечность на покой,
И ему, седому хрену,
Новый год пришел на смену.
— Год шестнадцатый идет,
Мир с собой уже ведет! —
Но весна прошла и лето —
Мира нет, заспался где-то,
То ли чахнет взаперти.
Тут мозгами поверги!
На Руси пошла работа:
Гнали всех в четыре пота,
Все станки пустили в ход.
Надрывается народ,
Точит пушки да снаряды.
Богачи берут подряды
И довольны тем вполне,
Что конца все нет войне!

ХIII

Хорошо стоять в резерве
Не на пакостном консерве,
А на каше да на щах
И иных таких вещах,—

¹ Государственная дума помещалась в Таврическом дворце.

Смывши с вошью всю чесотку,
Заглядеться на красотку,
А при случае... тово...
Ну, да мало ли чево!
Не для всякого, конечно.
Вот наш Ваня: хмурен вечно,
Ничему, видать, не рад,
Отвечает невпопад,
Из него не выжать слова,
Больше держится Козлова,
Все шушукается с ним.
Да мудрен, сказать, и Клим.
Переписку с кем-то водит,
Как-то все к нему доходит,
Через руки, что ль, бог весть,
Все следы сумел замести.
Сам замазал рот замазкой,
Скажет слово, так с опаской:
«На чужой, — ворчит, — роток
Не накинешь-де платок:
Разболтает всякой чуши,
У начальства ж тоже уши.
Так ли можно угодить!
За примером не ходить». —
А примеров было много,
Слежка, впрямь, велася строго,
Хоть не редкий следопыт
Оставался без копыт.
От солдат такие гады
Не могли уж ждать пощады!
Кто просыпался — пропал:
На тот свет в один запал!

XIV

Бабка старая ворчлива.
Осень поздняя дождлива.
От утра и до утра
Хлещет, словно из ведра.

Черт ли рад такой погоде,
Да особенно в походе!
Ванин взвод ночной порой
Занимал окоп сырой.
Враг палил без промежутка.
Ночь прошла довольно жутко,—
Лишь от сердца отлегло,
Как немного рассвело.
«Ой, ребята, чья работа?»
«Где?» — «Листы подкинул кто-то!»
Поразинули все рты:
«Впрямь, подметные листы!»
«Ловко как!» — «Чего уж чище!»
«Прячь скорей за голенище!»
«Слышь, про что там?» — «Про царей».
«Хоть бы смена поскорей!»

ХV

Вечер выдался хороший.
Поле выстлало порошей,
И под первым холодком
Затянуло грязь ледком.
Друг за дружкою, с оглядкой,
Целый взвод, никак, украдкой
Пробрался в пустой сарай.
«Фролка, черт, не напирай!»
«Экий, братцы, нам подарок!»
«У кого-то был огарок!»
«Нá вот, целая свеча».
«Ну, Козлов, руби плеча!»
Клим, склонившись над листовкой
Тихо, внятно, с расстановкой
Стал читать о том, каков
Смысл войны для мужиков,
Льющих кровь свою в угоду
Тем, кто злейший враг народу;
Что «командующий класс» —
Все помещики у нас
И что царь наш православный

Есть помещик самый главный,
Потому немудрено,
Что он с ними заодно:
За порубку аль потраву
Шлет войска чинить расправу;
Кто там что ни говори,
Все помещики — цари,
Кто — поменьше, кто — поболе.
Сельский люд в их полной воле.
Размешав муку водой,
Приправляет лебедой,
Терпит голод, холод, муки,
Для господ мозолит руки,
Век работает на них,
На грабителей своих,
Жнет их хлеб и возит клади;
Барышей их подлых ради —
В стуже, в сырости, в огне —
Погибает на войне!..

XVI

Полковому командиру —
Вызов срочный в штаб-квартиру.
В это утро полковой
Был с похмельной головой.
«Эх, ты, — муслил он бумагу, —
Не влететь бы в передрягу!»
И влетел. Чуть сунул нос,
Как нарвался на разнос
И обруган был площадно.
«Покараю всех нещадно,
Как доселе не карал! —
Выл свирепо генерал. —
Полюбуйтесь: мертвый ахнет!
Чем такая штука пахнет?
Что сулит она для нас?»
«Про... кла... мация!» — «Она-с!
И заплачем и запляшем!»
«В чьем полку?» — «Представьте... в вашем!»

«Виноват!.. Какой позор!»
«За солдатом плох надзор!
В первый раз вам и в последний,
Чтоб солдат от гнусных бредней
Вы изволили беречь!
А чтоб их предостеречь,
То-бишь, зло чтоб вырвать с корнем,
Грамотеев пару вздернем!»

XVII

«Ну, пришел и мой черед,
Знал я это наперед!—
Говорил Козлов Ивану.—
Петли ждать я тож не стану:
Волка ноги берегут.
Псы уж по следу бегут.
Следопыты всюду рыщут.
Пусть их ветра в поле ищут.
А поймают — не печаль.
Вас, ребятушки, мне жаль.
Способ есть один, миляги,
Выйти вам из передраги.
Через три-четыре дня
Всё валите на меня:
Дескать, я листки, паскуда,
Раздобыл невесть откуда,
Что читал, вам невдомек,
А теперь, мол, взял — утек!»

XVIII

Скоро все прочли в приказе
О проникшей в полк заразе,—
Что добыл подметный лист
Клим Козлов, социалист,
Что под суд он отдается
И что следствие ведется
Обо всех его шагах,

Но преступник сам — в бегах.
Где он — точно неизвестно,
Будет розыск повсеместно.
И дано на сей предмет
«Описание примет».
Расписали всё чин чином:
Нос — прямой, борода — клином,
Росту — среднего, брюнет,
А примет особых нет.

XIX

Грустно Ване без Козлова.
Повидать бы Клима снова
Так хотелось ему!
Поспросить бы: что к чему?
Есть такое средство, нет ли,
Чтоб спасти от мертвой петли
Всю родимую страну?
Как избыть скорей войну?
Где засели злые воры,
Что чинят нам все заторы?
И нельзя ль, как сор метлой,
Всех повымести долой,—
Всех, кто кровью нашей гладок,
Кто лихой ведет порядок,—
Нечисть подлую смести,
Да порядок свой ввести,
Трудовой, простонародный,
Чтоб вздохнул народ свободный
И — без палки над собой —
Правил сам своей судьбой.

XX

Не знавал Ванюша страху:
Хоть под пытку, хоть на плаху,
К черту в лапы — все равно!
Ване дорого одно,

Одному лишь сердце радо:
Знать, за что схватиться надо,
Где все силы приложить,
Чтоб народу послужить,
Потрудиться с добрым жаром,—
Коль погибнуть, так не даром!

Но не раз от злой тоски
Он сжимал себе виски:
«Без науки что я стою
С деревенской темнотою?
Эх, дорваться бы до книг!
Все бы я тогда постиг:
Что откуда происходит,
Кто и что всем верховодит,
Почему для бедноты
Все дороги заперты?
Почему — один царюет,
А мильон кругом горюет,
И не время ль голытьбе
Уж подумать о себе?»

XXI

Сразу ахнуло, рвануло,
Весь окоп перевернуло.
Все бойцы погребены.
Страшный вид... со стороны.
Смерть бойцам сказала: «Вольно!»
Им не страшно и не больно,
Тьма — не тьма и свет — не свет,
Кто убит, того уж нет,—
Нет и ровно не бывало.
Человек так стоит мало!
Три убито, новых пять
Место их спешат занять.
Через день, купив газетку,
Будут все читать заметку:
Где и сколько взято в плен,
Что «у нас без перемен».

XXII

«Фрол, скорей за санитаром!»
«Всех убило... Звать задаром...»
«Фрол, послушай, приложись...
Ваня жив еще, кажись».
«Дышит! дышит, право слово!»
Под обстрелом, чуть живого,
Фрол Ванюшу вынес в тыл,
Там повозку раздобыл,
Подложил в нее соломки
И, хоть ночь была — потемки,
В путь отправился. Чуть свет
Прибыл с Ваней в лазарет.
«Дело очень серьезно! —
Пред сестрой дежурной слезно
Фрол взмолился: — Паренек
Как бы кровью не истек.
Перевязку, ради бога...»
«Ты,— сестра сказала строго,—
Тут, милейший, не кричи.
Рано. Спят еще врачи».
«Что ж, я парня так покину? —
Фрол, забывши дисциплину,
Матом взвыл: — Вы тут для ча?
Подавайте мне врача!
Мы в бою не разбираем:
Днем ли, ночью ль помираем!
Помираем... за кого?!»
Фрол добился своего:
Ваня был врачу показан,
Весь обмыт и перевязан.
И хоть Фрола врач потом
Обозвал в сердцах скотом,
Фрол не тем был растревожен:
«Ваня как? Не безнадежен?»
«Нет,— утешила сестра,—
Можно жить и без ребра».

XXIII

Здесь в тылу — но не в глубоком,
И у фронта все ж под боком,
Разместился лазарет.
Что за жизнь в нем — не секрет.
Где-то там людей увечат,
Здесь их свозят, но не лечат,
А, подправив как-нибудь,
Отправляют в дальний путь —
На вокзал или в могилу,
Что солдатику под силу:
Жив — положат на арбу,
Помер — вынесут в гробу.
Будет в книгах лишний номер
Да отметка: «выбыл», «помер»...
Вот и все! — К чему хула?—
Тут у всех свои дела:
Доктора торгуют спиртом,
Сестры спят и бредят флиртом,
Господа-офицера
(Флирт — коварная игра!)
Лечат раны злого свойства:
Плод амурного геройства.
Что поделаешь! Амур —
Все же милый бедокур:
В царстве злобы, скорби, плача
У него своя задача.
Смерть чинит нам сколько бед!
Но Амур за нею вслед,
Обрядясь в свои доспехи,
Быстро штопает прорехи!

XXIV

Чрез неделю поутру
Ваня стал молить сестру:
«Увезить нас будут скоро...
Я слышал из разговора...

Доктор тут сказал вчера...
Будь, сестрица, так добра...
Путевых там сколько литер?..
Мне б хотелось очень... в Питер».
«Питер», «Питер!» — ночью, днем
Бредил Ваня лишь о нем.
Меньше думал он о ране.
Объявили скоро Ване:
Будет так, как он просил.
Питер Ваню воскресил.

XXV

Питер — город, вправду, чуден,
И богат и многолюден.
От заставы до дворца
Красоты в нем без конца.
Хоть, положим, в каждой части
Красота различной масти:
Тут — дворец, а там — завод,
Тут — цари, а там — народ.
Красоту толкуют всяко.
Мне милей всего, однако,
«Трудовая сторона»,
Чтится «Выборгской» она:
«Большевицкая столица!»
У Невы тут есть больница.
Вместе с Ваней сам я в ней
Пролежал немало дней.
Я был начисто уволен,
Ваня ж был иным доволен:
В Петербурге вписан он
Был в запасный батальон,—
У волынцев нес работу:
Ладил маршевую роту,
Без ругни и толкачей
Обучал бородачей.

XXVI

Православная царица
На народ на свой ярится
И, начхав ему в лицо,
Пишет немцам письмецо:
«На Руси я все устрою
По берлинскому покрою,
Англичанин да француз
Русский выкусят арбуз.
Англичане сильно гадят:
Конституцию нам ладят,
А французы — бунтари,
Леший всех их побери.
Ни английских конституций,
Ни французских революций
Нам не хочется с царем:
Самодержцами умрем.
Чтоб сберечь свое наследство,
Мы одно лишь видим средство:
Под Вильгельмовой рукой
Обрести себе покой,
Помириться с ним, в надежде,
Что поможет нам, как прежде,
Подтянуть российских шельм
Унзер гроссе фрёйнд Вильгельм».
Подписалася: *Алиса*.
Приоткрылась ли кулиса,
То ли трещину дала,—
Тайна царская всплыла.
Разговор пошел повсюду:
Что цари готовят люду,
На какой идут прием,
Чтобы слопать нас живьем!

XXVII

«Поздравляю! Вы слышали?»
«Что?» — «Она сама жива ли!»
«Кто?» — «Да, вправду, вы... того...
Не слышали ничего?»

Уж трезвонит вся столица:
Овдовела ведь царица!
Гришка-то, пассаж какой:
Со святыми упокой!»
«Почему ж молчат газеты?»
«А наморднички-с надеты!»

По столице слухи шли.
А чрез день уже могли
Все прочесть в любой газете
«О скандале в высшем свете»:
Как с Распутиным друзья,
Высочайшие князя,
Учинили злую шутку:
Заманив к себе Гришутку,
С ним пропьянствовали ночь,
А затем «убрали прочь»,—
Заведя с ним спор и драку,
«Пристрелили, как собаку».

XXVIII

У князей на мужика
Поднялась легко рука.
Гришка — плут и проходимец,
Знатной сволочи любимец,
Но ему, признаться, я —
Снисходительный судья.
Все же сделал он работу:
Снял с царей всю позолоту,
Растоптал их образа,
Заплевал им все глаза!
И князя, чиня расправу,
За свою стояли славу,
Отгоняли злую тень.
Поздно! — Близок был уж день,
День, когда народ проснется,
Ужаснется, встрепенется
И, налегши силой всей,
Расчехвостит всех князей!

Часть третья

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

«Ах вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои!
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие».

Отчего — и не понять! —
Трудно денежки менять?
Всё бумажки да бумажки,
Ни одной нигде медяшки,
А серебряных монет
Уж давно в помине нет.
Золотые тож исчезли, —
В чей-то, знать, карман полезли,
Люд простой не знает — в чей,
Знает царский казначей.

II

Царь снаряды льет да пушки,
Обирает деревушки,
Тащит все из черных хат,
Да не трогает палат.
Богачи — опора трона,
Ими держится корона,
И готовятся кнуты
Для голодной бедноты.
Богачам одна забота:
Выгнать с бедных больше пота,
И война им не страшна —
Пухла б только их мошна.

III

Царь печатает плакаты,
Что дела, мол, плоховаты,
Обнищала-де казна,
Сила ж вражья все грозна.
Так без помощи народа
С ней не справиться в три года,
И повинен-де народ
Дать денегжатов на расход.
Пусть поможет, кто чем может.
Люд несчастный кости гложет,
Но, поддавшись на обман,
Лезет горестно в карман.

IV

Помогли царю поборы,
У царя снарядоџ горы,
А в строю, само собой,
Тьма народу... на убой.
«Ну, теперь нас, немцы, троньте!»
Укрепились мы на фронте,—
(Словно турок на колу!)
Глядь: расхлябались в тылу.

V

В д е р е в н е

У Прокофьевны в избушке
Дух — пробить не впору пушке,
А народ все прет да прет.
Любопытство всех берет,—
Слух прошел, вишь, в околотке:
Зять приехал в гости к тетке.
Васька — парень с головой,
Он в трактире — половой.
А трактирчик-то столичный,

Ходит люд туда различный;
Тот словечко, этот пять,
Всех послушать — все узнать,
Станешь умным без науки.
Ваське, стало, карты в руки.
Окружил его народ,
Смотрит Ваське жадно в рот.
«Что, брат, деется на свете?»
«Кто грешит и кто в ответе?»
«Скоро ль кончится война?»
«Все выкладывай сполна!»
Обтерев о скатерть ложку,
Закрутивши козью ножку
И спросивши прикурить,
Стал Васюха говорить:
«Есть чем, братцы, похвалиться,
Есть чем с вами поделиться.
Как припомню, словно сон.
Был на днях я средь персон,
Милость чья нам столь потребна:
После царского молебна
Сам святой митрополит
Речь сказал, как бог велит,—
Про врагов и супостатов,
Про зловредных демократов,
То-бишь, всяких бунтарей
Против бога и царей.
Несть бо власти, аще... аще...
За царя молитесь чаще!
После, выйдя на амвон
И отвесив всем поклон,
Стал держать министр судейский
Речь про замысел злодейский:
Вновь-де стал крамольный сброд
Трудовой смущать народ,
Соблазнять иною долей,
Подстрекать землей и волей...»
«Ты скажи нам... о себе! —
Поднялся тут шум в избе.—
От земли ты, что ж, отрекся?!»
Тут Васюха сразу спекся,

Поперхнулся и умолк,
Озираючись, как волк.
Видит: сват глядит не сватом,
Теща прет к нему с ухватом:
«Ну-тка, скажь нам, мил зятек,
Что про землю ты ответил?!»
Васька живо дело сметил:
В двери шмыг — и наутек!
Через рытвины, ухабы
Улепетывал от бабы
Наш Васюха во весь дух,
Приговаривая вслух:
«Ой вы, ноги мои, ноги,
Не споткнитесь средь дороги,
Замети, метель, следы,
Чтоб уйти мне от беды!»

Вася в питерской харчевне
Всем трезвонил о деревне:
«Ох, уж эти мужики!
Ох, и что за чудаки!
В гости звали, принимали,
Прижимали-обнимали,
Все бока мне обломали,
Угощали так, что вот
По сей день болит живот.
Как поедете, ребятки,
Вы к родне своей на святки,
Дай вам бог, чтоб вас родня
Так встречала... как меня!»

Р а з о р е н н ы е

Воробушек воробушку:
«Чирик, чирик, чирик!»
Один был первогодочек,
Другой уже старик.
Сел старый, пригорюнившись,
Все перышки сложив,
А малый расфуфырился:
«Жив-жив, жив-жив, жив-жив!»

«Жив? Много ль жить осталось?» —
Промолвил старина.
«Да как же! Бают, дедушка,
Вот кончится война!»

«Ох, кончится — не кончится,
А все разорено...
От холоду да голоду
Подохнем все равно».

VI

На столичном рынке

Бог знает, что творится
Средь рыночной толпы:
«Сижу без дров, сестрица!»
«Ни фунтика крупы!»
«Заплачешь, хоть не плакса!»
«Грабиловка!» — «Обман!»
«Какая ж это такса?»
«Поход на наш карман!»
«Но кто ж того не знает,
Что таксу издает
Не тот, кто покупает,
А тот, кто продает!»
«Бери-ка чином выше». —
«Гнетут со всех сторон!»
«Порядки!» — «Тише, тише!»
«Чего-й так?» — «Фараон!»¹
«Эй, р-рас-хо-дись, орава!»
«Родимые! Берут!»
«Брысь! Не имеешь права!»
«В участке разберут!!»

¹ Насмешливое прозвище полицейских.

VII

— Голод! — голод! — голод! — голод! —
Бил по трону тяжкий молот.
Трон шатался и трещал.
Шла война. Народ нищал.
Богатеи наживались,
Кровью нашей упивались;
Умножая свой доход,
Бедный грабили народ;
На пирах и на обедах
Сладко пели о победах, —
Чьих? Над кем? Секрет простой —
Богачей над беднотой!

Богачи — чужие, наши —
У одной разъелись каши.
Та ли, эта ль сторона —
Голытьба везде одна.
Но, разбив ее на части,
Богачи сидят у власти,
С голытьбою на борьбу
Посылают... голытьбу!

VIII

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели.
Затрещали-зазвенели
Телефоны у властей:
«Вызвать войско всех частей!»
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут ужо работу:
На чердак по пулемету.

В люд голодный — знай, пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить, чтобы
Остальных загнать в трущобы.
Псы, старайтесь, вам на храп
Даст по сотенной сатрап —
Генерал лихой, Хабалов!

Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
«Мы — не ели!»

IX

У царицы сердце мрет,
В страхе злом она орет,
Протопопова торопит,
Пусть он бунт в крови потопит,—
Чтобы часу не терял
Да скорее усмирял.

Новый «друг» по залам бродит,
Бродит, места не находит,
Проклинает свой удел:
«Лучше б дома я сидел!»

X

Протопоповым-министром
Для царя в порядке быстром
В ставку послан был доклад,
Что в столице сущий ад;
Если царь прибудет лично,
Может, все пойдет отлично.

Царь министру повелел,
Чтоб патронов не жалел,
Если ж очень нужно будет,

Царь в столицу сам прибудет —
Милость царскую явить,
Бунт голодный подавить.

По цареву по указу
Усмирять пустились сразу.
Не помог царев указ.
Сорвалось на этот раз!

XI

Ваня вышел с полувзвсдом
Воевать с родным народом.
Перед тем как выходить,
Велел ружья разрядить.
«Братцы милые, по людям
Все равно стрелять не будем!»

Вышел весь Волынский полк,
С усмиреньем тот же толк.
Роты улицами ходят,
Да порядку не наводят.
Повстречавши москвичей,
Столковались без речей.
«Мы, ребята, не замаем...»
Был ответ им: «Понимаем!»

XII

Во дворцах переполох:
В войске дух заметно плох,
Усмирять народ — охоты
Нету вовсе у пехоты.
Войско мрачное стоит,
На душе свое таит.

Недовольный ратью пешей,
Царь приказ дает депешей:
«Пехотинцы — подлецы,
Пусть работают донцы!»

«А казак — собака, что ли?
Подлый враг народной доли
И царю слуга слепой?!»
 Мирно встретившись с толпой,
Повернул казак лошадку,
Не навел казак порядку.
Едет — пикой шевелит.
Драться — совесть не велит!

Разобрали фараоны
Пулеметные патроны.
Фараонам был приказ:
«Вся надежда лишь на вас!»
Постарались живоглоты:
Затрещали пулеметы.
Царь наш добрым был отцом:
Накормил народ... свинцом!

XIII

Царь читает донесенье:
«Усмирили в воскресенье».
«Усмирили? Очень рад!
Живо поезд в Петроград!»
Ехал поезд, да не шибко.
Приключилась ошибка.
Царь в тревоге. Ночь. Темно.
«Питер?» — «Нет». — «А что же?» —

«Дно».

«Ехать дальше!» — «Нет нам хода.
Петроград в руках народа!»
«Двинуть фронт на эту тварь!»
«Фронт с народом, государь!»

XIV

Человек живет не вечно,
И помрем мы все, конечно.
Плут последний и герой —
Будем все в земле сырой.

Уничтожит трупы тленье,
Имена сотрет забвенье.
Марья, Дарья, Клим, Пахом —
Зарастем все лопухом!

Но не все забыто будет:
К новым подвигам возбудит,
У души простой не раз
Слезы вызовет из глаз,
Не одну разбудит совесть
О делах о наших повесть
И о днях... Но наши дни —
Не прошли еще они.
За желанную свободу,
Может быть, еще народу
Суждено лихой судьбой
Самый страшный вынести бой.
Враг, лежавший на лопатке,
Недобитый в первой схватке,
Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп!
Нет царя и царской дворни,
Но остались злые корни,
Кем держался старый строй:
Богачей шмелиный рой!

XV

На деревню (всё — к порядку!)
Надо сделать нам оглядку.

Шустрый лавочник Назар
Ездил в город на базар.
Как вернулся — все к Назару!
Не раскрыл Назар товару,
А кругом ни стать, ни сесть.
«Был на почте?»

«Письма есть?»

«Есть. Постой, куда ты прешься!
Сразу тут не разберешься!

Сто печатей на письме!
Вот: Прохватову Кузьме...
Тетке Дарье... Деду Климу...
Стой ты!.. Мельнику Касиму...
Селифантьевна, бери:
Для тебя тут сразу три.
Вот тебе, кума Маланья,
Исполнения желанья!
Ты все плакалась, кума,
Что не пишет твой Фома!»

XVI

Ни одна еще раздача
Не окончилась без плача,
Каждый раз одно и то ж:
Что ни весть, то в сердце нож,
Ну, а тут, как по заказу:
Всем Назар подсыпал сразу.
Поднялся в лавчонке вой:
Фекла сделалась вдовой,
Влас читает ей уныло,
Где и как там дело было.
Ни жива и ни мертва,
Горемычная вдова
Слову каждому вникает,
Ничего не понимает.
Поняла. И, не дыша,
Обронивши малыша,
С тяжким стоном повалилась.
Рядом Дарьюшка забилась,—
У нее беда своя:
Сын единственный, Илья,
Не вернулся из разведки.
Клим согнулся весь. У дедки
Отличился, пишут, внук:
Есть «Георгий», нету — рук!
Деда еле держат ноги.
«Вот... дождались мы... подмоги!..»

Фрол в письме корит жену:
«Очень тяжело мне в плену.
Ты ж, как стало мне известно,
Повела себя нечестно».
Бьет молодушку озноб:
«Фрол придет — загонит в гроб!»

XVII

«Гады! Псы, едят их мухи!»
«Кто?»
«Известно! Ходят слухи:
Предстоит опять набор!»
«До каких же это пор?!»
«Что ж, Ерема? Снаряжайся.
Тетка Дарья, не пужайся,
Ты ведь то уразумей,—
Встретит сына Еремей.
Паренек пропал без вести,
Вдруг — нашелся. Будут вместе.
Рядом, значит — сын с отцом!»
С затуманенным лицом,
Всех окинув смутным взором,
Еремей Босой с укором
Власу молвил: «Не шути,
Скоро, что ль, на сбор идти?»
«Неизвестно, братец, точно.
Слышно, списки пишут срочно:
Всех — не знаю, врут аль нет —
До пятидесяти лет».

XVIII

Вновь катит Назар с базару,
Но — без писем и товару.
Что, про что, подлец, орет,
Леший сам не разберет:
«Пресвятая мать-царица!
Что в уезде-то творится!
Ходит тучами народ.

Как попал в водоворот,
Еле вылез я оттуда!»
«Что ты мечешься, паскуда!
Сядь. Без толку не ори.
В чем там дело, говори,—
Бунт большой в уезде, что ли?»
«Бунт! Кричат: земли и воли!
Смерть царям! Долой войну!
Флаги красные!» — «Да ну?!
Что ж полиция?» — «Поди ты!
Фараоны перебиты».
«Вот так штука. Врешь ты, брат.
Ну, а как... насчет солдат?
По народу не стреляют?»
«Где там! С флагами гуляют,
В трубы жарят, в бубны бьют,
Песни вольные поют!»
«Слушай, нет ли манифеста?»
«Не сойти мне, братцы, с места.
Бают — вправду или зря,—
Будто кокнули царя,
Всех министров заковали,—
Поначалу бунтовали
На заводах — не впервой.
За народ мастеровой,
И заводский и фабричный,
Гарнизон весь стал столичный;
Фронт туда же потянул,
Новой власти присягнул!»

ХІХ

У Назаровой у лавки
Не продрать руки средь давки.
Разговоры, споры, шум.
«Стой! — кричит кузнец Наум.—
Надоть нам без проволоочки,
Чтоб разведать все до точки,
Чепухи ж не городить,
Верхового снарядить.

Пусть не медля в город лупит
Да газет для нас накупит.
Будет всем тогда видней:
Дождались каких мы дней?
Впрямь пришел конец несчастью?
И... под чьей теперь мы властью?»

XX

Спать ложились вечерком.
Утром, глядь, — всё кувырком!

Дума ахнуть не успела, —
Революция приспела.
Царской Думы нет следа:
Разбежались, кто куда,
«Представители народа».
Барам новая погода —
Не погода, — костолом.
Баре плачут о былом:
«Незабвенная утрата!
Доживем ли... до возврата?!»

XXI

В бывшей Думе — толчея.
Сразу видно — сила чья.
Люд рабочий да солдаты.
Тут от них ведь депутаты.
Целый, стало быть, Совет.
Есть Совет, да толку нет.
Тянут в нем — подумать здраво! —
Кто налево, кто направо,
Кто вперед, а кто назад, —
Норовят на всякий лад
Смастерить основу власти.
Меньшевик казенной масти
Да хозяйственный эсер —
Ладит всяк на свой манер.

Но в одном их хор согласен:
Большевик для них опасен!
Сладу нет с большевиком,
Стал им в горле, словно ком,
Хоть бы час провел в покое.
«Тут ведь времечко какое:
Богачей прижали в лоск,—
Богачи — как мягкий воск;
По-хорошему, без спору,
Столкнуться б с ними впору,
Вожжи в руки им отдать
Да порядков новых ждать.
Богачи — народ толковый:
Нам они порядок новый,
Буржуазный — вот какой —
Утвердят живой рукой.
Нам иного ждать раненько.
Сразу прыгнуть в рай трудненько.
На крутой переворот
Не созрел еще народ.
Мужики — темны да серы
И ни в чем не знают меры,—
Без указки, без узды
Натворят еще беды!
Припусти их к полной воле,
Так не сладишь с ними боле:
Всё разделят — разберут,
Богачей с земли сотрут.
И пойдет такая свалка...»
«Нет, нужна народу палка!»
Так эсер с меньшевиком
Промышляли мужиком.
А мужик не знал — не ведал,
Что его уж кто-то предал!

XXII

Получив нежданно власть,
Богачи довольны — страсть!
Богачи страну правят,

Богачи опять нас давят,
Нашу кровь, как прежде, пьют,
Кандалы для нас куют,
Тюрьмы новые готовят
Да свободу славословят.
Их свободу. Больше — чью?!
Нет свободы мужичью!
Ни свободы, ни землицы,
Ведь земля — не рукавицы:
Взял да сразу и надел.
«Надо сделать так раздел,
Никому чтоб не обидно! —
Богачи дуют солидно. —
Уж с земелькой... подождем!
Все законно проведем
С нашим, дескать, всем стараньем —
Учредительным собраньем.
А пока, мол, ни-ни-ни!
Лямку старую тяни!»

Песня о земле

Ой вы, головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела да незаконные:
Отбирать свои полосыньки исконные.
На помещичье добро уж не зарьетесь,
А в соку своем, в поту, как прежде, парьетесь,
Да, как стадо, уж как стадо безголовое,
Все надейтесь на правительство на новое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оно землю, даст вам землю... на могилушку.

Бабушка Ненила

(В хвосте за хлебом)

Крепко бабушка Ненила
Революцию бранила.
— Батюшки!

«Вот свобода так свобода,
Нет у хлеба у народа!»
— Матушки!
«Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь цари весь хлеб объели.
— Батюшки!
Как по шучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.
— Матушки!
Вот с землей добьемся ладу,—
Поработаем в уладу.
— Батюшки!
Новый хлеб заколосится—
Шелк наденешь вместо ситца.
— Матушки!
Весь ты век жила убого,—
Потерпи ж еще немного.
— Батюшки!
За свободную-то долю
Попируем, бабка, вволю».
— Матушки!

XXIII

«Скоро ль жизнь пойдет спокойней?
Не пора ль кончать нам с бойней,
С трижды проклятой войной?!» —
Стон стоит над всей страной.
Богачи дрожат, как воры:
«Но у нас же договоры!
Англичанин да француз —
С ними ведь у нас союз:
Подводить их нам негоже,
Честь для нас всего дороже.
Уж мы с миром... подождем.
Речь о мире поведем
Мы на первом заседанье...
В Учредительном собранье.
А пока, мол... послужи.
Лезь, ребятки, на ножи!»

Его Величество — Капитал

Изобретательны на доводы
Лихие «рыщари ножа».
Нужны «законные» им поводы
Для оправданья грабежа!
Не важно поводов количество,
Один бы «право грабить» дал.
«Да здравствует его Величество
Венчанный кровью Капитал!»

XXIV

Новый строй рождался в муках.
Богачи на разных штуках
Норовили нас поддеть,
Чтоб, как прежде, всем владеть.
«Все залечим вам болячки.
Не порите лишь горячки.
Разрешит любой нам спор
Учредительный Собор.
Так без лишнего напора
Потерпите... до Собора!»
А когда Собора ждать? —
Надо надвое гадать!

По бабушку

Басня

Дед Мокша со снохой трудился на покосе.
Сноха ж была давно на сносе.
Вот ополдни молодка — ох да ой!
Забилася, как муха в тесте.
То видя, Мокша-дед задергался на месте:
«Постой, кричит, постой!
Для ча такая спешка?
Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!»

Богачи «со всем стараньем»
 Учредительным собраньем
 Козыряли, как могли.
 Ведь оно еще вдали!
 А пока там суд да дело —
 Знай, орудовали смело
 И, втирая всем очки,
 Не играли в дурачки,
 А вели игру иную:
 Посадивши одесную
 Демократов пять аль шесть
 (Тоже ведь «ручные» есть!),
 Не брала чтоб нас обида,
 С ними стряпали для вида
 Деловую колею,—
 Гнули ж линию свою!
 Ставить начали заторы,
 Заводить везде раздоры
 Да натравливать народ:
 Деревушку — на завод,
 На рабочего — солдата,
 Чтоб пошли все брат на брата
 И, устроив Вавилон,
 К богачам пришли в полон!

Р а б о ч и е — с о л д а т а м

Солдаты!

Вы — наша кровь и наша плоть.
 И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
 Кто сеет злую рознь среди трудового люда,
 Тот истинный Иуда!

Солдаты!

На смену хищникам, державшимся за трон,
 Иные хищники спешат со всех сторон,
 Мешая закрепить восставшему народу
 Отбитую свободу.

Солдаты!
Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля—
Одна судьба и воля.

Солдаты!
Не отделяйте же от нас своей судьбы,
Не покидайте нас в тяжелый час борьбы.
Да не падут на вас народные проклятья,
Солдаты, наши братья!

XXVI

Пролетарская газета
«Правда» — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отрава,—
Беспощадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуять стал орел двуглавый,
«Правда» первая была
Жертвой хищного орла.
Но когда пришло нам время
Вековое сбросить бремя
Гадов, пьющих нашу кровь,
Возродилась «Правда» вновь,
Взмывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

П о д з н а м я « П р а в д ы »

Семья рабочая — едина.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что — кто не с вами,
Тот — против вас! Тот — против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — идти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украйте, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», ваше знамя,
Свободно реет впереди!!

XXVII

Кривда «Правду» ненавидит,—
«Правда» кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат,—
«Правда» скажет, кто горбат.
Мироедам «Правда» — плаха.
Им мерещится со страха:
Ленин пишет не пером,
А и вправду топором:
Отрубил примерно строчку —
Снял с мильонщика сорочку!

«Б у к а»

(Буржуазно-колыбельная песенка)

Спи, дитя мое, усни,
Мне с тобою мука.
К «Правде» ручек не тяни:
«Правда» — это бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В «Правде» Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибýtка!

Дни вольготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

«Караул! Грабеж! Разбой!» —
Поднялся буржуйный вой.
Зашипели злые гады,
Растерзать бы «Правду» рады.
Но за ней — большевики:
Все народные полки.
«Правду» тронь неосторожно —
Напороться этак можно.
Надо бить наверняка.
Надо с ней борьбу пока
По иному ладить плану:
Напустить сперва туману,
Взбаламутить так народ,
Чтоб пошел он весь вразброд.
Богачам тогда свободно
Делать все, что им угодно!

XXVIII

Всюду — сходки, споры, шум.
Питер ждал районных дум.
Выбирали новых гласных.
От плакатов — белых, красных,
Синих, всяких — рябь в глазах.
Шел раскол большой в низах:
Краснобайству давши веру,
Льнули многие к эсеру;
Меньшевик весьма хитер,
Тож очки местами втер.
Большевик спокойно к бою
Вел рабочих за собою.
Богачей кидало в дрожь:
«Нам поможет только ложь!»

«Как у питерских господ...»

(Предвыборная песня)

Как у питерских господ
Превеликий, братцы, сход.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Превеликий, братцы, сход.

Хлещут вина богачи,
Едят сладки колачи.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Едят сладки колачи.

И едят они и пьют,
На салфетки слезы льют.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
На салфетки слезы льют.

Им на выборы идти,
А дела-то не ахти!
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Их дела-то не ахти:

Густо улица пылит —
Трудовой народ валит.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Трудовой народ валит.

Люд фабричный, батраки
Да солдатские полки.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Всё народные полки.

Трудовой народ валит,
Богачей вовсю калит.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Богачей вовсю калит:

«Ой вы, баре-господа,
Мироедская орда.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Мироедская орда!

Мироедская орда,
Не пройдешь ты никуда!
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Не пройдешь ты никуда!»

Стал народ везде в хвосты,
На руках у всех листы.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
На руках у всех листы.

А в какой ни глянешь лист,—
Все стоит: «социалист».
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Большевик-социалист!

Люд голодный, не спасуй:
Подружнее голосуй!
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Подружнее голосуй!

Чтобы сытым богачам
Худо спалось по ночам.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Худо спалось по ночам.

Чтобы видели они,
Что пришли другие дни.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Да пришли другие дни.

Что у вольной голытьбы
Силы станет для борьбы.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Силы станет для борьбы!

Сил у каждого борца —
Чтоб бороться до конца.
 То ли, се ли,
 Нынче, что ли,
Будем биться до конца!

Часть четвертая

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО

I

«Кто посеял, кто пожал» —
Я про это речь держал.
Шел народ на баррикады,
А пролезли к власти — гады.
Взяв народ в лихой зажим,
Объявили свой «режим»:
Буржуазные порядки.
Подставляй хребет, ребятки!
Мироедам послужи,
Животы за них ложи!
Ждет деревня лучшей доли,
Ждет земли и вольной воли,
Распорядков новых ждет:
Вот бумага-де придет,
Все расскажет и укажет,
По губам медком помажет:
«Наступил твой час, Фаддей.
Все твое. Бери — владей!»
Что-то делается где-то,
За весной проходит лето,
Вот уж осень у ворот.
Суматошится народ:
«Что же это, братцы, значит?
Власть нас новая колпачит!
Перемены не видать,
До каких же пор нам ждать?»

II

«Что вы! Что вы! Что вы! Что вы!
Бунтовать, никак, готовы?
Власть вам новая худа?
Власть, ей-богу, хоть куда!

Ей, несчастной, столько дела,
Не до вашего раздела.
Вот управимся с войной,
Все пойдет на лад иной!»
Так измученному люду
Языком плескали всюду
Разбитные господа.
Этой сволочи тогда
Расплодилось без меры.
Все, извольте, эсеры!
Бьет себя, рыдая, в грудь
Землемер какой-нибудь,
Иль учитель-математик,
Иль паршивый адвокатик:
«Братцы! Я, да вы, да мы!
Погодите до зимы!

III

Будет вам земля и воля,
Но помещичьего поля
Вы не трогайте пока.
Будет все у мужика!
Дайте срок — создать законы,
Вас ведь, братцы, миллионы,
А земельный-то запас
Не ахти какой у нас.
Так, сплеча, рубить негоже,
Раскумекать надо тоже,
Где земля и чья земля.
Посмотреть на векселя,
На расписки, закладные,
И окажется, родные,
Что помещик — только звук,
Землю выронил из рук,
А владелец настоящий —
Тот крестьянин работающий,
Что поля и барский дом
Приобрел своим... трудом.
Тут не место хваткой лапе,

«Отобрал — и дело в шляпе».
Надо толком разобрать,
Где оставить, где забрать.

IV

Отобрав неосторожно,
Повредить лишь делу можно!
Есть именья — сущий рай:
Что конюшня, что сарай,
Что машина, что скотина,—
Образцовая картина!
На научный всё манер,
Всем хозяевам надо строить,
Как хозяйство надо строить,
Чтоб доходы все утроить.
Взять помещика: иной —
Скот разводит племенной,
Улучшает то и это,
Сам в работе зиму-лето,
Эконом и агроном —
Все стоит на нем одном!
Рассудите-ка толково,
Коль помещика такого
Из именья мы пугнем,
Далеко ли мы шагнем?
Не напортим ли мы вдвое,
Разорив гнездо такое?
И не лучше ли всего
Не касаться нам его?
Не касаться, не кусаться,
На чужое не бросаться,
А учиться да глядеть,
Как добром своим владеть?

V

Есть еще задержка — в сметах.
Пусть в земельных комитетах
Подведут всему итог,
Чтобы вам, помилуй бог,

Не обидеть земледельца —
Пусть и крупного владельца.
Это ж, братцы, не закон:
Взять за шиворот и — вон!
Отбирай, но не бесплатно,
Надо совесть знать, понятно:
Где — надбавить, где — скостить,
Но убытки возместить,
Чтоб помещиков ослабить,
Но... помещиков не грабить!
Выкуп вместо грабежа
Да рассрочка платежа,—
И придумать лучше трудно!
До чего все выйdet чудно!
Без обиды, без вражды!
Ни корысти, ни нужды!

VI

Вот мы партия какая!
В жизнь крестьянскую вникая,
В трудовой весь обиход,
Мы — страдальцы за народ,
Мы за вас душой болеем.
Мы себя не пожалеем.
Ежли что, — в тяжелый час
Мы сумеем стать за вас!
В Учредительном собрание —
Мы уверены в избранье! —
Мы такое учредим!
Вновь порядок утвердим,
Всех устроим, все уладим!
Обкорнаем и спровадим
Без особенных чинов
Городских всех крикунов.
Вот — программа на листочке,
Разберитесь в каждой строчке.
Вся тут правда — без прикрас,
Угодит вам в самый раз.

Рассудите, обсудите
Да в эсеры все идите!
По полтине членский взнос».

Кум Фаддей повесил нос,
Кум Фаддей в затылке чешет:
«Чтой-то барин будто брешет,
Брешет — глазом не мигнет,
И куда он, ирод, гнет?»

VII

Пров Кузьмич, как пьяный вроде,
Ходит козырем на сходе,
По-эсеровски поет,
Все подписочку сует.
«Тит, записывайся, что ли,
На предмет земли и воли!
Еремей, Фаддей, Наум,
Взяться всем пора за ум.
По полтиннику, ребята,
Не ахти какая плата.
Записался — и шабаш!
Просто все, как «Отче наш».
Неча, братцы, опасаться.
Наше дело записаться.
А эсеры в добрый час
Все обтяпают за нас!»
Крякнул Тит с лукавой миной:
«Эх, рискну-ка, что ль, полтиной!
Погляжу на их дела.
Записалось полсела,
Список быстро был составлен,
В город с нарочным отправлен.
Пров разглаживал чело:
«Фу! Как будто отлегло!
Ехать завтра к генеральше
Или ждать, что будет дальше?»

VIII

Поп Ипат, хлебнув винца
В честь «небесного отца»,
В Спасов день обедню тянет,
Вправо, влево оком глянет.
«П-сс! — зовет пономаря.—
Помяну-ка, что ль, царя?»
Пonomарь глаза таращит:
«Бес тебя, должно быть, тащит
За язык, отец Ипат.
Церковь, глянь, полна солдат.
Зададут такого звона:
Стащут за косы с амвона!
Помяни царя, не лгу,—
Я из церкви убегу!»
У попа засохло горло:
«Впрямь их, иродов, наперло.
Фронт, поди-кась, обнажен.
Ну, сидели б возле жен,
Возле Марьи да Натальи, —
Нет, народ мутят, канальи!
Речи их, чертей, слыхал?»
Поп отчаянно вздыхал.
Не молился, что-то вякал,
Службу кое-как отбрякал
И айда скорей домой:
«Ну, и время, бож-же мой!»

IX

Загорелы, бородаты,
Фронтвой народ — солдаты
Вдоль по улице идут,
Речи разные ведут.
Мужикам те речи в диво.
«Очень, братцы, уж правдиво!»
«Говорят: газетам верь.
Как же верить им теперь?
Что про ленинцев трубили?

Будто немцы их купили.
А вот унтер Мышаков
Хвалит как большевиков!»
«Вот что, милые, обидно:
Ведь конца войне не видно».
«Дисциплину тож в частях
При теперешних властях
Укрепляют так, что любо:
Встал не так, ответил грубо
Или косо посмотрел,
Сразу — «Сволочь! Под расстрел!»,
Гонят силой в наступленье,
Отказаться — преступленье.
Барам что? Не их берут,
Пусть за них другие мрут!
За спиною нашей храбры!»
«Взять их, гадов, всех под жабры!»
«Обломать им хохряки!»
«Мы-то, мы-то, дураки,
Растерявши сразу мысли,
Пред эсером как раскисли!
Как он ловко всех поддел!
Рази ж он за нас радел?!»
«Пропадай моя полтина!
Пров Кузьмич, все ты, скотина,
Вместе жулил, старый пес!
Возвращай мне членский взнос!»

Х

Богачам одно спасенье:
Будет пусть землетрясенье,
Голод, мор, потоп, война,
Только б нищая страна,
Не стерпев дальнейшей муки,
Отдалась сама им в руки.
Богачам один лишь путь:
Петлю туже нам стянуть.
Снова трубы затрубили:
«Ежли б немцев мы побили,

Показали им кулак...
Все б тогда пошло не так:
Сразу б немцы спали с тону,
Запросили бы пардону!» —
И пошла-пошла писать.
Под ту дудочку плясать
Меньшевик пошел с эсером,
Словно дама с кавалером.

ХІ

Фронту отдан был приказ:
Подтянуть чтоб всех зараз,
Чтоб с врагами не брататься,
А сначала поквитаться.
Мы-де хоть не за грабеж,
Не захватчики, а все ж...
Мир для мира — это враки.
Мир бывает после драки,
Как похмелье — по пиру.
«Лезьте, братцы, на уру!»

Б а р ы н я

(Окопная)

Ай, люли-люли-люли,
Как мы песню завели:
— Барыня, барыня,
Ты моя сударыня!

Пишет, братцы, мне жена —
Скоро ль кончится война?
— Скоро ли то, барыня,
Скоро ли, сударыня?

Скоро ль кончится война?
Истомилась я одна.
— Эх ты, горе, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Истомилась, исстрадалась,
Век с тобою не видалась.
— Ох, барыня, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Стала жизнь мне — сущий ад:
Ничего нейдет на лад.
— Нету ладу, барыня,
Все трещит, сударыня.

Без тебя пошло все врозь,
Все хозяйство расползлось.
— Расползлося, барыня,
По всем швам, сударыня.

Опустел сарай и хлев,
Хлеба только на обсев.
— Ох, барыня, барыня,
На обсев, сударыня.

А казенный нам паек —
Холостой хлебать чаек.
— Да, барыня, барыня,
Холостой, сударыня.

Дождалися мы времен,
Дорогой ты мой Семен.
— А каких же, барыня?
Да каких, сударыня?

Нет у нас царя уж боле,
Весь народ на вольной воле.
— Любо ль тебе, барыня?
Любо ли, сударыня?

Всех чертей прогнали взáшей,
Что кормились кровью нашей,
— Кровью нашей, барыня,
Кровушкой, сударыня.

Все помещики в округе
Разбежались в испуге.
— Разбежались, барыня,
Пусть бегут, сударыня!

А мы слез не стали лить,
Землю их давай делить.
— Хорошо ли, барыня?
Хорошо, сударыня!

Вот каки у нас дела:
Революция была!
— Чем же худо, барыня?
А ничем, сударыня.

Отпиши скорей ответ:
Жив, голубчик, ты аль нет?
— Жив, моя ты барыня,
Жив пока, сударыня.

Долго ль с немцем воевать?
Долго ль нам тут горевать?
— Долго ли нам, барыня,
Горевать, сударыня?

Шлю с детьми тебе поклон,
Дорогой мой муж Семен.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

А я дело, братцы, сметил,
А я жenuшке ответил.
— Что ответил, барыня?
Что, скажи, сударыня?

Не горюй, не плачь, жена:
С немцем кончится война.
— Право слово, барыня,
Ей же бог, сударыня.

С немцем кончится война:
Надоела нам она.
— Надоела, барыня,
Ну ее, сударыня.

Бойня начата не нами,
А царями да панами.
— Верно ль это, барыня?
Верно ли, сударыня?

За чужие ж дележи
Неча лезть нам на ножи!
— Ни к чему нам, барыня,
Ни к чему, сударыня!

Неча лезть нам на ножи,
Так ты всем и расскажи.
— Рассуди-тка, барыня,
Обмозгуй, сударыня!

А у немцев, чаем, тоже
Выйдет дело, с нашим схоже.
— С нашим схоже, барыня,
В самый раз, сударыня!

Ходят к нам их ходоки,
Люд фабричный, батраки.
— Люд фабричный, барыня,
Батраки, сударыня.

Мы к ним с братскими словами:
Дело, дескать, все за вами!
— Будет дело, барыня,
Первый сорт, сударыня!

Сообща, ребятки, дружно
Мироедов гнать нам нужно.
— Мироедов, барыня,
Богачей, сударыня.

Отвечают немцы: «Гут!»
Надо думать, не солгут.
— Надо думать, барыня,
Не солгут, сударыня.

Заварухе дай начаться,
Дай лишь немцу раскататься.
— Раскататься, барыня,
Разойтись, сударыня.

Рассчитать все наперед:
Оч-чень правильный народ!
— Башковитый, барыня,
Деловой, сударыня.

Дело сделают не скоро,
Да зато уж выйдет спору.
— Вот как спору, барыня,
Начисто, сударыня!

Дело немцы доведут,—
Тут войне-то и капут.
— И айда-те, барыня,
По домам, сударыня.

Как вернемся ж мы домой,
Что-то будет, боже мой?
— Что-то будет, барыня?
Знаешь, чай, сударыня.

Коль затеют баре спор,
Мы сумеем дать отпор!
— Наше дело, барыня,
Верное, сударыня!

Постоим за нашу долю,
За земельку да за волю!
— Постоим уж, барыня,
Отстоим, сударыня!

Так-то, женушка-жена,
Скоро будешь не одна.
— Не одна, слышь, барыня,
С муженьком, сударыня.

Как не летом, так зимой
Жди хозяина домой.
— То-то, моя барыня,
Заживем, сударыня!

Остаюся жив-здоров,
Рядовой Семен Петров.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

Нашей песне тут конец,
А кто пел, тот молодец!
Размолодчик, барыня,
Удалец, сударыня!

П р и к а з а н о,
д а п р а в д ы н е с к а з а н о
(*Солдатская песня*)

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой идти приказано —
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

ХII

«Лезьте, братцы, на уру!
А чтоб гнусную игру
Большевик не смог разладить,
Решено его спровадить —
Хоть и со света! Не грех!
Только чем разбить орех?
Камень где сыскать удобный?»
Был тут план придуман злобный:
«Кто ведет войну с войной?»
«Большевик, не кто иной».
«Немцам в руку?» — «Ну, понятно!»
«И, должно быть, не бесплатно».
«Большевик-де, ходит слух,
Где-то в банке, даже в двух,
Брал немецкие червонцы!»

Так боролись оборонцы
С политическим врагом, —
Замутила все кругом
Разолгавшаяся свора.

Вор кричит: «Держите вора!»
С честным видом подлещи
Прячут так свои концы.

ХIII

Все читая без разбору
Да прислушиваясь к спору,
Что все партии вели,
Ваня бился на мели.
За эсеров подав голос,
Все ж потом, как в поле колос,
Гнулся он — туда, сюда.
Гнулся — сам не знал — куда.
«Как узнать прямого друга?
Что причиной перепуга
Тех, кто тучей злых листков
Травит так большевиков?
В чем тут собственно опасность?»

Привести бы это в ясность.
Клим... Куда девался Клим?
Побеседовать бы с ним.
С кем теперь идет он в ногу?»
 Так, нося в груди тревогу,
Ваня скоро впал в хандру.
Не читал он поутру
С прежней жадностью газеток.
Глаз мужичий все же меток.
Все читать — Ванюше лень.
«Правду» ж брал он каждый день.
«Вот, поди ж ты... пишет верно.
Что ж бранят ее так скверно?!
Пусть мне скажет кто другой:
Чем не прав Яким Нагой?»

Письмо Якима Нагого

(Помещенное в № 79 «Правды» 24 июня 1917 г.)

Вы, братцы, други милые,
Родимые ребяташки,
Народные солдатухи
Да люд мастеровой!
Пишу я вам послание,
Пишу-то не умеючи,
Нескладно да неграмотно,
А только — от души.
Душа ж моя — мужицкая,
Мужицкая — крестьянская,
Совсем она измаялась,
Измаялась-измучилась,
Кажинный день болеючи
От горестных вестей.
Приходят к нам те вестушки,
Те вестушки столичные,
В деревни наши бедные,
В медвежьи уголки,
Приходят безо времени
Да без желанной радости.
Уж мы-то ждем их, ждем,

В тоске великой маемся,
Надёжою питаемся
На наших на заступничков,
Родных своих ребятушек,
Ребятушек-солдатушек,
На люд мастеровой:
Они-де нас учение,
Они-де нас смышленее,
У них-де крепче головы,
Им все там больше ведомо:
Что? Как? И почему?
У них-де хватит силушки,
У них-де станет смелости,
Что смелости-умелости
Стать крепко на своем:
Не выдать люда бедного,
Рабочего-крестьянского,
Извечным нашим врагам
Мирским всем захребетникам,—
Не выдать нипочем!
Но вести все приходят к нам
Такие ль безотрадные,
Такие ль безутешные,
Что верить им не хочется.
Да статочное дело ли,
Да может ли то быть,
Чтоб вы так с толку сбились,
Так потеряли головы,
Так разошлись с совестью,
Что у попов, чиновников,
Министров и сановников,
Разъевшихся помещиков,
Купцов расторговавшихся,
Банкиров-миллионщиков,
У подлых их прислужников,
Угодников-ласкателей,
У подхалимской сволочи
Пошли на поводу?!
Да разве ж это мыслимо,
Чтоб речи их неправые,
Неправые-лукавые

Пришлись всем вам по сердцу;
Чтоб шипы их змеиные
За песни соловьиные
Казаться стали вам?!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребяташки,
Народные солдатухи
Да люд мастеровой!
Очнитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой:
Кому вы так доверились,
На чьи слова туманные,
Туманные-обманные
Огульно положились?
Кто совесть вашу вывихнул?
Кто ум вам замутил?
Забыли вы пословицу
Хорошую, народную:
Ковать железо надобно,
Покамест горячо.
Раз время потеряете —
А вы терять уж начали, —
То напоследки сядем мы,
Как раки на мели.
Доверившись обманщикам,
Господским потаковщикам,
Объевшись посулами,
Тех песенок заслушавшись,
Что власти завели,
Мы под конец останемся
Всё теми ж остолопами,
Господскими холопами —
Без воли, без земли.
Того ли вам хотелось,
К тому ли вы стремились,
Когда в порыве радостном
Царя осточертелого
С его лихой опричниной
В единый дух смели?
А нынче та опричнина,

Прияв личину новую,
Втирая вам очки,
Уж поднимает голову,
Смелее озирается,
Бойчее огрызается,
Братается с нагайками
И тянется к хлысту.
Покамест вы толкуете,
Как, дескать, по-хорошему,
Без лишнего стеснения,
— Не дай господь — насилия!—
По чистой справедливости
С крестьянами — помещиков,
С рабочими — заводчиков
Как-либо примирить,
Так, чтоб одним досталось
И у других осталось,
Чтоб нареканий не было
От черни околпаченной,
Найпаче ж от господ,—
Пока вы так стараетесь,
Пока вы распинаетесь,
Попы, купцы, господчики,
Помещики, заводчики,
Все ироды, кому,
По божью попущению,
Верней — по нашей глупости,
Покорной нашей тупости,
Досель жилося весело,
Вольготно на Руси,
Они не ждут — готовятся,
Они не остановятся,
Хо-хо, ни перед чем!
За то, что не умели вы,
За то, что не хотели вы
Напрячь свои все силушки
Да так на богатеев всех
Налечь, прижать их так,
Чтоб им дыханья не было,
Чтоб затрещали косточки,
Чтоб жирная да толстая

Кишка их сразу лопнула,
Чтоб больше им, кабальщикам,
Захватчикам, нахвальщикам,
Податься было некуда,
Чтоб был им тут капут;
За то, что сплеховали вы,
За то, что дело начали,
Да дела не доделали,
Его по вашей милости,
Опять собравшись с силами,
Оставшись воротилами,
Как были, миллионщики
Доделают по-своему:
Еще, вишь, ими кровушки
Народной мало пролито
В проклятой, злыми гадами
Для их несметных прибылей
Затеянной войне;
Еще, вишь, недостаточно
Чужих полей засеяно
Крестами надмогильными;
Еще, вишь, мало пущено
По белу свету маяться
Калек и вдов-сирот;
Еще им, вишь ты, кажется,
Что мало ими нажито,
Что мало мы обобраны,
Не все еще лишились
Последних животов;
Душа у них тревожится.
Им, аспидам, неможется,
Им непременно хочется
Дорваться до последнего,
Чтоб опосля войны,
Пустивши всех нас по миру,
Им было бы удобнее,
Голодных, обессиленных,
Прибрать нас всех к рукам.
Солдатушки-ребятушки,
Три года воевали вы,
Три года вас мытарили,

Гоняли на убой,—
Но, видно, мало прежнего:
Еще вы повоюете,
Еще вы погорюете,
Еще беды натерпите,
На смерть пойдете верную —
Во здравие захватчиков,
Во славу их мошны!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой,
Очнитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой!
Очнитесь, опомнитесь,
Не выдайте, голубчики,
Себя и нас не выдайте
Извечным нашим врагам,
Грабителям-насилъникам,
Мирским всем захребетникам.
Сестер и братьев вспомните,
Старуху мать родимую
И старого отца!
Единым горем вскормлены,
Единой волей спаяны,
Своею силой гордые,
В своем решенье твердые,
Ряды сомкнувши стройные,
Железные, спокойные,
За наше дело общее,
За наше дело правое,
За долю всенародную
Постойте до конца!

Писал сие послание —
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
А той деревни Босовой
Мужик *Яким Нагой*.

XIV

Богачи везде шныряли,
Даром часу не теряли,—
Разослав своих послов,
Не жалели сладких слов.
На Дону от них посольство
Бьет челом за хлебосольство:
«Ой вы, brave донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,
Помогите сбить рога
У проклятого врага,
У немытой, черной голи,
Что кричит: земли и воли!
День упустим — не вернем.
Голь наглет с каждым днем.
Не поставьте ей преграды,—
Сами ж будете не рады!»

Отвечала старшина:
«Ваша голь хотя страшна,
Нам своя страшнее вдвое.
Но правленья войсковое
Все ж в руках у нас пока.
Ладно: будут вам войска!»

А т а м а н с к а я н а г а й к а

Басня

Товарищ дорогой,
Согнись дугой,
Подставь покорно спину:
Так подобает «гражданину»,
Стоящему за «временную власть».
Хлебнув свободы всласть,
Остепенись маленько:
Освобожденье ты отпраздновал раненько.
Нет, милый, нам с тобой свобода не с руки.

Обидно — не обидно,
А по всему, брат, видно,
Что путь для нас один: в казачьи батраки.

Теперь смекай-ка:
Жила-была нагайка.
Не говоря про старину,
Совсем недавно
Нагайка славно
Стегала спину не одну.

На царский зов она всегда неслась охотно,
Чтоб вольный дух унять в народных бунтарях,
Зато самой при всех царях
Жилось ей весьма вольготно,
Не то чтоб, скажем, там какому батраку
Аль мужику,

Спадающему с тела
У своего куриного надела.

Но вот мы дожили до радостной зари:

Верх взяли бунтари!

Свалив грабительскую шайку,

Почал народ судьбу устраивать свою

И голытьбу сзывать в единую семью.

Да позабыл, вишь... про нагайку!

Нагайка ж исстари «вольна»,

И волю понимать способна лишь она.

Свободой новой ей мозгов не затуманить,

И вправе потому она «дуван дуванить»,

Судить нас, бедных, и рядить,

То-бишь — «порядок наводить».

Что ж? Это дело ей не внове!

Но... все ль нагайки маготове,

Чтоб двинуться в поход

На трудовой народ?

Не атаман ли тут толкует с атаманом,

Как войско с толку сбить предательским обманом,

«Казачьей вольностью» и мусором «свобод»?

Казачья, грустная моя побаска эта

Ужель останется без братского ответа?

Казачья, вам пора, пора глаза открыть:

Кто подбивает вас на Каинову прыть?
Родные братья наши,
Вы не разделите с богатым общей чаши.
У трудового казака
Век не поднимется на бедный люд рука.

XV

«Что нам в пользу — то и гоже.
А попы ведь сила тоже! —
Порешили богачи. —
Две пудовые свечи,
Аналойчик да икона
Да духовная персона...
«От Матфея» там «глава»...
Про смирение слова...
Раз писанье — значит, свято,
Люди ж верили когда-то...
Так попробуем теперь...»
Богачи стучатся в дверь
К архипастырю Андрею,
Из Уфы архиерею:
«Архиерей наш, архиерей,
Спаси нас, грешных, от бунтарей.

Трещит Расея!
Прошло блаженство.
Одна надея
На духовенство,
На дым кадильный из алтарей.
Спаси нас, грешных, отец Андрей!

Нам без лазейки
Спасенья нету,
Две-три статейки
Дай нам в газету,
Чтоб в назиданье простой толпы
Могли читать их в церквах попы!»

«В оковах пастырь...
В разброде стадо...
Целебный пластырь
Сыскать нам надо,
Чтоб злую рану закрыть скорей»,—
Рек, прослезившись, отец Андрей.

И, ощутивши
Прилив отваги,
Скорей схвативши
Кусок бумаги,
Стал он «Биржевке» строчить статью,
В высоком стиле галиматью:

«Не надо злобы!
К чему бунтарство?
Нам надо, чтобы
Окрепло царство,
Борьбы знамена в архивы сдать,
Да осенит нас тишь-благодать.

Без отречения,
Без примиренья,
Без подчиненья
И без смиренья
Не избежать нам лихой беды!» —
Твердил епископ на все лады.

Коря сноровку
Социалистов,
Стриг «под Биржевку»
Евангелистов.

Ведь это ж, отче, простой обман?!
Опять с амвонов пускать туман?

Чтоб люд наш темный
Опять толпами
На зов погромный
Шел за попами?!
Скажи все ясно, святой отец,
Твоих статей какой конец?

Клевета — большое дело.
 Клевету весьма умело
 Богачи пустили в ход,
 Чтобы с толку сбить народ.
 Всюду шнырили оравы
 Ловких сбытчиков отравы.
 Подрядились в «языки»
 Все заштатные шпики.

«К о н т р а з в е д ч и к и»

«Вечор девки, вечор девки
 Пиво варивали».

Два шпики у Малой Невки
 Разговаривали:

Шпик 1-й. «Ты скажи, скажи, бродяга,
 Где ты маешься

И каким ты, лярва, делом
 Занимаешься?»

Шпик 2-й. «А я, братко, живу гладко
 Да не маюся,

А я прежним нашим делом
 Занимаюся!»

Шпик 1-й. «Царь небесный! Пресвятая
 Богородица!

Новый строй ужель шпиками
 Обзаводится?»

Шпик 2-й. «Ну, шпиками — не шпиками.
 Шпик шельмуется.

То же дело по-иному
 Именуется.

По-иному наше дело
 Привечается.

С похвалой в газетах многих
 Отмечается.

В буржуазную газету
 Лишь заявишься,

Сразу, братец мой, в почетный
 Угол ставишься.

Так и льнут к тебе писаки,
«Куш» подсовывают,
В десять перьев твои враки
Разрисовывают.
Битый час проврешь им, точно
Неприкаянный.
Прешь про ленинцев нарочно
Брех отчаянный.
Тут они глаза закатят
Умилительно!
Как за все потом заплатят,—
Удивительно!

Два шпика пошли, обнявшись,
Вдоль над Невкою.
Вот вся песня,— остановка
За припевкою.
А припевки после спеты
Были разные.
Затянули все газеты
Буржуазные:
«Миру, вишь ты, «Правда» рада.
Показательно!»
«Разгромить всю «Правду» надо
Обязательно!»

XVII

Воры, сыщики, громилы,
Биржевые крокодилы,
Толстосумы-живоглоты,
Мироеды-патриоты —
Все, кто был царям оплотом,
Кто кормился кровью-потом
Обездоленного люда...
Вот пошел поход откуда!
Вот кто, брызжа злою пеной,
«Правду» стал корить... «изменой»!

Черносотенная рать
Стала шибко напирать,
Сам эсер, кряхтя до срока,

Лишь подмигивал ей сбоку.
К черной банде напрямик
Лез в объятия меньшевик.
Связь погромная готова.
Разгромили «Правду» снова!
Был приказ властей таков:
«Не щадить большевиков!
Уничтожить всех их сразу,
Как зловредную заразу.
Главарей арестовать,
Чтоб не смели бунтовать!»
Написать приказ не штука,
Да искать попробуй, ну-ка!
«Как тут быть?» — «Хватай гуртом,
Разберемся уж потом!»

XVIII

Меньшевик, эсер, ликуя,
Ловят за полы буржуя:
«Счет сведя с большевиком,
Заживем теперь ладком.
Съезд в Москве устроить нужно,
Чтоб потом работать дружно,
Петь под общий камертон.
Заказать нам, что ль, вагон?
Завтра, что ли-ча, поедем?»
Но буржуй рычит медведем:
«Человек я, что ж — прямой:
Камертон-то будет мой!»
«Ваша светлость! Что вы, что вы!
Мы ж для вас на все готовы.
Вместе будем отвечать.
Не извольте лишь сердчать!»

XIX

Съезд в Москве прошел на диво!
Богачи весьма ретиво
Повели свои дела.
Вот комедия была!

Перед их враждебным станом
Распинались Либер с Даном,
Меньшевистские «вожди» —
От козла удою жди!..
Видно птицу по полету.
Буржуазному помету,
Лебезя и так и сяк,
Тож поклонится не всяк.
И эсеров брали корчи,
Но, как зуб от давней порчи,
Стыд у них пропал давно:
Пели с Даном заодно!

«Л и б е р д а н»

(Подхалимский танец)

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!
Милюков кричал им браво
И свистел на флейте:
«Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!»
«Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцевать направо!

На Москве устроив танцы
Сообща с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.

«Либердан!» — «Либердан!»
Что же вы, ребята?
Баре сели в шарабан.
Живо, на запятки!

Часть пятая

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

I

Ванин взвод пошел в наряд.
Целый где-то там отряд
Большевицкий арестован.
Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?
Точно молния, по нервам
Пронизала Ваню дрожь:
«Клим!.. Голубчик!.. Узнаешь?..»
«Узнаю». — «Теперь я понял! —
Пот холодный Ваню пронял. —
Так о «Правде» воронье
Нам накаркало вранье?!»
Клим Ванюшку глазом смерил:
«Что же ты? Ужель поверил?»
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: «Никогда!»
Клим Ванюше подал руку:
«Вот, прочти-ка эту шлуку!»
«Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!»

Р а з р ы в - т р а в а

(Большевицкая сказка, переданная Климом Ване)

Батрак Лука не спал ночей,
Одолевали парня думы:
«Люд бедный, городской, — в когтях у богачей,
Деревней правят толстосумы.

Куда ни кинешься, все нет для голытьбы
Иной судьбы:
Какой-то черт ее трудом и сыт и гладок,
А ей — на все запрет и ко всему заслон.
Что ж это за такой закон?
И кто завел такой порядок?
По праздникам не раз, положим, поп Ипат
Увещевал народ с амвона
Словами божьего закона:
Не зарьтесь, мол, на тех, кто в мире сем богат,
Не ополчайтесь брат на брата!
В загробной жизни ждет всех богачей расплата...
Слеза в глазах, и крест — в руках,
И голос — с такою дрожью,
А явно отдаёт от проповеди ложью.
У самого попа порыться в сундуках,—
Поди-кося, не все там по закону божью!
Вот батрака возьми — к примеру, хоть меня:
И руки будто есть, и голова на месте,
А в жизни я меж тем не знал такого дня,
Когда бы не был я рад смерти, что невесте.
К работе ль я ленив? Работа ль мне невмочь?
Нет, я б работал день и ночь
И вынес всякую б работу.
Но если б строиться я возымел охоту,—
Замок-то есть, да нет ключа!
И камни и леса, всё — в лапах богача!
На пашне бы своей не пожалел я поту,
Да пашни-то и нет.
Явившись на свет,
Все лучшие угоды
Нашел я где? В руках дворянского отродья!
Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
Но лен ли, конопля ль, овечье ли то стадо —
Все, все присвоено проклятым богачом!
Что ж остается мне? За что мне братья надо?
И одному ли мне?
Один ли я пойду к грабителям с поклоном?
Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.
Так это божьим, что ль, утверждено законом?!»

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.
В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.
«Жив,— порешил он так,— не буду,—
Для счастья общего не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!»
В ночную темь, по рвам, по кочкам, по бурьяну
Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.
Там, место выискав под старую сосной,
Три круга очертил и с верою живую
Платочек разостлал перед разрыв-травой.
Покрылся у Луки холодным потом лоб,—
То в жар его всего кидало, то в озноб,—
Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,
Он ждал чудесного цветенья.
Ждал, твердо веруя, что есть,
Есть сила дивная в волшебном, тайном цветеле!
О, если бы ему с собой тот цвет унести,—
Перевернул он все б на свете!
Прибравши клады все к рукам,
Он их бы роздал беднякам,—
Всем, кто морит себя работой подневольной,
Кто множит прихотью чужой число калек,
Кто к счастью весь свой скорбный век
Бредет, кряхтя, тропой окольной.
И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!
В твоих руках твоя судьба.
Злой власти богачей ты не потерпишь боле.
В запряжке каторжной уж не согнешь горба:
Под небом все — твое: вода, и лес, и поле!
Избавясь от нужды проклятой, вековой,
Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,
В трудах и в радостях друг с другом в общей доле
Жить на своей на полной воле!»
Упал в слезах Лука перед разрыв-травой,—
На сердце стало парню худо,—
От духоты ночной кружилась голова.
Тут — ровно ополночь — в лесу свершилось чудо:

В короткий миг разрыв-трава
 Пред парнем бледным и безгласным
 Вся расцвела цветеньем ясным,—
 И, словно звездочки, стал за цветком цветок
 Роняться тихо на платок.
 Крест сотворивши троекратный
 И завязавши цвет заветный в узелок,
 Батрак пустился в путь обратный.
 Идет. А сердце ёк да ёк.
 И вот — отколь взялось и где все раньше было?
 Лес грозно зашумел, зверье вокруг завыло,
 Вверху закаркало лихое воронье,
 Внизу заползали и зашипели гады:
 «Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь
 Нам прежнее житье!»
 «Зальются кровью наши клады!»
 Сжимая узелок дрожащею рукой,
 Лука все шел, а за Лукой
 Неслись вихрем ведьмы, черти:
 «Брось узел!» — «Чьей ты хочешь
 смерти?»
 «Прольется кровь!» — «Народ восстанет
 на народ!»
 «На сыновей пойдут отцы, на братьев братья!»
 Творя молитвы и заклятья,
 Лука все шел с узлом вперед.
 А вой все рос: «Куда ты?»
 «Куда ты?»
 И стали обгонять тут батрака солдаты:
 «Прощай! За клады нас всех гонят умирать!»
 Навстречу им — другая рать.
 Сошлись. Блеснул огонь. В тела вонзились пики.
 Покрылось поле все кровавой пеленой.
 Вокруг Луки неслись проклятья, стоны, крики:
 «Ты нашей гибели виной!»
 Тут наважденье все вмиг, как рукой, убрало.
 Глядит Лука: никак, уж солнце заиграло
 Над деревушкою родной!
 Но не успел еще он отойти от страху,
 Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
 Да плетью по руке как стеганет с размаху!

Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.
Опомнившись, батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит, перед ним нет ни врага, ни цвета:
Все тот же темный лес, и никого кругом;
Все та ж глухая ночь, и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья! В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой — клеветою,
Ужели дрогнем мы, отступим хоть на шаг?
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?
Пусть заклеимила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон на нас враги насели,—
Что ж! Мы покажем им, что наша мощь жива,
Что все еще в руках у нас разрыв-трава —
Вождами нашими указанные цели,
Что, наподобие Луки,
Мы духом не падем, надежд не похороним,
Что под ударами не разождем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть все решит борьба!..

II

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слышать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?»
«Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,

Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем как след,
Что нам в пользу, что — во вред?
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры —
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

III

Три недели ждали Тита.
«Вот, поди ж ты, волокита!»
Толковали так и сяк:
«Тоже дело не пустяк —
В день не справишься, понятно!»
Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В нетерпении великом
Все кругом кричали криком.
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика:
«Не томи ты, ради бога!»
«Нас брала уже тревога!»
«Чуть не месяц пропадал!»
«Где ты был и что видал?»

IV

«Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво. —
Дайте узел развязать,
Есть тут, что вам показать.

Вот газеты. Вот книжонки.
Не на ваши все деньжонки,
Не эсеры дали, нет.
Большевицкий Комитет!
Об эсерах что калякать —
Не народ, а просто слякоты!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подпевают живоглотам,
Все выходит, как по нотам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

У

Был я в ихнем совещанье,
Даже плюнул на прощанье!
Все про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.
Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на все махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой.
Грабят барские пожитки,
Разбирают все до нитки;
Жгут помещичьи дома,—
Вот она, какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Все спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.

Бунтом пахнет. Есть приметы,
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

VI

«Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло. —
Рвань там всякая мутит!»
«Ладно. Спрячься! — молвил Тит. —
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От эсеров этих нам:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью съякшались,
На «порядке» помешались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То-бишь «рвань», чтоб не «мутила»,
По указочке ходила,
По указочке б жила,
Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,
Слушать бредни надоело,
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

VII

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе
Обучалась наукам,
Благородным всяким штукам,
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц, —
Пышный выводок дворянский.

Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего все это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
«Кто такой? Зачем? Откеда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют, — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда, —
Чуда, бунта — все равно:
Бунтовать бы нам давно!

VIII

«Ну, пора и возвращаться». —
Стал со Смольным я прощаться.
Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.
Как деревня ни темна, —
Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.

С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получают,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

IX

Дальше шло, как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде всё — своя родня,
И родня, сказать не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень неглупа.
Не видал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходит, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речи полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!
Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода.
Дел партийных — миллион,
То ж Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про «массу»,
Про рабочие «низы»
И «предчувствие грозы».
Мне не очень-то понятно,
Слушать все-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!
Прямо диву я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:

«Вот-де, я не раскусил,—
Хоть кой-что смекаю смутно,—
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж всё народ каков?
Не под стать ли он, к примеру,
Толстозадому эсеру?..»
«Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь,—
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить,
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!
Дай ей жить иль душу вон,
Но чтоб был на все закон!»
«Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно.
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

XI

«Меньшевик — иное дело,
Он орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,
Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост,—
Остается только хвост;

Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконоом,
Доказал-де очень ясно,
Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Все придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд,
Скорбь, нужда, болезни, муки,
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет,
И... без бою все возьмет,
Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй — холодный труп:
Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок.
Ну, какой отсель урок?»

ХИ

«Шутишь, Маша, ты, наверно!—
Отвечал я так, примерно. —
Ждать, чтоб этот капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти,—

Пусть его глотают черти!
Это что ж? На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать,—
И задержка, мыслю, в малом! —
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет прока,
Коль подохнет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!»
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
«В бок ножом, и вся недолга!»
«Вот она, родная Волга!»
Кто-то даже так вскипел,—
«Стеньку Разина» запел!

ХIII

Дали тут мне книг три пуда.
Маша...
«Дрянь она! Паскуда! —
Рявкнул Пров на всю избу.—
Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здесь!»
И, поклона не отвеса,
Взором злым окинув всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,

Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый...»
Поп глядел, как очумелый:
«Что стряслося, говори?»
«То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы,—
Небылицы — ерунда! —
Нет, все правда, вот беда:
Говорит, подлец, такое...
Дня нельзя провести в покое:
Жди несчастья каждый час.
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку».
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с винцом),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:
Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти:
«Знамо, надо донести!»

XIV

П о х о р о н ы

У буржуев шумный пир,—
Ну и пир.
Всех повесить, кто за мир! —
Кто за мир?

Поднялся веселый крик,—
Ну и крик:
Умер, умер большевик! —
Большевик?
Со святыми упокой! —
Упокой?
Шевелит мертвец рукой! —
Ох, рукой!
Большевик открыл глаза! —
Ой, глаза!
Неужель опять гроза? —
Да, гроза!

Барские слезы
(Побывальщина)

Как во славном было городе, во Питере,
Как на славной было улице Суворовской,
Против дому ли того да против Смольного
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
«Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,
Навсегда, мое житье, ты миновалось.
Все богатства мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины,
По рукам пойдут мужицким, по мозолистым,
Беднотою неумытою поделятся.
Ох ты, горюшко мое, ты, горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилось,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное, навеки трижды проклято!
Чтоб ты в землю без остатку провалилось!
Что пригрело ты смутьяна неуменого,
Главаря всей чернокостной буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,

Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову — Сладкопевцу Дарданельскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконою чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжальтесь над нашей барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!»
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Все пойдет по-стародавнему, попрежнему:
Не владеть крестьянам пахотью помещицей,
Не видать голодной рвани вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

XV

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между нами,
Стих марать их именами.
Но, чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался.
Но откуда он взялся?
От эсеров, вот откуда!
Легковеры ждали чуда:
Адвокат, мол, говорлив,

Говорлив, да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит, станет за народ.
Вышло ж все наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богачи ж — не знал холоп —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:
«Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудить хочу я сам!»
Адвокатик, взывши матом,
С просьбой слезною к солдатам:
«Помогите! Караул!»
Поднялся в казармах гул:
«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

XVI

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию собирал:
«Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство не мило,
Бунтарей не догромило.
Канителить неча зря.
Погуляли без царя!»

Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

XVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я под беду
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*

Трудовой народ в бою.
Час назад еойска шли мимо,
Видел Ваню я и Клима,
Может быть в последний раз.

П р о щ а н и е

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

25 октября
19— 17 г.
7 ноября

Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простилися, ребятки;
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.
Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жив еще покуда
И, буржуям на беду,
С вами речь опять веду.
Да, на чем я кончил, кстати?
Прсв Кузьмич скулил у бати,
Поминая бабкин квас:
«Жди несчастья каждый час!»

«Жди несчастья». Ненароком
Оказался Пров пророком:
Скоро впрямь стряслась беда,
Вроде «Страшного суда».
В день «Косьмы и Дамиана»
Вышло солнце из тумана,
Сквозь узорное стекло
В церковь луч свой навело.
В церкви уймища народу.
Поп кропило тычет в воду.
Окропивши всех водой,
Батя, бледный и худой,
И приметно спавши с тона,
«Братья! — речь повел с амвона.—
Сообщу вам злую весть:
Дней тому примерно шесть,
К нашей общей всей досаде,
Приключился в Петрограде
Вновь большой переворот:
Большевистский всякий сброд,
Мразь фабричная, матросы,
Словом, всякие отбросы
(Чтоб им, иродам, пропасть!)
Захватили в руки власть.
Первым подлым их декретом
То, что было под запретом
И в веках освящено,
Все как есть отменено.
Все помещичьи именья,
Монастырские владенья
И церковные — равно —
Все теперь уравнено,
Все, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, потрянув, промолвил: «Вон!»
Тит взобрался на амвон!..

З а к л ю ч е н и е

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
«Большесвистском Октябре».
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Все, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!
Про «Ивана» сказ народный:
Дескать, он «дурак» природный,
Потому «дурак» большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит,—

Не боярам, не царям,—
Что всегда он смел и прям.
Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.
Но иное повелось:
«Умных» много развелось —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема, ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно.
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.
Что мы стоим без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:
Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так намедни
Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То-бишь, с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.

Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар, что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки.
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не все ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинёт
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу,
Но... помещицью землю,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,
Пусть, как хочет, нами правит.
Нам — землю! А права...
Это все нам трын-трава!»
Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.

У него — назад оглядка.
Он устал от «беспорядка»:
Не дают ему жевать
То, что он успел «урвать»;
Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — «Иван-дурак»!

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы,—
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспрашайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребятаки,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?

Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.

Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.

Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалось оно,
Нынче спаяны в одно;
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужавший молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик,
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,
Канцелярский воротила,
Промотавшийся кутила,
Золотушный князь, барон,—
Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская,
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна

И на пакости проворна,
А все пакости ее:
Оголтелое вранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство!—
В том все тлиное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Все равно, японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,
С чертом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб идти на нас войной.
С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?
— Деревенский живоглот!
Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей,
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,

Он успел пограбить славно.
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерма ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум — вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез.
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Примечания, помещенные непосредственно
под текстом произведений, сделаны автором.*

В настоящий том входят поэтические произведения, написанные Демьяном Бедным до Великой Октябрьской социалистической революции, а также стихотворные прибавления к ним, относящиеся к более поздним годам. Отдельные стихотворения, печатавшиеся в периодических изданиях 1915—1917 годов и затем включенные автором в повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю», даны в тексте повести, которая приводится полностью в конце настоящего тома. Из произведений дооктябрьских лет в последующие томы отнесены: в том III — шесть басен и эпилог первый цикла «Дерунов 1001-й», поскольку весь цикл был завершен автором в 1922 году; в том V — статьи и письма.

Весь материал расположен в хронологическом порядке — по годам, а внутри их — по датам написания произведений; эти даты определены как авторскими указаниями в текстах, так и временем опубликования стихов (которое, впрочем, для некоторых произведений дореволюционного периода не всегда близко ко времени написания; все эти расхождения оговорены в примечаниях).

«Басни Эзопа», над которыми Д. Бедный работал на протяжении двух с половиною лет (1914—1916) и которые во всех изданиях выделялись им в особый цикл, даны в специальном разделе, который следует за стихотворениями 1916 года.

Большинство текстов печатается по последнему прижизненному собранию сочинений поэта, подготовленному к изданию при его личном участии (Д е м ь я н Б е д н ы й, Собрание сочинений в одном томе, ред. А. А. Волков, Гослитиздат, М. 1937; ниже для краткости именуем его «однотомник 1937 г.»); тексты, не вошедшие в это собрание, даются по другим, наиболее поздним авторизованным сборникам Демьяна Бедного и по отдельным томам его собрания сочинений (именовавшегося «Полным собранием сочинений», но доведенного

лишь до января 1932 г.), выходившим в Гиз (позднее — в ГИХЛ) с 1926 по 1933 год. Тексты, не вошедшие ни в один из авторизованных сборников, приводятся по первопечатным изданиям.

При воспроизведении текста полностью сохранены сделанные автором шрифтовые выделения (курсив, разрядка), а также включенные им в текст подзаголовки, эпитафьи и сноски. Внутри тома стихотворения не датируются, так как все сведения относительно их написания, времени и места первой публикации даются в примечаниях. Исключение сделано лишь для стихотворений тех или иных лет, позднее дописывавшихся Д. Бедным. В этих случаях все авторские датировки в тексте сохраняются.

В примечаниях приводятся наиболее существенные разночтения последних авторизованных публикаций с первопечатными текстами. Перепечатки и переиздания указываются лишь в отдельных случаях.

Большинство произведений поэта, появившихся в печати, было подписано псевдонимом «Демьян Бедный». Все случаи, когда при публикации текстов были использованы другие псевдонимы (Мужик Вредный, Яким Нагой, Солдат Яшка — медная пряжка, Друг сердечный, Иван Заводской и др.) или подлинная фамилия автора (Е. Придворов) оговорены в примечаниях. В примечаниях даны необходимые сведения, касающиеся содержания текста.

Все даты до 7 ноября 1917 года указаны по старому стилю.

1908

С т р е в о г о й ж у т к о ю... (стр. 31).— Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство», 1909, № 1, январь, за подписью «Е. Придворов», вместе со стихотворением «Под новый год», написанным на ту же тему.

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931.

«Русское богатство» — журнал либерально-народнического направления, выходивший под редакцией В. Г. Короленко. Всего в этом журнале с января 1909 по июнь 1910 г. было напечатано четыре стихотворения Д. Бедного.

С ы н о к («Есть у меня сынок-малютка...») (стр. 32).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1911, № 35 22 декабря, хотя написано было еще в 1908 г.

В газете по цензурным условиям не могли быть опубликованы последние 13 строк стихотворения, которые были восстановлены автором в послереволюционных изданиях. Помещение этого стихотво-

рения послужило одной из причин наложения штрафа на редактора газеты (см. прим. к стихотворению «Праздник»).

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931.

«Звезда» — легальная большевистская газета, издававшаяся в Петербурге с 16 декабря 1910 г. по 22 апреля 1912 г. Деятельность «Звезды» направлялась из-за границы В. И. Лениным. Весной 1912 года во время пребывания в Петербурге газетой непосредственно руководил И. В. Сталин. Продолжением «Звезды» была «Невская звезда», выходявшая по октябрь 1912 г.

О сотрудничестве Д. Бедного в «Звезде» см. прим. к стихотворению «О Демьяне Бедном, мужике вредном».

П и с ь м о и з д е р е в н и (стр. 34).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Песни прошлого», изд. Петросовета, 1919.

В стихотворении есть автобиографические мотивы: в нем отразились переживания автора, вызванные известием о смерти его деда, крестьянина-бедняка Софрона Придворова. Образ деда Софрона стал излюбленным образом беседчика и рассказчика в произведениях Д. Бедного периода гражданской войны.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

1 9 0 9

Н е п р и м и р и л с я — н е т! (стр. 36).— Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство», 1909, № 12, декабрь, за подписью «Е. Придворов».

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931, где стихотворение ошибочно датировано 1910 годом.

О Д е м ь я н е Б е д н о м , м у ж и к е в р е д н о м (стр. 37).— Стихотворение предназначалось для журнала «Русское богатство», но было отклонено редакцией как противоречащее идейному направлению журнала. Опубликовано было лишь полтора года спустя в «Звезде», 1911, № 18, 16 апреля, под рубрикой «Маленький фельетон», за подписью «Е. Придворов».

Этим произведением началось сотрудничество Д. Бедного в большевистской печати. Имя героя стихотворения стало сначала товарищеским прозвищем автора, а затем и его псевдонимом. «..Однажды,— вспоминает работавший в «Звезде» Н. Г. Полетаев,— придя к нам в типографию он принес небольшое, но очень звучное стихотворение с подписью: «Демьян Бедный — мужик вредный»; следующий его приход мы уже встретили возгласом: «Демьян Бедный идет!» Так эта кличка за ним и осталась, а впоследствии он стал

ею подписываться под своими произведениями» («Октябрь», 1928, № 5, стр. 164). В «Звезде» и «Невской звезде» было напечатано свыше 50 стихотворений Демьяна Бедного и несколько его публицистических статей.

Текст стихотворения «О Демьяне Бедном...», печатаемый нами по одному тому 1937 г., содержит разночтения с первоначальной редакцией. Наиболее существенны изменения, внесенные автором в 4-ю, 5-ю и 6-ю строфы, которые в начальной редакции имели следующий вид;

«Грит, не возьмем — само не свалится, —
Один конец, грит, для крестьян.
Над мужичками черт ли сжалится».
Демьян, Демьян!

Сам становой примчал в Неелово,
И рвет и мечет: «Где смутьян?
Сгною... Не взвидит света белого!»
Ох, брат Демьян!

«Что?.. Бунтовать?.. Вперед закается!
Связать... Убрать... Отправить в стан!..
Узнаешь там, что полагается!..
Ась, брат Демьян!

Изменения в первоначальный текст были внесены автором при подготовке книги: Д. Бедный, «Песни прошлого», П. 1919 (2-е изд. 1920 г.). В этой книге стихотворение получило также другое название («Касьян»), соответственно было изменено имя героя. В последующих изданиях автор, печатая этот измененный текст, вернул, однако, стихотворению его прежнее название, а герою — его прежнее имя.

1910

Ч уд н ы х т р и п е с н и... (стр. 39). — Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство», 1910, № 6, июнь, под названием «Три песни», за подписью «Е. Придворов».

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931.

П р а з д н и к (стр. 40). — Впервые опубликовано в «Звезде», 1911, № 35, 22 декабря, под рубрикой «Маленький фельетон», значительно позднее времени его написания (1910), обозначенного автором в последующих изданиях. За напечатание в этом номере стихотворений «Праздник» и «Сынок», а также других материалов на редактора газеты был наложен штраф.

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931.

Бывает час: тоска щемящая... (стр. 42).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 22, 25 марта.

Эпиграф взят из стихотворения Ф. Тютчева «*Silentium!*», *Silentium* — молчание (лат.).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

1911

Сонет (стр. 44).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1911, № 21, 7 мая, за подписью «Е. Придворов». В связи с отмечавшимся в 1936 г. двадцатипятилетием деятельности Д. Бедного в большевистской печати стихотворение это было перепечатано в «Правде», 1936, № 137, 20 мая, и одновременно в «Литературной газете», 1936, № 29, 20 мая, вместе с другими стихотворениями, под общей рубрикой «Ранние стихи Демьяна Бедного».

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931.

Ночной порой, когда луна... (стр. 45). — Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 6, 2 февраля, за подписью «Е. Придворов». Как и предыдущее стихотворение, воспроизведено в «Литературной газете», 1936, № 29, 20 мая, откуда и печатается текст.

Тщетно рвется мысль... (стр. 46).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 14, 4 марта, за подписью «Е. Придворов».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Молчи!» (стр. 47). — Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 19, 18 марта, за подписью «Е. Придворов». Этот номер «Звезды» был конфискован властями.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Не стало пламенных бойцов... (стр. 48).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 25, 3 апреля, за подписью «Е. Придворов».

Текст печатается по книге «1905 год», ГИХЛ, 1931.

Когда наступит срок... (стр. 49).— Впервые эта басня опубликована в «Правде», 1917, № 21, 30 марта. Написанная в 1911 г. и вначале озаглавленная «Шпага и топор», она на протяжении шести лет не имела доступа в печать. «В моей книге,— сообщал Д. Бедный критику П. Мирецкому по поводу книги «Басни», 1913 г.,— нет нескольких басен — «Шпага и топор», «Сурок и хомяк», «Свеча»...» (письмо от 23 апреля 1913 г., опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1935, № 5, стр. 129. Ниже письма к П. Мирец-

кому цитируются без ссылок). В указанном номере «Правды» басня была напечатана с послесловием, датированным «27 марта 1917 г.». С тем же послесловием воспроизведена в книге: Демьян Бедный, «Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни», изд. «Прибой», П. 1917. Последние четыре строки («И чертыхались враги...») написаны после Октябрьской революции и воспроизводились во всех последующих публикациях.

Первоначальный текст и первоначальное название басни устанавливается по рукописи, с которой басня была опубликована в сборнике «Пролетарские поэты» (большая серия «Библиотеки поэта», Л. 1936, т. II, стр. 187—189). В этом тексте после слова «Топор» (строка 70) содержались строки, отсутствующие в окончательной редакции:

Взглянуть-то на тебя: ну, право, жабоколка,
По мне — что шпага, что иголка:
При случае, коли сгребу
Да сгоряча хвачу обухом,
Единым духом
Перешибу!

Вместо четырех строк, начинающихся словами: «Слуга твой верный — штык», в первоначальной редакции стояли строки:

Сосед твой по стене, муштрованный дурак
Тесак,
Кто и на ком его, коряжину, не тупит!

Далее — вместо слова «колет» стояло «лупит». Есть и другие, менее существенные разночтения.

Основные образы басни были использованы Бедным в стихотворении «Набат», написанном в дни напряженных боев против белогвардейцев (сентябрь 1919 г.).

Враг опьянен безумною отвагой,
Идет к концу неразрешенный спор,
В последний раз с дворянской тонкой шпагой
Скрестили мы наш боевой топор.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

1912

К у к у ш к а (стр. 53). — Впервые с подзаголовком «басня» опубликовано в «Звезде», 1912, № 12, 23 февраля.

В 1912 году отмечалось столетие со дня рождения А. И. Герцена. Эта дата была использована либералами для гнусной фальси-

фикации образа великого демократа, которого они стремились выдать за либерала. «Чествует его,— писал в апреле 1912 года В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена»,— вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 9). Басня Д. Бедного написана в связи с выступлением одного из лидеров кадетской партии Ф. И. Родичева, который пытался отождествить идеи Герцена с программой русской либеральной буржуазии.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

19 февраля (стр. 54).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 14, 4 марта, откуда и печатается текст.

19 февраля (1861) — дата царского манифеста об отмене крепостного права. В 1911 году исполнилось 50-летие манифеста. «Царское правительство,— писал В. И. Ленин,— отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы».

Разъясняя далее смысл манифеста, В. И. Ленин писал: «Пресловутое «освобожденце» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насильий и сплошным надругательством над ними... Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забытым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управленни, и в школе, и в земстве» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 93—95).

«Звезда» в 1911—1912 гг. напечатала ряд материалов о крестьянской реформе, в том числе и стихотворение «19 февраля».

Звезда (стр. 55).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 15, 8 марта. За опубликование этого стихотворения номер газеты был конфискован.

Существуя на «легальных» основаниях, «Звезда» подвергалась постоянным репрессиям со стороны цензуры и властей. Из 95 номеров «Звезды» и «Невской звезды», вышедших в 1910—1912 гг., 36 номеров были подвергнуты арестам, а за материалы, опубликованные в двух номерах, редакция была оштрафована.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

«Т р и б у н» (стр. 56).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 17, 13 марта, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Маклаций — В. А. Маклаков, адвокат, член Государственной думы, деятель правого крыла кадетской партии. Выступая в Думе с либеральными демагогическими речами, он одновременно за большие гонорары защищал в суде финансовых тузов, совершавших уголовные преступления.

О т ц ы и д е т и (стр. 58).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 19, 18 марта.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

Меньшиков М. О. — махровый реакционер, один из ведущих сотрудников реакционно-монархической газеты «Новое время».

Митрофанушка — персонаж комедии Д. Фонвизина «Недоросль».

Б л а г о т в о р и т е л ь (стр. 59).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Звезде», 1912, № 20, 20 марта.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Х о з я и н и б а т р а к (стр. 60).— Первые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Звезде», 1912, № 21, 22 марта, под рубрикой «Маленький фельетон», со следующей концовкой, снятой автором в позднейших изданиях:

Щепнул бы на ушко я кой-кому:
Хозяев много я таких видал на свете.
Посмотришь — Еремей! А по уму,
Ну, так и кажется, ему
Быть в Государственном совете!

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Н а р о д н и к» (стр. 62) — Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Звезде», 1912, № 24, 1 апреля. Написано в связи с подготовкой к выборам в 4-ю Государственную думу, происходившим в 1912 году. В газете текст сопровождался эпиграфом:

«Если исключить ссылки на аграрную программу... то во всем остальном почти не найдется ни одной черты, которая... не могла бы быть повторена в заявлениях партии народной свободы.

(«Р е ч ь» о конференции трудовиков.)»

Басня содержала также «мораль»:

Кадет! Нет басни без морали,
Поостерегся б ты, ей-ей, трудовика!

Эпиграф и «мораль» были сохранены автором при перепечатке текста в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913, и сняты во всех последующих изданиях.

Текст печатается по одготомнику 1937 г.

«Речь» — орган кадетов, партии крупной буржуазии и помещиков, именовавшей себя «партией народной свободы».

Трудовики — мелкобуржуазные крестьянские демократы, которые колебались между кадетами и большевиками. В. И. Ленин в 1912 г. писал, имея в виду трудовиков, что необходимо «помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контрреволюционных кадетов, а не только против правых...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 37).

Дума — Государственная дума, ограниченное в правах представительное учреждение в России, созданное царским правительством в ходе буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и просуществовавшее с 1906 по 1917 год. Подавляющее большинство в думе принадлежало представителям буржуазно-помещичьих партий. И. В. Сталин в статье «Тронулась!..» (газета «Звезда», 1912, № 32, 19 апреля) писал, что Россия «...нуждалась в народном парламенте, — а преподнесли ей господскую Думу, Думу Пуришкевича и Гучкова» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 237). Дума имела своей задачей сплотить буржуазию и помещиков, подавить революцию и сохранить власть в руках царского самодержавия.

«Д и в о» (стр. 63). — Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 26, 5 апреля, с подзаголовком «басня».

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

Под *Андрюхой* в басне подразумевается писатель-декадент Леонид Андреев. Об этом свидетельствует концовка, содержащаяся в первопечатном тексте басни:

Писатель так иной — шумит, гремит, грозит:
Твореньем новым он полсвета поразит!
Ан, смотришь, кончилась нахвалка делом плевым,
Примерно — «Сашкой Жигулевым».

Концовка эта заменена автором другой (и сохранена в окончательном тексте стихотворения) при перепечатке басни в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913. Там же восстановлена строка: «Зато деревню всю впрямь удивил Андрюха», отсутствовавшая в тексте «Звезды», вероятно, по техническому недосмотру.

«Сашка Жигулев» — повесть Л. Андреева, в которой дана извращенная картина революционного движения в деревне.

Л е н а (стр. 65).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 27, 8 апреля. Газета открывалась сообщением, напечатанным крупными буквами и взятым в траурную рамку: «На ленских приисках убито 270, ранено 250».

Расстрел царскими властями рабочих золотых приисков в Сибири всколыхнул всю Россию. «На ленский расстрел пролетариат ответил массовыми забастовками, демонстрациями и митингами в Петербурге, Москве, во всех промышленных центрах и районах... Ленские события показали, что революционные силы живы, что в рабочем классе накопилась огромная масса революционной энергии» («История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, стр. 141).

В день шестилетия ленских событий стихотворение «Лена» за подписью «Е. Придворов» и с эпитафией (отсутствующим при первой публикации) опубликовано вторично («Правда», 1918, № 76, 17 апреля).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

О п е к у н ы (стр. 66).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение. Вошло в книгу: Д. Бедный, «Басни», П. 1913.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Г у м а н н о с т ь (стр. 68).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 29, 12 апреля, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня». При перепечатке в сборнике «Басни», П. 1913, из текста был исключен эпитаф, восстановленный автором в последующих изданиях.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Л и с и й Н о с — место на берегу Финского залива под Петербургом, где царское правительство приводило в исполнение смертные приговоры над революционерами.

П р и т о н (стр. 70).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Звезде», 1912, № 30, 15 апреля. С послесловием 1918 г. приведено в книге: Демьян Бедный, «Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни», Гиз, М. 1920.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Н и т ь м а, н и с в е т (стр. 72).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 31, 17 апреля, без заголовка, под рубрикой «Маленький фельетон», за подписью «Е. Придворов».

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

Так было и так будет — слова, которыми царский министр внутренних дел Макаров ответил на запрос социал-демократической фракции в Государственной думе по поводу Ленского расстрела рабочих.

Издававшаяся в Москве либерально-буржуазная газета «Утро России» в статьях, названных в эпиграфе, выразила недовольство действиями царского министра.

Полна страданий наших чаша... (стр. 73).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 1, 22 апреля, за подписью «Е. Придворов».

В связи с двадцатилетием сотрудничества Д. Бедного в большевистской печати стихотворение было воспроизведено в «Литературной газете», 1936, № 29, 20 мая (в подборке «Ранние стихи Демьяна Бедного»), откуда и печатается текст.

«Правда» — ежедневная легальная большевистская газета, основанная в 1912 г. по инициативе Петербургских рабочих.

«Массовая рабочая газета «Правда» родилась вместе с новым подъемом революционного движения. 22 апреля (5 мая по новому стилю) 1912 года вышел ее первый номер. Это было настоящим праздником для рабочих. В честь появления «Правды» было решено считать 5 мая днем праздника рабочей печати» («История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, стр. 144). Стихотворение Д. Бедного, опубликованное в этот день, отражало настроения революционного подъема.

Газета (стр. 74).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 4, 26 апреля, под рубрикой «Маленький фельетон».

«Правда» непрерывно подвергалась репрессиям и запрещению. С 1912 по 1914 год она запрещалась восемь раз, каждый раз возобновляясь под новым названием. Упоминаемые ниже «Путь правды», «Правда труда», «За правду», «Трудовая правда», «Рабочий», «Рабочая правда», «Северная правда» — наименования, под которыми «Правда» выходила после запретов. В канун первой мировой войны (июль 1914 г.) петербургское охранное отделение закрыло газету и арестовало многих ее сотрудников.

См. на ту же тему стихотворения «Вещунья», «Из книги бытия рабочей газеты», «Продолжение».

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Опека (стр. 75).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 7, 29 апреля, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня»; через несколько дней перепечатано в газете

«Невская звезда», 1912, № 4, 8 мая. В газетных редакциях басня имела следующий эпиграф:

«Ведающий санитарное состояние С.-Петербурга, профессор Губерт, стоя во главе благотворительного общества «Капля молока», присваивал себе деньги, которые отпускались для бесплатной раздачи молока детям городской бедноты — детям матерей с высохшими грудями, — отнимал у умирающих малюток пищу.

(Из газет.)»

В тексте за словами «сиротскую корову» следовала такая концовка:

Грешно не попенять на подлость мужика,
Но все ж она ничто пред подлостью господской:
Тех негодяев, чья так жадность велика,
Что бес корезит их пред каплей молока сиротской.

В книгах Д. Бедного «Басни», П. 1913, «Правда и Кривда», П. 1919 (1920), и в ряде последующих эпиграф и концовка были сняты (исключение составляет I том собрания сочинений 1930 г., где был воспроизведен эпиграф).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«С о ю з н и к и» (стр. 77).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 9, 3 мая, спустя три дня перепечатано в газете «Невская звезда», 1912, № 3, 6 мая.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912 — 1914 гг.», 1932.

«Союзники» — члены «Союза русского народа», основанной в 1905 г. по инициативе дворянства и духовенства погромно-черносотенной организации, субсидированной царским правительством и опиравшейся в своей деятельности на отсталые слои городского мещанства, всякого рода деклассированные элементы. Целью этой организации была борьба с революционным движением, осуществлявшаяся методами насилия и прямого бандитизма. В частности, стремясь отвлечь внимание трудящихся от классовой борьбы, «Союз русского народа» выступил инициатором еврейских погромов (см. также басни «Гастролер», «Убийца» и др.).

П р а в д а, К р и в д а и К о п е й к а (стр. 78).— Впервые опубликовано в «Невской звезде», 1912, № 2, 3 мая.

Текст печатается по книге «Главная улица», 1930.

«Газета-копейка» — бульварная газетка, приносившая своим владельцам доход главным образом рекламой низкого пошиба. Издавалась в Петербурге с 1908 г. Дешевую по цене и убогую по со-

держанию газетку буржуазные издатели пытались распространять среди рабочих.

«Довольно с нас господства буржуазной «Копейки!» — писал В. И. Ленин в июле 1912 года.— Довольно царила беспринципная торгашеская газетка. Рабочие Петербурга показали в какие-нибудь полгода, каким громадным успехом могут сопровождаться совместные рабочие сборы. Пусть их пример, их почин не пропадет даром. Пусть разовьется и окрепнет обычай *рабочей копейки на рабочую газету!*» (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 18, стр. 180.)

См. также стихотворения «Тереха» и «Газета-копейка».

П о ю т (стр. 79).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 10, 4 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня».

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

Р ы б о л о в ы (стр. 81).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 18, 20 мая. В газетной редакции концовка басни предшествовали строки, позднее опущенные автором:

Поставим точку тут.
Друзья меня поймут!
На нашу жизнь и на свободу
Ярится не один проклятый рыболов!

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Басня направлена против меньшевиков-ликвидаторов, которые стремились свернуть рабочее движение с ленинского пути.

Нырни поглубже в воду — намек на необходимость укрепления нелегальных форм революционной работы, за «ликвидацию» которых ратовали меньшевики.

К а ш е в а р ы (стр. 83).— Впервые опубликовано в «Невской звезде», 1912, № 6, 22 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня». При помещении басни в книгах: «Басни», П. 1913 и «Правда и Кривда, басни», Гиз, П. 1919 (1920), эпиграф и концовка (последние две строки), содержащиеся в первопечатном тексте, были сняты. В последующих изданиях они восстановлены автором.

Басня при первой же публикации вызвала раздраженный отклик на страницах меньшевистско-ликвидаторской газеты «Невский голос», которая в редакционной заметке от 17 августа 1912 г., направленной против «Правды», требовала отменить в газете «кашеварную автономию писателей из «Звезды», имея при этом в виду прежде всего Д. Бедного.

Текст печатается по однотомнику 1937 г. с исправлением допущенной в этом издании опечатки в эпиграфе, где вместо «Невский голос» стояло «Новый голос».

П о д ж и г а т е л и (стр. 85).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 22, 25 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Зубатовщина — система организованных в 1901 г. по инициативе начальника московской охранки Зубатова «обществ», целью которых было отвлечь рабочих от революционной борьбы. В своей басне Д. Бедный сравнивает с зубатовщиной новые позднейшие формы полицейских и иных провокаций, направленных против трудящихся.

П о р о д а (стр. 87).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 25, 29 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

С ы н о к («Помещик прогорел...») (стр. 89).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 29, 2 июня, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня». Стихотворение имело следующую концовку, шедшую за словами «для разору»:

«Ах ты, щенок. Ах, озорник!
Птиц божьих не жалеть — куда как грех велик»,—
Так было начал петь купчина,
Да вдруг, ослабившись, умолк.
И мыслит про себя: «А вправду молодчина
Сынок-то у меня. С мальчонки будет толк».
То-бишь, толкую я, купец в довольстве грубом
Так думал: мол, сынок в количестве сугубом
Усвоил жадность с молоком:
Был тятка кулаком,
Сын будет душегубом!

При перепечатке в книге: Д. Бедный, «Басни», П. 1913, эта концовка была снята, а в последующих изданиях заменена пятью заключительными строками приводимого нами текста.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П е с (стр. 90).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 30, 3 июня.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

Сбраз «пса» (жеребца) — сатирическое изображение штрейк-брехеров, срывавших забастовки рабочих.

Работница (стр. 92).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 34, 8 июня, за подписью «Е. Придворов».

Текст печатается по книге: «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Правдолюб (стр. 93).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 36, 10 июня.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Волк (стр. 94).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 51, 28 июня, затем перепечатано в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913, где басня имела следующее начало:

У пастухов про волка разговор.

За словом слово — глядь! — уж вышел жаркий спор.
От спора далеко ль до драки?

Дерутся пастухи, за ними вслед — собаки!

«Вот это толк,

Вот это мне и надо!» —

Ликует волк,

Прокравшийся в овечьей шкуре в стадо.

Затем шли слова «Взобравшись на бугор...» и далее, как в приведенном тексте. Концовка басни начиналась словами: «Намедни в «Земщину» пришлось мне заглянуть», исключенными автором из последующих изданий вместе с указанным выше зачином.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

«Земщина» — погромно-черносотенная газета.

Сватовство (стр. 96).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 54, 1 июля.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Под *прогрессисткой* имеется в виду так называемая «прогрессивная партия», представлявшая интересы буржуазии и выступавшая на думских выборах в блоке с кадетами.

Тереха (стр. 97).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 57, 5 июля.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Биржевка — «Биржевые ведомости», буржуазная газета бульварного типа, связанная с биржевыми кругами столицы. Беспринципность и продажность газеты сделали ее название нарицательным.

Речь — см. прим. к стихотворению «Народник».

Союз арапов (стр. 99).— Впервые опубликовано в «Звезде», 1912, № 16, 8 июля.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

«У б и й ц а» (стр. 100).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 60, 8 июля.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Навет в убийстве «ритуальном» — имеется в виду провокационная затея царского правительства, организовавшего в 1912 г. в Киеве суд над евреем Бейлисом по обвинению его в ритуальном убийстве. Под давлением широкого общественного протеста суд вынужден был вынести Бейлису оправдательный приговор.

«В е щ у н ь я» (стр. 102).— Опубликовано в «Невской звезде», 1912, № 17, 15 июля, откуда и печатается текст.

«Россия» — реакционная газета, имевшая связь с царской охранкой.

Л е т о (стр. 103).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 67, 17 июля.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Ингул — река, на берегу которой находится деревня Губовка, б. Херсонской губернии, где родился поэт.

П о л к а н (стр. 105).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 72, 22 июля, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Г и п н о т и з е р (стр. 106).— Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 84, 5 августа, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня». Написано в связи с выборами в IV Государственную думу как ответ на попытки буржуазно-помещичьих партий склонить на свою сторону избирателей-крестьян.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Б л а г о д а р н о с т ь (стр. 108).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Правде», 1912, № 89, 12 августа, перепечатано в журнале «Вестник приказчика», 1912, № 14, 15 декабря, и в книге «Басни», П. 1913.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Д о м (стр. 109).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Невской звезде», 1912, № 21, 12 августа; с послесловием 1919 года, но без эпиграфа, воспроизведено в «Правде», 1919, № 155, 17 июля.

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где послесловие ошибочно датировано 1920 г.

Л а п о т ь и с а п о г (стр. 113).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Невской звезде», 1912, № 22, 19 августа.

Басня является откликом на столыпинскую земельную реформу, которая привела к массовому разорению крестьян. В. И. Ленин называл эту реформу «помещичьей ломкой» общинного строя, которая «...означает насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 420).

В деле петербургского комитета по делам печати об издании газеты «Невская звезда» опубликование басни «Лапоть и сапог» квалифицировалось как нарушение Уголовного уложения, ибо — как указывалось в донесении цензора — она призывает крестьян к объединению, «как это уже сделали рабочие», и к «открытому сопротивлению» властям. Донесение также отмечало, что «в этой басне автор возбуждает крестьян сплотиться, подобно рабочим, и противодействовать правительству, а то и воевать с ним, если оно будет вводить реформы среди крестьян, подобные отрубной, которая приводит их к окончательному разорению».

При перепечатке в сборнике «Басни», П. 1913, вся вторая половина стихотворения от слов «спервоначалу нам беда...» до конца была изъята цензурой, что и дало повод автору в письме к П. Мирецкому от 13 февраля 1913 г. отметить, что в его басне «сапога-то и нет».

В первопечатном тексте фигурировал второй эпитаф, в сборнике «Басни», П. 1913 — первый, в публикациях советского времени Д. Бедный давал оба эпитафа.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Предвыборное положение (стр. 115).— Опубликовано под рубрикой «Маленький фельетон» в «Невской звезде», 1912, № 23, 26 августа, откуда и печатается текст.

Коробка Н.— буржуазный критик и публицист, выступавший с нападениями на большевиков на страницах буржуазной прессы.

«Запросы жизни» — буржуазный журнал. О нем В. И. Ленин писал М. Горькому: «Станный, между прочим, журнал,— ликвидаторски-трудовическо-вехистский» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 30). И. В. Сталин в статье «Беспартийные чудачки», опубликованной в «Звезде» 15 апреля 1912 г., разоблачил попытки этого журнала скрыться под маской «беспартийности». «И этот орган беспринципных людей,— писал товарищ Сталин,— собирается читать лекции социал-демократам о тактике на выборах в IV Думу?» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 231.)

Кускова — буржуазная публицистка, сотрудница журнала «Запросы жизни», в прошлом — представительница «экономизма».

«Речь» — см. прим. к стихотворению «Народник».

Х о р о в о д (стр. 116).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, № 8, август.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

«Современный мир» — буржуазный журнал, который был использован Д. Бедным в качестве легального средства опубликования своих произведений. В журнале эпизодически печатались также М. Горький, А. Серафимович, В. Вересаев, А. Чапыгин.

Басня вошла в книгу: Д. Бедный, «Басни», П. 1913. В журнале и в книге басня сопровождалась эпитафией:

«Кадеты вступили в блок с прогрессистами и октябристами, последние — с националистами, националисты — со всей черной сотней.

(Из газет.)»

В первопечатном тексте после слов «торг до срока» содержались также строки:

Чины, помещики, попы
И прочий пегий сброд — что говорить!— столпы
И мудрецы. А все — покрепче Фока!
И ей-же-ей, из всей лихой толпы,
То-бишь из «блока»,
Не будет прока.

Эта концовка, равно как и эпитафия, была снята в последующих изданиях.

Б а н я (стр. 118).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

На новых выборах — имеются в виду выборы в Государственную думу.

С в и н ь я (стр. 120).— Впервые опубликовано в «Невской звезде», 1912, № 25, 9 сентября.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

В басне высмеяна система школьного образования в царской России; в образе *свиньи* показаны царские чиновники, ведавшие воспитанием юношества в школах.

Парадный строй— насмешка над казенщиной и военной муштрой, насаждавшимися в учебных заведениях.

Г а с т р о л е р (стр. 122).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, № 9, сентябрь, где текст сопровождался эпитафией, снятым автором в последующих изданиях:

«Предвыборный доклад члена Гос. думы В. Пуришкевича в Харькове закончился целым рядом карманных краж.

(«Р е ч ь», 8.IV, 1912.)»

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Пуришкевич В. М.— монархист-черносотенец.

Союзник — см. прим. к стихотворению «Союзники».

П и т о м н и к (стр. 124).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, №№ 9 и 10, август, сентябрь.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

В последних строках стихотворения — намек на судьбу рабочих депутатов II Государственной думы, которые после роспуска думы были преданы суду и сосланы в Сибирь.

К л а р н е т и р о ж о к (стр. 128).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, № 10, октябрь.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

В е н ч а н и е в д е р е в н е (стр. 129).— Впервые, под названием «Невесты», опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение; затем — в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913. Стихотворение содержало следующую концовку, опущенную автором в последующих изданиях:

Быть может, заслужил Пахом свой тяжкий крест.
За что ж, читатель, мы несем его с тобою?
Куда ни кинешься, отбою
Нет от предвыборных невест,
И в их толпе неисчислимой
Не видно ни одной желанной и любимой.
В тяжелый час
Прет спереди на нас
И особливо справа
Какая-то распутная орава.
На этом бы хоть кончилась беда!
Так нет, лишаешь стыда,
У нас и поп, сказать не к месту,
Сойти желает за невесту!

Заголовок «Венчание в деревне» дан стихотворению при перепечатке его в книге: Демьян Бедный, «Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни», изд. «Прибой», П. 1917.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П о д х а л и м и ю л а (стр. 131).— Впервые опубликовано в журнале «Вестник приказчика», 1912, № 3, 10 ноября, откуда и печатается текст.

Стихотворение является откликом на выборы в IV Государственную думу, происходившие осенью 1912 г.; опубликовано за пять дней до открытия Думы.

Гучков А. И. — глава буржуазно-помещичьей партии «октябристов», бывший председатель III Государственной думы, впоследствии — министр Временного правительства.

Размахнулся б я басней задорною... (стр. 132). — Впервые опубликовано в «Правде», 1912, № 166, 11 ноября, под названием «Записка», под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Ж у к и к р о т (стр. 133). — Впервые, под названием «Шарик», опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, № 11, ноябрь, затем — в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913. В обоих изданиях басня содержала иную концовку (следовавшую за словами «шарик из навоза»):

Что у навозного жука
Столь пошлость вкуса велика —
Не мудрено: у Сологуба
Она — сугуба.

Басня имела в виду выступление реакционного буржуазного писателя-декадента Ф. Сологуба с пасквилем против Горького, напечатанным на страницах кадетской газеты «Речь» (эпизоды из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», где выведен некий писатель Шарик, под которым подразумевался М. Горький). Об этом сообщалось в эпиграфе к басне, снятом автором из последующих изданий вместе с приведенной концовкой.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

Э с т е т и к (стр. 135). — Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, № 11, ноябрь. Текст сопровождался эпиграфом, снятым автором в последующих изданиях:

«Убеждения эстетические выше и необходимее убеждений политических.

(Из газеты.)»

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

Л о ж к а (стр. 137). — Под названием «Телушка» впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1912, № 12, декабрь, вместе с баснями «Опекун» и «Гастроном», под общим заголовком «Сытые и голодные». Название «Ложка» дано басне при перепечатке ее в кооперативном журнале «Объединение», 1913, № 13, 27 июля.

В газетной редакции басни содержалась следующая концовка:

С моралью незачем, читатель, торопиться.
Рискованно... Мы ж риску не хотим.
Ведь нынче миссия большая у телушки:
Переливать в российские полушки
И пфеннинг и сантим.

Басня разоблачала хищнический вывоз скота из России, где большинство деревенского населения голодало, отдавая за недоимки «последнюю телушку». На связь басни с этими фактами намекал и эпиграф, где было приведено лицемерное заявление в Думе представителя министерства финансов о том, что якобы «смешно говорить об опасности вывоза скота». При перепечатке стихотворения в книге «Басни», П. 1913, и других сборниках эпиграф и концовка были сняты автором.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

О п е к у н (стр. 139).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Г а с т р о н о м (стр. 141).— Впервые опубликовано там же, где и два предыдущих стихотворения.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Л и ц е д е и (стр. 142).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913. Написано, как и два последующих стихотворения, в 1912 году.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

Urbi et orbi — городу и миру (*лат.*).

П а р и (стр. 144).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Сытый голодного не разумеет. Басни», изд. «Жизнь и знание», П. 1917.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

Б у н'т у ю щ и е з а й ц ы (стр. 145).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Правда и кривда. Басни», изд. «Прибой», П. 1918. Басня высмеивает буржуазных либералов.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

1 9 1 3

С и л у я н (стр.146).—Впервые опубликовано в большевистском журнале «Просвещение», 1913, № 1, январь, выходявшем в Петрограде в 1912—1914 гг. По поручению В. И. Ленина литературно-художественным отделом в журнале руководил М. Горький

(см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 57). В этом журнале было опубликовано 15 стихотворений Д. Бедного.

Первопечатный текст стихотворения содержал концовку, следовавшую после слов «был... конокрадом!» и впоследствии отброшенную автором:

С моралью басенка ясней.
Есть и у нас мораль, но... знаете... бог с ней!
Сановный Силуян не очутился б рядом!

Текст печатается по книге «Главная улица», 1930.

В о р ы (стр. 147).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

«А д м и н и с т р а т о р» (стр. 149).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1913, № 1, под названием «Дворник». Под тем же названием помещено в книге: Демьян Бедный, «Басни», П. 1913.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

О п е к у н а стар ы й л а д (стр. 151).— Впервые под заглавием «Клим» опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение. Вошло в книгу: Д. Бедный, «Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни», изд. «Прибой», П. 1917.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Розанов В. В.— реакционный публицист, сотрудник черносотенной газеты «Новое время».

С в е ч а (стр. 153).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 2, февраль.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Читатель... помнишь ли те дни... — октябрьские дни 1905 года, прошедшие в обстановке шумихи, организованной либеральной и монархической прессой, по поводу «манифеста 17 октября», который на поверку «заместо сотенной свечи» оказался «копеечным огарком». Направленность басни против «высочайшего манифеста» была отмечена как цензором, по донесению которого номер журнала «Просвещение», где была напечатана басня, подвергся конфискации, так и прокурором, выступившим на судебном процессе против редактора журнала.

Факт преследования, возбужденного против большевистского издания и его редактора за публикацию этой басни, был отмечен В. И. Лениным в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения», написанной в июне 1913 г. Ленин упомянул в этой статье о басне Демьяна Бедного, «...за которую «Просвещение»

оштрафовали, а редактора его засадили в тюрьму» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 120). В письме к П. Мирецкому от 23 февраля 1913 г. Д. Бедный назвал басню «Свеча» в числе произведений, которые не могли быть включены в сборник «Басни» 1913 г. по цензурным соображениям.

«Н а т у р а л и с т» (стр. 155).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1913, № 2, февраль. С послесловием 1918 года напечатано в книге: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумей», П. 1919.

Текст печатается по книге «Главная улица», 1930.

В басне речь идет о бывшем нижегородском губернаторе, а впоследствии царском министре А. Хвостове, известном своими злоупотреблениями и развратом.

При Керенском — при буржуазном Временном правительстве в 1917 г.

О с л ы (стр. 157).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 4, апрель, а с послесловием 1919 года — в книге: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумей. Пролетарские басни», Гиз, М. 1919. Первоначальный текст после строки «Экзамен выдержан прекрасно!» содержал следующую концовку, позднее снятую автором:

И это — спросят — суд?

— Ослиный. Очень ясно.

Но — скажут: — так судить — купить кота в мешке.

Узнали: у осла хваленого в башке

Есть хоть на грош смекалки?

Друзья! Здесь истина дается нам сама:

Кто ж ищет у осла ума?

Ослы умны — лишь из-под палки.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

У р о ж а й (стр. 159).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 5, май.

Текст печатается по книге «Церковный дурман», Гослитиздат, 1938.

У т е ш е н и е («Средь суеты дневной...») (стр. 160).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Луч» — ежедневная меньшевистская газета, издававшаяся в 1912—1913 гг.

«С в о б о д а» п е ч а т и (стр. 162).— Впервые, под названием «Из дневника», опубликовано в журнале «Современный мир», 1913, № 5, май, в разделе «Сатиры».

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

«Новое время» — реакционно-черносотенная газета, поддерживавшая самодержавие.

Проект нового «Устава о печати» был разработан в 1913 г. министерством внутренних дел с целью усиления гонений на демократическую и оппозиционную прессу.

А з б у к а (стр. 164).— Впервые опубликовано в «Правде», 1913, № 128, 6 июня.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П р е д п р а з д н и ч н о е (стр. 166).— Впервые опубликовано в «Правде», 1913, № 130, 8 июня, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня», без эпиграфа. В I томе собрания сочинений 1930 г. ошибочно помещено в разделе стихотворений 1914 года.

В письме к П. Мирецкому от 24 июня 1913 г. Д. Бедный намекал, что он вынужден многое недоговаривать в своих баснях, во избежание конфискаций газеты. «Тяжело,— писал он,— выносить конфискацию за конфискацией (см. мою басню «Предпраздничное»).

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

М у р а в ь и (стр. 167).— Впервые опубликовано в «Правде», 1913, № 142, 23 июня, под рубрикой «Маленький фельетон», с подзаголовком «басня»; затем — в газете «Путь правды», 1914, № 65, 19 апреля (с ссылкой на «Правду» от 23 июня 1913 г.).

Продолжением этой басни служит басня «План». Тема обеих басен — поддержка рабочими большевистской газеты. Упоминание первого дня газеты как «дня рабочей вольной мысли» имеет в виду объявление дня выхода первого номера «Правды» — днем рабочей печати. Посылая текст для перепечатки в газете «Донская жизнь», Д. Бедный писал сотруднику этой газеты, критику П. Мирецкому: «Басня — в силу тяжелой темы, широкого охвата — велика. Надо было нарисовать целую картину. Это почти уже и не басня. Просто — аллегорический призыв рабочих поддержать в тяжелое время свою газету... А дела у «Правды» доведены до крайности».

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где басня ошибочно датирована 1914 годом.

П а у к, м у х а и п ч е л а (стр. 170).— Впервые опубликовано в «Рабочей правде», 1913, № 2, 14 июля, под рубрикой «Маленький фельетон», под названием «Мухомор» и с эпиграфом:

«Планомерность!» — «Петиции!» — «Коалиции!» — «Остерегайтесь стачечного азарта!»

Из ликвидаторских воплей».

У басни была также другая концовка, следовавшая за словами «ты сдуру начала...»:

...Нелепую «культурную» затею!
С какими планами ты лезла к лиходею?
«Ох,— муха чуть жужжит.— Ох, Пчелка, холодею!
Ты не брани меня сплеча...
Я начиталась «Луча»...
И гибну... за его... убогую... идею...»
Про паука не все могу сказать я вслух.
Но ликвидаторам скажу: «морочьте мух,
Но не сбивайте с толку
Рабочую и чуждую вам Пчелку».

С послесловием 1918 г. стихотворение напечатано в книге: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумей. Пролетарские басни», Гиз, П. 1919.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Х о з я и н (стр. 172).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Рабочей правде», 1913, № 9, 23 июля.

За опубликование басни номер газеты подвергся конфискации, ибо, по словам цензора, «такого рода изображения возбуждают в среде рабочих чувства непримиримой ненависти и вражды по отношению к хозяевам».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Г о р е м ы к а (стр. 173).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Рабочей правде», 1913, № 11, 25 июля.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Г о л ь (стр. 175).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Рабочей правде», 1913, № 15, 30 июля.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Н е т а к , т а к э т а к... (стр. 177).— Впервые опубликовано в «Рабочей правде», 1913, № 16, 31 июля.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

К л о п (стр. 179).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1913, № 7, июль.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Б л а г о д е т е л ь» (стр. 180).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 7—8, июль — август.

В донесении цензора по поводу этого номера журнала указывалось, что автор басни «Благодетель» призывает «к классовой борьбе рабочих и приказчиков с хозяевами и предпринимателями»,

в чем было усмотрено нарушение уголовного уложения. Номер журнала был конфискован.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Иные времена (стр. 181).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 3, 3 августа.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Недоумение (стр. 183).— Опубликовано под рубрикой «Маленький фельетон» в «Северной правде», 1913, № 4, 4 августа, откуда и печатается текст. Эпиграф — из стихотворения Н. А. Некрасова «Газетная», где говорится о приемах, с помощью которых удавалось обходить рогатки цензуры.

Переносится действие в Пизу —
И спасен много томный роман!

Пиза — город в Италии.

Свои козыри (стр. 184).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 6, 8 августа, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Речь (стр. 185).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 7, 9 августа, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Эпитафия «России» (стр. 186).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 9, 11 августа, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Россия — см. прим. к стихотворению «Вещунья».

И подавилась бутербродом — имеется в виду продажный характер газеты, ее прислужничество перед царской властью («бутербродными» называли продажных писателей).

Газета-копейка (стр. 187).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 9, 11 августа, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Газета-копейка — см. прим. к стихотворению «Правда, Кривда и Копейка».

Наш путь (стр. 188).— Впервые опубликовано в газете московских большевиков «Наш путь», 1913, № 1, 25 августа, под рубрикой «Маленький фельетон», перепечатано в «Северной правде», 1913, № 23, 29 августа.

При помещении басни в книгу: Демьян Бедный, «Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни», изд. «Прибой», П. 1917, она сопровождалась следующим послесловием, датированным 1917 г.:

Писавши это все в 13-м году,
Не оказался ль я пророком?
Но басня и теперь для кой-кого — я жду —
Изрядным может быть уроком.

В следующем издании этой книги (Гиз, М. 1920), а также во всех позднейших публикациях стихотворения послесловие было снято.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Т о в а р и щ а м м о с к в и ч а м (стр. 190).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 25, 31 августа, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

А д м и н и с т р а т и в н ы й «С о л о м о н» (стр. 191).— Впервые опубликовано в «Северной правде», 1913, № 26, 1 сентября, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Е р ш и и в ь ю н ы (стр. 192).— Впервые опубликовано в газете «Наш путь», 1913, № 10, 5 сентября, где басня сопровождалась эпиграфом, позаимствованным из «Северной правды», 1913, № 24, 30 августа. Как сообщалось в эпиграфе, в ответ на очередную вылазку меньшевиков-ликвидаторов «рабочая масса весьма недвусмысленно наемкнула ликвидаторам, что ей с ними не по пути». Ликвидаторы изображены в басне под видом *вьюнов*.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П р о г р е с с и в н а я м о ш н а (стр. 194).— Опубликовано в газете «Наш путь», 1913, № 11, 6 сентября, откуда и печатается текст.

«П р и в ы ч к а» (стр. 195).— Опубликовано под рубрикой «Маленький фельетон» в «Северной правде», 1913, № 30, 6 сентября, откуда и печатается текст.

Ц е н з о р (стр. 196).— Опубликовано под рубрикой «Маленький фельетон» в «Правде труда», 1913, № 2, 12 сентября, откуда и печатается текст.

«Русская правда» — древнейший памятник русского права, ранняя редакция которого относится ко времени княжения Ярослава Мудрого (XI в.).

«Правда труда» — одно из названий, под которым выходила большевистская «Правда».

Москвичам (стр. 197).— Впервые опубликовано в «Правде труда», 1913, № 3, 13 сентября. Большевистская газета «Наш путь» просуществовала всего 19 дней. Из вышедших за это время шестнадцати номеров двенадцать было конфисковано (см. стихотворение «Товарищам москвичам»). 12 сентября 1913 г. газета была закрыта властями.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Долой! (стр. 198).— Впервые опубликовано в «Правде труда», 1913, № 3, 13 сентября.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Зараза (стр. 199).— Впервые опубликовано в «Правде труда», 1913, № 15, 27 сентября, под рубрикой «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Пробуждение (стр. 200).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 9, сентябрь.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

Предусмотрительность (стр. 202).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1913, № 9, сентябрь.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

План (стр. 203).— Впервые опубликовано в газете «За правду», 1913, № 1, 1 октября, со сноской «Продолжение басни — «Муравьи». В первоначальной редакции последняя строка стихотворения читалась: «Я объясню потом!»

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Вьюны (стр. 205).— Впервые без последних четырех строк опубликовано в «Правде труда», 1913, № 19, 8 октября. Стихотворение посвящено той же теме организации рабочего страхования, что и помещенная вместе с ним басня «Щука и ерши». Под *вьюнами* имеются в виду ликвидаторы.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Щука и ерши (стр. 206).— Впервые, под названием «Страховка» и без последних четырех строк, опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение, и перепечатано в журнале «Вопросы страхования», 1913, № 2, 2 ноября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Бадаев А. Е. — большевик, депутат Государственной думы.

Литвинов-Фалинский — чиновник министерства торговли, ведавший вопросами «рабочего» законодательства.

Молоко (стр. 208).— Впервые, под заглавием «басня», опубликовано

ликовано в газете «За правду», 1913, № 21, 27 октября, перепечатано в журнале «Вопросы страхования», 1913, № 2, 2 ноября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Д р у з ь я м (стр. 209).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 11, ноябрь.

Текст печатается по I тому собрания сочинений, 1930.

В о л к - п р а в и т е л ь (стр. 211).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 12, декабрь, с подзаголовком «басня» и сноской: «Сюжет позаимствован из сборника «Материалы для изучения быта русского населения», составленного Шейном, т. 1, стр. 262, сказка № 123 «Баран и волк». Сказка вошла в книгу: Демьян Бедный, «Пирог да блин», изд. «Жизнь и знание», П. 1917.

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

К л а д (стр. 214).— Впервые опубликовано в журнале «Просвещение», 1913, № 12, декабрь. Вошло в книгу: Демьян Бедный, «Диво дивное и другие сказки», изд. «Жизнь и знание», П. 1916 (цензурное разрешение книги датировано 4 ноября 1915 г.) и с послесловием — в переиздание этой книги (изд. ВЦИК, М. 1919), где послесловие датировано 1918 годом.

Текст печатается по книге «Сказки», 1930, где сказка ошибочно датирована 1914 годом.

С у д (стр. 218).— Впервые, под названием «Дятел, лиса и щегол» и с подзаголовком «сказка», опубликовано в журнале «Современный мир», 1913, № 12, декабрь. Вошло в книгу: Демьян Бедный, «Пирог да блин», П. 1917.

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

Что судит, дескать, щегловито — имеется в виду царский министр юстиции, один из столпов самодержавия, крайний реакционер Щегловитов. См. также прим. к стихотворению «Щегол».

Б у д и л ь н и к (стр. 222).— Стихотворение, повидимому, не могло получить доступа в печать по цензурным соображениям. В нем отражен действительный факт ареста Д. Бедного на улице, произошедший в Петербурге 19 февраля 1913 г. При аресте полицией был изъят будильник, принятый за адскую машину.

Стихотворение опубликовано в I томе собрания сочинений, 1930, откуда и печатается текст.

Ч е р т о в щ и н а (стр. 224).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Сказки», изд. «Прибой», П. 1917. Написано в 1913 г. Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина «Бесь».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

В с я к о м у с в о е (стр. 229).— Опубликовано в книге:

Демьян Бедный, «Всякому свое. Басни», изд. «Прибой», П. 1918. Стихотворение это, написанное в 1913 г., является ответом на брошенное тогда буржуазной печатью обвинение рабочим газетам в том, что они не печатают бульварно-развлекательного материала.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

З о н о к (стр. 230).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Сказки», изд. «Прибой», П. 1917.

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

1914

П и р о г да б л и н (стр. 234).— Впервые опубликовано в харьковской газете «Утро», 1914, № 2255, 16 марта, где поэт начал сотрудничать, как он указывал в одном из писем к П. Мирецкому, «по соображениям предусмотрительного свойства: на случай вынужденного отрясения столичного праха от ног моих». Отдельное издание, со включением нескольких других произведений поэта,— Демьян Бедный, «Пирог да блин», изд. «Жизнь и знание», П. 1917.

Первопечатный текст имел следующее название: «Жерновцы, или чудодейственный корректив крестьянского землеустройства (старая сказка с новой присказкой)» и сопровождался ироническим посвящением:

«Его превосходительству действительному статскому советнику, управляющему крестьянским земельным банком Степану Степановичу Хрипунову — в память «степановского разорения», движимый особыми чувствами, почтительнейше посвящаю».

В концовке после слов: «Ведь сказка не нова», стояла споска: «См. народные русские легенды А. П. Афанасьева, изд. 1914 г. Легенда № 33».

Последним двум строкам стихотворения в первопечатном тексте соответствовали следующие строки:

Боюсь, чтоб не нашли пути к такой приманке
В Крестьянском поземельном банке.
Чтоб Хрипунов, польстясь на блин да на пирог,
Не отнял жерновов и не прогнал бы взащей
Героев сказки нашей
Из их же собственной избенки за порог!

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

Ч т о в е р н о , т о в е р н о ! (стр. 237).— Опубликовано в «Пути правды», 1914, № 41, 20 марта, откуда и печатается текст.

Мартов, Дан — лидеры меньшевиков.

Р а б о ч и м (стр. 238).— Опубликовано в «Пути правды»,

1914, № 42, 21 марта, откуда и печатается текст. Написано в связи с массовыми отравлениями рабочих на петербургских заводах. Рабочие дали резкий отпор провокаторам, пытавшимся обвинить в этих отравлениях самих рабочих и пустившим слух о якобы существующем среди рабочих «комитете отравителей». В знак протеста против тяжелых условий труда, вызвавших отравления, в Петербурге происходили забастовки, сопровождавшиеся столкновениями с полицией. См. также стихотворение «И там и тут...».

И там и тут... (стр. 239).— Впервые опубликовано в «Пути правды», 1914, № 43, 22 марта.

В беседе с молодыми писателями 25 февраля 1931 г. Демьян Бедный говорил: «...если бы вы меня спросили, какое из своих произведений я считаю наиболее удачным, я назвал бы маленькое — в четыре строки — стихотворение *«И там и тут»*. Оно было написано мною в 1914 году, в те дни, когда в Петербурге на некоторых заводах произошли случаи массового отравления рабочих, особенно на свинцово-белильных фабриках. Это вызвало бурные рабочие демонстрации на улицах. Царское правительство ответило на демонстрации свинцовыми пулями. По этому поводу я написал исключительно дерзкое четверостишие, а старая «Правда» не побоялась его напечатать, хотя в нем шла речь фактически о вооруженном отпоре царским усмирителям. Призыв к боевому отпору должен был, однако, в целях уклонения от цензурно-административных громов, *лишь чувствоваться* в словесной структуре стихотворения, а сами слова не должны были заключать в себе никакого «криминала». Для этого я заключил стихотворение выражением, с которым всегда ассоциируется жест, жест отчаянной удалы, когда надо биться, потому что все равно пропадать, «один конец!». Стало быть, внешне простое словесное оформление приобретало неуловимую для цензурной придирки, однако совершенно ясную боевую динамику, удалой жест» (Д. Б е д н ы й, «Вперед и выше», 1933, стр. 16—17).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Д о б р ы е («Какой-то филантроп...») (стр. 240).— Впервые, под названием «Трава» и с подзаголовком «басня», опубликовано в «Пути правды», 1914, № 44, 23 марта, с эпитафией, состоящим из двух газетных сообщений:

«А. И. Гучков внес в благотворительную комиссию городской думы заявление относительно представления срочного... доклада о суммах, которые необходимо городу ассигновать на организацию благотворительной помощи беспризорным.

(«Новое время», 22 марта.)»

«Свыше 60 000 рабочих выкинуто локаутом за ворота фабрик. Простая совесть должна сказать людям: остановитесь, что вы делаете? Нельзя с легким сердцем обречь людей на голод и страдание!»

(Из передовицы «Р е ч и.»)

Первопечатный текст содержал также «мораль», следовавшую за словами «куда погуще!»:

Когда сочувственным киваньем головы
Гучков, иль Милоков, иль типы в этом роде
Изображают скорбь о трудовом народе,
Я думаю: для нас не жалко им... травы!

В книге: Демьян Бедный, «Сытый голодного не разумеет», изд. «Прибой», П. 1918, и во всех последующих изданиях стихотворение публиковалось без эпиграфа и «морали».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Гучков А. И.— см. прим. к стихотворению «Подхалим и юла».

Милоков П. Н.— лидер кадетской партии.

З м е я... (стр. 241).— Впервые опубликовано в «Пути правды», 1914, № 50, 30 марта.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Марков Н. Е., Пуришкевич В. М.— реакционеры-черносотенцы, депутаты Государственной думы.

К у р ы (стр. 242).— Впервые опубликовано в харьковской газете «Утро», 1914, № 2274, 6 апреля, с подзаголовком «сказка», который сопровождался сноской: «Сюжет заимствован из «Русских народных сказок» А. Афанасьева, изд. 4-е, т. I, стр. 35». Без подзаголовка и сноски текст воспроизведен в книге: Демьян Бедный, «Диво дивное и другие сказки», изд. «Жизнь и знание», П. 1916. С послесловиями 1918 г. сказка помещена в переиздании этой книги (изд. ВЦИК, М. 1919). Второе послесловие имело в виду попытку финляндской буржуазии, в страхе перед революцией, установить самодержавную власть.

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

Д и в о д и в н о е (стр. 247).— Впервые опубликовано в «Пути правды», 1914, № 56, 9 апреля, с подзаголовком «сказка» и сноской: «Сюжет позаимствован из академического «Сборника материалов для изучения быта и языка русского народа», сост. П. Шейном, т. II, стр. 165, сказка № 79. Отдельное издание с приложением сказок «Клад» и «Куры»: Демьян Бедный, «Диво дивное и другие

сказки», изд. «Жизнь и знание», П. 1916, с послесловием 1918 г. сказка напечатана в переиздании этой книги (изд. ВЦИК, М. 1919).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Из книги бытия рабочей газеты (стр. 253).— Впервые опубликовано в «Пути правды», 1914, № 73, 29 апреля, под рубрикой «Маленький фельетон». Подписано инициалами «Д. Б.». См. также стихотворение «Продолжение». О преследованиях «Правды» см. стихотворения «Газета», «Вещунья».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Продолжение (стр. 254).— Впервые опубликовано в «Пути правды», 1914, № 74, 30 апреля. См. предыдущее стихотворение.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Май (стр. 255).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Пути правды», 1914, № 75, 1 мая.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Слепой и фонарь (стр. 256).— Впервые опубликовано в «Пути правды», 1914, № 77, 4 мая, под рубрикой «Маленький фельетон», под названием «Темный фонарь» и с подзаголовком «басня». Вместо приведенной в настоящем томе концовки басня имела следующую:

Так ликвидаторы хотят уверить нас,
Что их фонарь горит марксистским чистым светом.
А много ль правды в этом?!
В их темном фонаре давно уж свет погас.

В окончательной редакции публикуется начиная со сборника: Демьян Бедный, «Всякому свое. Басни», Гиз, П. 1919—1920.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1930.

Еvet, effendim! (стр. 257).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Пути правды», 1914, № 81, 9 мая. Опасаясь цензурных преследований, автор изобразил в этой басне под видом Турции царскую Россию.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Вилайет — административно-территориальная единица в Турции.

Вали — правитель вилайета.

Представительный совет — Государственная дума.

Али-Родзя — Родзянко М. В., председатель Государственной думы, один из лидеров буржуазно-помещичьей партии октябристов.

Бойцы за черный люд — рабочие депутаты Думы, подвергавшиеся преследованиям как внутри Думы, так и вне ее.

К у п и д о ш а (стр. 259).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Трудовой правде», 1914, № 1, 23 мая, где текст сопровождался эпиграфом:

«Пес является во всех отношениях собакой годной для полицейской службы: смелый, послушный, жизнерадостный.

(«Вестник полиции», статья о собачем питомнике.)»

Эпиграф снят автором в книге: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумей», П. 1919, и в последующих изданиях.

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

Унтер Пришибеев — персонаж одноименного рассказа А. П. Чехова. Имя этого персонажа стало синонимом грубой полицейской власти.

Г о р е - к у з н е ц (стр. 260).— Впервые опубликовано в газете «Рабочий», 1914, № 4, 25 мая, с подзаголовком «сказка» и со сноской: «См. народную сказку «Барин-кузнец» в книге «Крепостное право в народной поэзии».

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.», 1932.

К р ы с ы (стр. 264).— Впервые опубликовано в «Трудовой правде», 1914, № 4, 1 июня, с подзаголовком «сказка» (переделано для «Трудовой правды»).

После приводимого здесь текста содержались следующие строки, позднее отброшенные автором:

Сказка так-то уж хитра ль,
Чтобы к ней давать мораль?
Правду молвить, без обману:
Нам мораль не по карману.
Да она и не в ходу:
С ней нарвешься на беду!
Нынче всюду власть забрали
Люди вовсе без морали.
Нынче боже упаси
Жить с моралью на Руси!

Текст печатается по книге «Стихи и басни 1912—1914 гг.» с восстановлением одной (12-й) строки, пропущенной, очевидно, по техническому недосмотру.

Б а к и н с к а я « д ы н я » 1 9 1 4 г о д а (стр. 270).— Опубликовано в «Трудовой правде», 1914, № 11, 10 июня, откуда и печатается текст.

Стихотворение является откликом на всеобщую забастовку

бакинских нефтепромышленных рабочих, начавшуюся 28 мая 1914 г. и вызвавшую широкий резонанс по всей стране.

«По о с н о в е!» (стр. 271).— Опубликовано в «Трудовой правде», 1914, № 11, 10 июня, откуда и печатается текст.

Максвелльцы — рабочие фабрики Максвеля в Петербурге.

А д м и н и с т р а т и в н ы й ю м о р (стр. 272).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1914, № 6, июнь, в разделе «Эпиграммы».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

З а к о н н и к и (стр. 273).— Впервые, под названием «Древенская идиллия», опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по книге «Главная улица», 1930.

Ч и ж - т р е з в е н н и к (стр. 275).— Впервые опубликовано там же, где и два предыдущих стихотворения.

Текст печатается по книге «Церковный дурман», Гослитиздат, 1938.

М о к е е в д а р (стр. 278).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни», изд. «Прибой», П. 1917.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К р о в н о е (стр. 279).— Опубликовано в книге: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумея», изд. «Прибой», П. 1917.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П т и ц ы (стр. 280).— Впервые опубликовано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 3, март. Написано стихотворение летом 1914 г. и является одним из первых откликов Д. Бедного на империалистическую войну 1914—1917 гг.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

П у ш к а и с о х а (стр. 281).— Впервые опубликовано в кооперативном журнале «Объединение», 1914, № 17, 12 декабря. Вновь напечатано в 1916 г. в журнале «Жизнь для всех», № 1, январь, раздел «Басни Демьяна Бедного». Место и время написания басни («август 1914 г., под Люблином») впервые обозначены автором при перепечатке в книге «Всяк Еремей про себя разумея. Пролетарские басни», изд. «Прибой», 1917.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

В ц е р к в и (стр. 282).— Пока найдена только одна газетная публикация этого стихотворения — в «Правде», 1921, № 272, 2 декабря, где текст дан с подзаголовком «Старый быт», снятым автором при перепечатках.

Дата написания — 1914 г.— обозначена автором при помещении текста в книге: Д. Бедный, «Старое и новое», изд. «Земля и фабрика», М.—Л. 1928.

Текст печатается по книге «Церковный дурман», Гослитиздат, 1938, где стихотворение ошибочно датировано 1924 г.

1915

«П р е д с м о т р е н н ы е» (стр. 283).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1915, № 10, октябрь, в разделе «Пестрядь. Басни и сатиры».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

К у п л е т и с т ы (стр. 284).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Щ е г о л (стр. 285).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1915, № 11, ноябрь, в разделе «Пестрядь. Басни и сатиры».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Выругал... Щегла — намек на царского министра юстиции Щегловитова.

Ф е а к (стр. 287).— Впервые опубликовано в том же номере журнала «Современный мир» и в том же разделе, что и предыдущее стихотворение.

Басня разоблачает обогащение буржуазии на военных поставках. Греческие названия государственных должностей и перенесение действия в Афины понадобились автору для обмана цензуры.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

З а к о н и «П р а в д а» (стр. 289).— Впервые опубликовано там же, где и два предыдущих стихотворения.

Редакция «Правды» была разгромлена петербургской охранкой в июле 1914 года, газета была запрещена. Фарисейская отмена репрессий по отношению к двум номерам давно прекращенной газеты послужила Д. Бедному удобным поводом для обличения царского беззакония.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

С т о л п о т е ч е с т в а (стр. 290).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1915, № 12, декабрь, в разделе «Пестрядь. Басни и сатиры», под названием «Катон».

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

Катон Старший — государственный деятель и блюститель нравов в древнем Риме.

Р а д о с т ь (стр. 292).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение, с подзаголовком «Предпраздничная», относившимся к рождественским праздникам. С послесловием 1918 г. помещено в книге «Куй железо, пока горячо», изд. 2-е, Гиз, 1920.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

А н ч у т к а - з а и м о д а в е ц (стр. 294).— Впервые опубликовано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 1, январь, в разделе «Басни Демьяна Бедного». В примечании ко II тому собрания сочинений поэта (1930) ошибочно указано, что до 1917 года стихотворение в печати не появлялось. В первоначальном тексте отсутствовали строки 28—31 («Как немцев сокрушим...» и т. д.), повидимому, не пропущенные цензурой и впоследствии восстановленные автором.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

У с ы д а б о р о д а (стр. 296).— Сказка написана в 1915 г., но получить доступ в печать до революции не могла. С послесловием напечатана в книге: Демьян Бедный, «Сказки», изд. «Прибой», П. 1917, и в расширенном переиздании этой книги: Демьян Бедный, «Сказки-складки про старые порядки», изд. ВЦИК, М. 1918.

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

1916

С т р о к и (стр. 300).— Впервые опубликовано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 1, январь, в разделе «Басни Демьяна Бедного».

Стихотворение представляет собою замаскированный протест против «деятельности» царской военной цензуры, нередко превращавшей газеты в пустые белые листы (имеются в виду цензурные изъятия из текста полос).

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

О вешней зелени, о буре — намек на революционный выход из войны.

«Ч у д о» (стр. 301).— Впервые опубликовано в журнале «Современный мир», 1916, № 1, январь, в разделе «Пестрядь. Басни и сатиры».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Д е л о х о з я й с к о е (стр. 302).— Впервые опубликовано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 3, март. Стихотворение в индифферентной форме отражает факты братания между солдатами

воюющих армий на фронтах империалистической войны. Факты эти, отмеченные в значительном количестве на русско-германском фронте в 1916 году, были выражением протеста солдатских масс против империалистической войны. В. И. Ленин, составляя в 1916 году проект предложения ЦК РСДРП Циммервальдской конференции, требовал от социалистов всех стран поддержки революционной борьбы масс, одним из проявлений которой он назвал «братанье в траншеях» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 164).

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

П о х в а л ы (стр. 303).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 9, сентябрь.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

П р о т и в у к у с а (стр. 304).— До Октябрьской революции стихотворение, повидимому, не публиковалось. Вошло, с подзаголовком «басня», в XI том собрания сочинений 1928 г., где оно датировано 1916 годом.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

У м («Вельможный некий готтентот...») (стр. 305).— Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в журнале «Новый колос», 1916, № 43—44, декабрь.

Подзаголовок и ссылки на «готтентотов» в тексте басни понадобились автору для того, чтобы провести стихотворение через цензуру.

Текст печатается по II тому собрания сочинений 1930 г., в примечаниях к которому, однако, ошибочно указано, что произведение до революции не публиковалось.

Б а т а л и с т ы (стр. 307).— Написанная в 1916 г., эпиграмма до революции, по всей вероятности, не публиковалась. Включена во II том собрания сочинений 1930 г., откуда и печатается текст.

Федоров А. М.— автор либерально-народнических романов и декадентских стихов; в 1915—1916 гг. он выступал на страницах печати с военно-шовинистическими очерками и рассказами.

Муйжель В. В.— автор ряда произведений о жизни пореформенной русской деревни («Аренда», «Год» и др.); во время войны он писал военные корреспонденции из Галиции и Польши; корреспонденции эти носили натуралистический характер и не вскрывали сущности войны.

Тиртей — древнегреческий поэт, известный своими военными песнопениями.

«М о р о к а» (стр. 308).— Написано в 1916 году. Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 4, 9 марта. Вошло в книгу: Демьян

Бедный, «Сказки», изд. «Прибой», П. 1917. С послесловием 1917 года сказка вышла в отдельном издании со включением трех других сказок — Демьян Бедный, «Морока, четыре сказочных урока», Гиз, М.—Л. 1918 («Библиотечка Демьяна Бедного»).

Текст печатается по книге «Сказки», 1930.

1914—1916

БАСНИ ЭЗОПА

(Стр. 313—332)

Цензурные гонения, достигшие невиданных размеров в годы войны, заставили Д. Бедного прибегнуть к переводам на русский язык произведений древнегреческого баснописца Эзопа. Выбором басен и незначительными изменениями концовок или отдельных строк поэт добивался злободневного политического звучания этих переводов. Например, басни «Волк и овцы», «Геракл и Плутос» возбуждали классовую ненависть трудящихся масс к угнетателям. Такая басня, как «Плакальщицы», намекала на подлинных виновников империалистического разбоя, а в ряде басен («Ответ», «Помощь») содержались намеки на взаимоотношения стран-союзниц в период мировой войны. Некоторые из этих намеков были разгаданы цензорами, не допустившими соответствующие басни к печати. Так, лишь после Великой Октябрьской революции увидела свет басня «Помощь», которая появилась в газете «Правда», 1917, № 39, 31 декабря, со следующей припиской:

Вот эта басенка — Эзопа перевод —
В бумагах у меня лежит четвертый год.
«Покойный» цензор мне черкнул на ней приписку:
«Союзицу нельзя нам оскорблять без риска».

Под «союзицей» имелась в виду Англия. Так как цензоры считали, что под видом переводов Д. Бедный сочиняет оригинальные басни, которые маскирует эзоповским языком («Знаем мы этого Эзопа!» — воскликнул один из цензоров, когда ему подали переводы, сделанные Д. Бедным), то в некоторых случаях Д. Бедный публиковал их со ссылкой на первоисточник. Так, в харьковской газете «Утро», где с 22 марта по 6 августа 1915 г. было напечатано шесть басен Эзопа в переводе Д. Бедного (одновременно несколько басен появилось в иллюстрированном приложении к этой газете), текст сопровождался примечанием: «См. «Избранные басни Эзопа», изд. Суворина, 1914».

Часть подготовленных Д. Бедным переводов басен: «Плакальщицы», «Ответ», «Колесо и конь», «Волк и овца», «Волк и лев», «Дуб и клинья», «Бог богатства», «Осел и лев», ему удалось опубликовать в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 2, февраль. Вслед за этим шесть басен было опубликовано в детском журнале «Маяк» (1916, №№ 3—11). Одна басня, предназначавшаяся для журнала «Новый колос» (1916), была снята с номера цензурой. В 1916 г. издательство «Жизнь и знание» рекламировало книгу «Эзоп. Избранные басни в переводе Демьяна Бедного. Приложение: басни Эзопа, переведенные Хемницером, Дмитриевым, Крыловым и др.». Книга эта, уже подготовленная к печати, повидимому, была также запрещена цензурой.

Текст басен «Плакальщицы», «Ответ», «Помощь», «Колесо и конь», «Волк и лев», «Волк и овца», «Дуб и клинья», «Геракл и Плутос», «Осел и лев», «Добряк», «Ум», «Гермес», «Слепой» печатается по одному тому 1937 г., остальных — по II тому собрания сочинений 1930 г.

1917

На заезде в дворе (стр. 333). — Написано в январе 1917 г., впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано во II томе собрания сочинений 1930 г., откуда и печатается текст. Эпиграф — из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа».

Т о ф у т а М у д р ы й (стр. 335). — Впервые, с подзаголовком «басня», опубликовано в «Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов», 1917, № 2, 1 марта. В этой газете, выходившей после Февральской буржуазной революции, Д. Бедный печатался до возобновления «Правды» (см. прим. к стихотворению «Власть» тосковала по «твердыне»...). Текст вошел также в книгу: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумеет. Пролетарские басни», изд. «Прибой», П. 1917. К десятилетию свержения самодержавия стихотворение было воспроизведено в «Известиях», 1927, № 60, 13 марта.

В стихотворении разоблачаются попытки царского самодержавия, опираясь на крайних реакционеров, удержать свою власть (под *злодеем Протоплутом* подразумевается царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов). Дальнейшие строки стихотворения имеют в виду свержение царизма восставшим народом и захват власти буржуазией (т. е. Февральскую революцию). Заключительная часть стихотворения — предвидение дальнейшего хода революционных событий.

Текст печатается по книге «Сто басен», 1935.

«М е с т б о л ь ш е н е т» (стр. 337).— Впервые опубликовано в «Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов», 1917, № 5, 4 марта, под названием: «Без места» (эпиграмма). Эпиграмма является откликом на манифест царя Николая II об «отречении» от престола в пользу его брата Михаила Романова, изданный 2 марта 1917 г., когда народ уже сверг самодержавие (3 марта был издан также манифест об «отречении» Михаила).

Текст печатается по XIII тому собрания сочинений 1930 г., где в сноске, однако, указана неточная дата первой публикации (5 марта 1917 г.).

«В л а с т ь т о с к о в а л а п о т в е р д ы н е»... (стр. 338).— Опубликовано в первом номере возобновленной «Правды» (1917, 5 марта).

Написана эпиграмма в связи с арестом и заключением царских министров в Петропавловскую крепость, служившую при самодержавии тюрьмой для революционеров.

Эпиграф взят из стихотворения А. С. Пушкина «На картинки к Евгению Онегину» в «Невском альманахе».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

С в а х а (стр. 339).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 2, 7 марта.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Михаил, Кирилл, Борис — члены царской фамилии. Стихотворение высмеивает попытки монархистов спасти династию Романовых.

Г о с п о д а м к л е в е т н и к а м и з б у р ж у а з н ы х г а з е т (стр. 340).— Опубликовано в «Правде», 1917, № 8, 14 марта, откуда и печатается текст.

С в о е (стр. 341).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 13, 19 марта. В основу первой части стихотворения, по всей вероятности, лег текст дореволюционной басни Д. Бедного «Сурок и хомяк», о запрещении которой цензорами автор сообщал в 1913 г. в письме к П. Мирецкому (см. прим. к басне «Когда наступит срок»).

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

«П е т е л ь к и» (стр. 343).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 24, 5 апреля.

В стихотворении речь идет о кадетях, которые при царизме были сторонниками конституционной монархии, а после февраля 1917 г. из страха перед революционно настроенным народом объявили себя

«республиканцами», хотя попрежнему оставались враждебными интересам трудящихся.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

З а ж и в о е (стр. 344).— Опубликовано в «Правде», 1917, № 27, 8 апреля, откуда и печатается текст.

Эпиграмма является ответом на вой буржуазно-черносотенной прессы, взбешенной разоблачением на страницах «Правды» реакционной политики Временного правительства.

Н а р о д н а я п р и м е т а (стр. 345).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 34, 16 апреля, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Бьюкенен — английский посол в Петрограде, оказывавший давление на буржуазное Временное правительство в целях усиления контрреволюционного курса его внутренней и внешней политики. Лидер кадетской партии *Милюков*, будучи министром иностранных дел во Временном правительстве первого состава, раболепствовал перед английским послом.

У к р е п л я й т е « П р а в д у ! (стр. 346).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 39, 23 апреля.

Газета существовала на средства, собираемые рабочими. В том же номере, где напечатано приводимое стихотворение, газета призвала своих читателей отметить День печати усилением денежных сборов на приобретение партийной типографии, вербовкой новых подписчиков и устройством бесед с солдатами о политической линии «Правды».

Преследуемая Временным правительством «Правда», как и при царизме, вынуждена была неоднократно менять свое название. Упоминаемые ниже в примечаниях: «Рабочий», «Рабочий и солдат» и «Рабочий путь» — названия, под которыми «Правда» выходила после соответствующих запретов.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Б р а т а н н е п о с л е с м е р т и (стр. 348).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 51, 7 мая.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Р а з г р у з к а (стр. 349).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 57, 14 мая, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

О ж и в а ю щ и е (стр. 350).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 82, 15 июня, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

«Единство» — меньшевистская газета, издававшаяся в 1917 г. Г. В. Плехановым.

Алиса — Александра Романова, супруга Николая II.

Князь Львов — крупный помещик, кадет, возглавлявший Временное правительство до июльских дней 1917 г.

З а е м (стр. 352).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 94, 29 июня, за подписями, приведенными в тексте.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Заем свободы был выпущен Временным правительством с целью переложить на народные массы расходы по ведению «войны до победного конца». Заем этот активно поддерживали *социал-оборонцы* (эсеры и меньшевики).

Ч у ж о е и с в о е (стр. 354).— Опубликовано в газете «Рабочий и солдат», 1917, № 11, 4 августа, за подписью «Солдат Яшка — медная пряжка». Печатается по тексту газеты.

«Рабочая газета» — центральный орган меньшевиков, выходивший с марта 1917 года.

К о о п е р а т о р ы (стр. 356).— Впервые опубликовано в «Рабочем пути», 1917, № 15, 20 сентября, за подписями, приведенными в тексте.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

М о й с т и х (стр. 358).— Впервые опубликовано в «Рабочем пути», 1917, № 17, 22 сентября, за подписью «Мужик Вредный» и под названием «Стиль». Текст сопровождался эпиграфом: «Новая жизнь» не одобряет стиля «Мужика Вредного», Демьяна Бедного тож». Стихотворение явилось ответом на выпады «Новой жизни» (меньшевистской газеты, выходившей в Петрограде с апреля 1917 г.) против Демьяна Бедного и большевистской печати. Об этом свидетельствуют и строки, составлявшие вторую часть стихотворения:

Мне так смешно, когда чувствительная дама
Из «Новой жизни» закричит...

и т. д.

Эти строки, равно как и заголовок и эпиграф, были исключены автором при помещении текста в книгу: Демьян Бедный, «Песни прошлого», изд. Петросовета, 1919. В последующих изданиях воспроизводился тот же текст, что и в книге «Песни прошлого», но с заголовком «Мой стих». Таким образом, из полемического ответа меньшевистской газетке стихотворение превратилось в твор-

ческую декларацию поэта. Отброшенные же строки приводились автором во II томе собрания сочинений 1930 г. в качестве самостоятельного стихотворения под названием «Стиль».

Текст печатается по одному тому 1937 г.

С о ц и а л - з а и к и (стр. 359).— Впервые опубликовано в «Рабочем пути», 1917, № 18, 23 сентября, за подписью «Друг сердечный». В первопечатном тексте содержался эпиграф — строки из бульварной газеты «Русская воля», которая вела клеветническую кампанию против большевиков. Басня имела также концовку, следовавшую за словами «Хозяйская, конечно, кабала!»:

Товарищи, с программой этой
Вы ознакомитесь вполне,
Поговоривши с тем, кто ищет правды в «Дне»
И упивается — «Рабочей газетой».

В книге: Демьян Бедный, «Всяк Еремей про себя разумеи», а также во всех последующих изданиях басня публиковалась без эпиграфа и без приведенной выше концовки.

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

«День» — реакционная буржуазная газета.

«Рабочая газета» — печатный орган меньшевиков.

С т р а д а н и я с л е д о в а т е л я... (стр. 361).— Впервые опубликовано в «Рабочем пути», 1917, № 19, 24 сентября, за подписью «Мужик Вредный».

Текст печатается по II тому собрания сочинений, 1930.

Корнилов Л. Г.— царский генерал, назначенный после июльских дней 1917 г. верховным главнокомандующим русской армией; в августе 1917 г. с целью подавления революции и установления военной диктатуры предпринял поход на Петроград, окончившийся полным провалом.

Песня-пародия Д. Бедного высмеивает комедию подготовки Временным правительством «суда» над Корниловым. 4, 5 и 7 октября в газете «Рабочий путь» публиковалась статья И. В. Сталина «Заговор против революции», дающая подробную характеристику заговора Корнилова и организации пресловутого «следствия». «Дело, очевидно, не в комедийном суде,— писал И. В. Сталин. — Дело в том, что после корниловского выступления, после громких арестов и «строного» следствия, власть снова «оказалась» целиком и без остатка в руках корниловцев» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 354).

Предпоследние строки стихотворения Д. Бедного использовал В. И. Ленин в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной 1 октября 1917 г.: «Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-«керенская» государственность, от которой рабочему народу в России «корнилятся и керится» вот уже больше полугода» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 81).

Первопечатный текст сопровождался рисунком, на котором был изображен следователь, допрашивающий Корнилова с оглядкой на портрет Керенского. Между приведенными 1-й и 2-й строками были еще две строфы, исключенные автором из последующих изданий (видимо, потому, что смысл их понятен только в сочетании с рисунком). Приводим их:

Упекут меня,
Друга милова.
Правду как узнать
У Корнилова?
Затаил секрет
И не кается,
На стене ж портрет
Усмехается!

См. также повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю», часть пятая, гл. XVI.

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ (стр. 362).

5 октября 1917 г. в газете «Рабочий путь» (центральный орган большевистской партии, выходивший вместо запрещенной Временным правительством газеты «Правда») появились начальные главы повести «Про землю, про волю, про рабочую долю», имевшей подзаголовок (впоследствии отброшенный автором):

Не за страх, а за совесть —
истинная повесть
Демьяна Бедного — Мужика Вредного.

Публикация сопровождалась следующей сноской: «Повесть, выдержки из которой будут помещены в «Рабочем пути», печатается полностью (до ста страниц текста с рисунками художника А. З.) в изд. «Прибой».

Повесть была задумана автором еще в период его пребывания на фронте, где он прослужил до осени 1915 г., однако обстоятельства военного времени помешали осуществить этот замысел. Фактически автор приступил к работе над повестью в июле 1917 г. и печатал ее главами с 5 октября по 13 ноября 1917 г. В газете «Рабочий путь» повесть печаталась в №№ 28, 32, 35, 37, 39, 41, 43, 44 и 46 за октябрь месяц, в «Правде» — в №№ 171, 172, 174 за ноябрь месяц. Время начала работы над повестью и дата завершения основных ее редакций — 1917, 1920 гг. — обозначена самим автором.

В первой (газетной) редакции отсутствовал ряд глав, вошедших в окончательный текст повести, не приводились стихотворения, ранее печатавшиеся в других изданиях, а некоторые из публикуемых глав давались в сокращенном виде. Так, в главе III первой части повести (нумерацию указываем по приводимому нами тексту) отсутствовали строки 14—17 и 22—27, в главе V той же части — строки 11 и след., в главе IX второй части — строки 37—40 и т. д. Повидимому, все эти строки уже имелись в рукописном тексте, ибо их отсутствие в газетной редакции обозначено точками.

Отдельной книгой повесть вышла в изд. «Прибой» с обозначением года издания на титульном листе (1917) и — на обложке (1918) (набрана и сверстана в декабре 1917 г., а выпущена в начале 1918 г., когда и отпечатана обложка). Вместо первоначального подзаголовка было дано стихотворное обращение автора:

Демьян Бедный,
Мужик Вредный
просит
братьев-мужиков
поддержать
большевиков.

В этом издании повесть состояла из двух частей, не имевших самостоятельных наименований. Она содержала 74 главы (не считая «Запева» и «Прощания»), в которых были восстановлены пропуски, допущенные в газетной редакции. Кроме того, текст был дополнен фельетонами, песнями, сказками и эпиграммами, ранее публиковавшимися в «Правде» и других периодических изданиях. В виде приложения к повести в книге были даны: извлечение из журнала «Бодрая мысль», 1914, № 10, содержащее данные о земельных богатствах царских чиновников (материал этот иллюстрировал содержание главы XV второй части), и «Краткий толковник некоторых отдельных слов, встречающихся в повести».

Текст первого издания повести не был окончательным. Впоследствии автор значительно дополнил его и переработал.

Целиком была включена в текст стихотворная повесть «Батраки», печатавшаяся в «Правде», 1918, №№ 132, 133, 135, 140, 145, 151, 154, 158, 159, 163, 173, 179, 181 (с 30 июня по 25 августа) и параллельно — в газете «Беднота», 1918, №№ 77, 78, 80, 85, 89, 91, 95, 98, 101, 104, 116, 118, 121 (с 30 июня по 22 августа). «Батраки» печатались с обозначением «деревенская повесть» и с подзаголовком: «Продолжение повести «Про землю, про волю, про рабочую долю». В перечисленных номерах газет была опубликована первая часть повести «Батраки» (вторая часть не была написана), которая впоследствии составила следующие главы повести «Про землю, про волю, про рабочую долю»: XIII—XXVIII главы первой части, XV—XIX главы третьей части, I—IX главы четвертой части, II—XIII главы пятой части. При включении в повесть «Про землю, про волю...» текст подвергся незначительным изменениям. Кроме того, двумя начальными строками была дополнена XVI глава пятой части, в которую включена и ранее отсутствовавшая в тексте песня «Барыня (окопная)». Наконец автором были написаны XVIII глава пятой части и «Заклучение», с использованием в них ряда строк повести «Батраки». Весь текст был разделен на пять частей: «Царская война», «Петроград», «Февральская революция», «Демократическое надувательство» и «Большевистский Октябрь». Этот текст и эта композиция повести были приняты для всех ее последующих изданий. Впервые в таком виде повесть вышла в конце 1920 — начале 1921 г. (первая дата — на титульном листе, вторая — на обложке) в Госиздате, Москва. В 1927 г. переиздана там же. Входила в собрание сочинений Демьяна Бедного (том II, 1930) и в сборники избранных произведений. В настоящем издании текст печатается по однотомнику 1937 г.

Часть первая

Царская война

Запев.— В газетной редакции эта глава называлась «Завет».

Песни народные (гл. I).—Здесь автором введены в текст подлинные крестьянские песни о рекрутчине. (А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. VI, П. 1900, №№ 70, 71, стр. 55, 56).

Плясовая (гл. III).—В газетной редакции имела подзаголовок «Тимошка».

Алиса — см. прим. к стихотворению «Оживающие».

По столице слухи шли... (гл. XXVII—XXVIII).— В этих главах описывается убийство Распутина, совершенное в конце 1916 г. группой монархистов, пытавшихся отстранением Распутина спасти царскую династию.

Часть третья

Февральская революция

Разоренные (гл. V). — Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 18, 26 марта.

Кочующие дармоеды (гл. VI).— Впервые басня была опубликована в «Правде», 1917, № 62, 20 мая.

Хабалов С. С. (гл. VIII) — генерал, командовавший в начале 1917 г. войсками Петроградского военного округа.

Протопопов А. Д. (гл. IX—X) — ставленник Распутина, министр внутренних дел, крайний реакционер. О нем же см. стихотворение «Тофута Мудрый».

Дно (гл. XIII) — название железнодорожной станции, на которой в 1917 г. был задержан поезд Николая II.

В бывшей Думе — толчея... (гл. XXI).— Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором на протяжении нескольких месяцев после Февральской революции хозяйничали меньшевики и эсеры, помещался до августа 1917 г. в здании бывшей Государственной думы (Таврический дворец).

Учредительное собрание (гл. XXII—XXV).— С самого начала Февральской революции русская буржуазия пользовалась лозунгом Учредительного собрания и обещанием его созыва для прикрытия своей антинародной политики. «Очевидно,— писал И. В. Сталин,— буржуазия намерена сорвать выборы в Учредительное собрание». Товарищ Сталин указывал также, что меньшевики и эсеры помогали буржуазии сорвать Учредительное собрание. «Где же та сила,— спрашивал товарищ Сталин,— которую можно будет противопоставить контрреволюционным попыткам буржуазии? Сила эта — растущая русская революция» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 359—360).

Песня о земле (гл. XXII).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 28, 9 апреля.

Бабушка Ненила (гл. XXII).— Впервые под названием «В хвосте за хлебом» опубликовано в «Правде», 1917, № 20, 29 марта. Образ бабушки Ненилы позаимствован из стихотворения Н. А. Некрасова «Забятая деревня».

Его величество — Капитал (гл. XXIII).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 51, 7 мая, за подписью «Мужик Вредный».

По бабушке (гл. XXIV).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 29, 11 апреля.

Рабочие — солдатам (гл. XXV).— Впервые под названием «Братья» опубликовано в «Правде», 1917, № 23, 1 апреля.

И едва лишь пир кровавый... (гл. XXVI).— Здесь рассказано о закрытии «Правды» петербургской охранкой в канун мировой войны (июль 1914 г.). Далее говорится о возрождении «Правды» после свержения царизма: 5 марта 1917 г. газета начала выходить как центральный орган большевистской партии. 15 марта 1917 г. в состав редакции «Правды» был введен вернувшийся из ссылки И. В. Сталин. По возвращении в Россию, с апреля до июльских дней 1917 г. (т. е. до своего перехода на нелегальное положение) руководство «Правдой» возглавлял В. И. Ленин. См. также прим. к гл. XVII четвертой части.

Под знамя «Правды» (гл. XXVI).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 34, 16 апреля. В виде отдельного стихотворения вошло в книгу: Демьян Бедный, «Читай, Фома, — набирайся ума (для юных грамотеев)», Гиз, М. 1919.

Б у к а (гл. XXVII).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 30, 12 апреля, за подписью «Мужик Вредный».

Как у питерских господ... (гл. XXVIII).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 68, 28 мая. Написано в связи с начавшимися 27 мая в Петрограде выборами в районные думы.

Часть четвертая

Демократическое надувательство

Барыня (гл. XI).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 63, 21 мая. В том же году текст выпущен отдельной брошюрой в изд. «Прибой».

Приказано, да правды не сказано (гл. XI).— Впервые опубликовано в газете «Рабочий и солдат», 1917, № 9, 2 августа, за подписью «Солдат Яшка — медная пряжка». Перепечатано в газете московских большевиков «Социал-демократ», 1917, № 159, 16 сентября, под псевдонимом «Кастерный». Стихотворение приобрело широкую известность, особенно среди солдат, и вызвало озлобление буржуазной печати, которая требовала применения к автору судебных репрессий.

Письмо Яким Нагого (гл. XIII).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 79, 11 июня (датировка дана автором по новому стилю). Первопечатный текст сопровождался следующим эпиграфом из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

...В деревне Босове
Яким Нагой живет.
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..
.....
Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.

Подписи автора под стихотворением не было. За подписью «Яким Нагой» стояла следующая приписка:

— А может кто другой?
Корректор.
— Товарищ корректор, стыдитесь.
Предоставьте розыск «Единству».

В ы п у с к а ю щ и й.

«Единство» — см. прим. к стихотворению «Оживающие».

Атаманская нагайка (гл. XIV).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 51, 7 мая. Стихотворение сопровождалось эпиграфом — сообщением газеты «Биржевые ведомости» (1917, 4 мая) о надеждах, которые контрреволюция возлагает на казачество.

Что нам в пользу — то и гоже... (гл. XV). Глава эта во многом совпадает с текстом стихотворения «Туман», опубликованного Демьяном Бедным в «Правде», 1917, № 53, 10 мая.

К архипастырю Андрею, из Уфы архиерею... — Имеется в виду епископ Андрей Уфимский, благословлявший в буржуазной газетке «Биржевые ведомости» («Биржевке») политику продолжения империалистической войны. Стихотворению «Туман» был предпослан эпиграф из вечернего выпуска «Биржевых ведомостей», содержащий «изречения» Андрея Уфимского.

«Контрразведчики» (гл. XVI).— Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 91, 25 июня, за подписью «Мужик Вредный».

Разгромили «Правду» снова... (гл. XVII).— 5 июля 1917 г. по распоряжению Временного правительства редакция «Правды» была разгромлена юнкерами и казаками. После этого центральный орган партии вплоть до Октябрьских дней выходил под другими названиями («Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь»). Ответственным редактором центрального органа партии весь этот период был И. В. Сталин.

Съезд в Москве устроить нужно... (гл. XVIII).— Имеется в виду участие меньшевиков и эсеров в Московском государственном совещании (август 1917 г.), которое в обращении ЦК РСДРП (большевиков), опубликованном 21 августа, было квалифицировано как орган контрреволюционной буржуазии.

Съезд в Москве прошел на диво... (гл. XIX) — см. предыдущее примечание.

Либер М. И. и Дан Ф. И.— меньшевистские лидеры, которые в 1917 г. были сторонниками «оборончества» и стояли за коалицию с буржуазией. И. В. Сталин называл Либерера и Дана «фальсификаторами», «предателями демократии» (см. И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 314).

«Либердан» (гл. XIX).— Фельетон впервые опубликован в газете московских большевиков «Социал-демократ», 1917, № 141, 25 августа. Либердан — контаминация имен Либерера и Дана, кличка, которая прочно закрепилась за этими меньшевистскими вожаками после фельетона Д. Бедного. В. И. Ленин и И. В. Сталин неоднократно использовали эту кличку, клеймя предательскую политику меньшевиков. В «Письме к товарищам» В. И. Ленин писал: «Либо переход к Либерданам и *открытый* отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Средины нет». И далее: «Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эсеров и меньшевиков состоит в *колебаниях*» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 171, 175). В письме от 19 октября 1917 г., адресованном Центральному Комитету РСДРП, В. И. Ленин отмечал, что «...Зиновьевы верят Либерданам...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 195. См. также статьи В. И. Ленина «О героях подлога и об ошибках большевиков», «Из дневника публициста», «Кризис назрел»). И. В. Сталин в статье «Отклики» указывал, что против требования большевиков о передаче земли крестьянам высказались «...правые эсеры вместе с либерданцами...» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 316).

Милюков П. Н.— лидер кадетской партии, представитель крупной империалистической буржуазии, один из министров Времен-

ного правительства первого состава, проводивший политику продолжения империалистической войны и подавления революции.

На Москве устроив танцы... — см. прим. к гл. XIX четвертой части.

Часть пятая

Большевистский Октябрь

Разрыв-трава (гл. I).—Впервые опубликовано в «Рабочем пути», 1917, № 8, 1 августа. Здесь и в первой редакции поэмы (П. 1918, стр. 111) автор снабдил заголовок этого стихотворения следующим примечанием: «По народному поверью, «разрыв-трава» цветет только в полночь под Ивана-Купала, и тот, кто получит цвет «разрыв-травы», приобретает власть над всеми тайными кладами».

Смольный (гл. VII) — здание бывшего Смольного института для «благородных девиц», где осенью 1917 г. помещались Центральный Комитет большевистской партии и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов с созданным при нем Военно-революционным комитетом. Из Смольного В. И. Ленин и И. В. Сталин руководили Октябрьским вооруженным восстанием. Здесь же заседал 2-й съезд Советов, провозгласивший советскую власть.

Похороны (гл. XIV).— Впервые опубликовано в газете «Рабочий», 1917, № 2, 8 сентября, за подписью «Покойник».

Барские слезы (гл. XIV). — Впервые опубликовано в «Правде», 1917, № 187, 25 ноября (т. е. после опубликования основного текста повести), за подписью «Мужик Вредный».

Милюкову — Сладкопевцу Дарданельскому... — Кличка «Дарданельский» была присвоена Милюкову за проводившуюся им политику продолжения империалистической войны.

Церетели И. Г. — один из лидеров меньшевиков, отстаивавший политику войны и соглашения с буржуазией, входил в состав первого коалиционного министерства, сформированного в мае 1917 г. социал-предателями совместно с буржуазией.

Авксентьев Н. Д. — эсер, министр внутренних дел коалиционного правительства после июльских дней 1917 г.

Корнилов Л. Г. — см. ниже прим. к гл. XVI.

Каледин А. М. — казачий генерал, один из главарей монархической контрреволюции.

Керенский А. Ф. (гл. XV) — эсер, по профессии адвокат, занимавший ряд министерских постов в буржуазном Временном правительстве, а после кровавых июльских дней 1917 г. ставший

во главе этого правительства. Служа интересам империалистической буржуазии, проводил политику «войны до победного конца» и борьбы с нарастающей революцией.

Как Корнилов-генерал артиллерию сбирал... (гл. XVI).— Имеется в виду контрреволюционный заговор бывшего царского генерала Корнилова, предпринявшего в конце августа 1917 г. поход на Петроград с целью подавления революции и установления военной диктатуры. Корниловщина была разгромлена благодаря мерам по обороне Петрограда, принятым большевиками, а также благодаря успешной большевистской агитации среди корниловских солдат. В. И. Ленин на заседании ЦК РСДРП 16 (29) октября 1917 г., как отмечено в протокольной записи, говорил: «...Массы идут за нами. Это было еще до корниловщины... Корниловщина же еще решительнее толкнула массы к нам» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 163).

Предпарламентик устроим... (гл. XVII).— С целью ослабить нарастание революции меньшевики и эсеры создали 12 сентября 1917 г. так называемое «Демократическое совещание», которое выделило Предпарламент (Временный совет республики). «Соглашатели думали при помощи Предпарламента приостановить революцию и перевести страну с пути советской революции на путь буржуазно-конституционного развития, на путь буржуазного парламентаризма. Но это была безнадежная попытка обанкротившихся политиков повернуть назад колесо революции. Она должна была потерпеть крах и действительно потерпела крах («История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, стр. 195). И. В. Сталин в статьях «Кто срывает Учредительное собрание?» и «Кому нужен предпарламент?» назвал предпарламент «корниловским выкидышем» (См. И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 359, 365, 366).

Люд рабочий да солдаты... (гл. XVII).— Этими и последующими строками в повести отмечено начало Октябрьского вооруженного восстания.

СОДЕРЖАНИЕ

Демьян Бедный. Вступительная статья А. А. Волкова	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ, ЭПИГРАММЫ, БАСНИ, СКАЗКИ, ПОВЕСТИ

1908

С тревогой жуткою...	31
Сынок	32
Письмо из деревни	34

1909

Не примирился, нет...	36
О Демьяне Бедном, Мужике Вредном	37

1910

Чудных три песни...	39
Праздник	40
Бывает час: тоска щемящая...	42

1911

Сонет	44
Ночной порой, когда луна...	45
Тщетно рвется мысль...	46

«Молчи!»	47
Не стало пламенных бойцов...	48
Когда наступит срок...	49

1912

Кукушка	53
19 февраля	54
Звезда	55
«Трибун»	56
Отцы и дети	58
Благотворитель	59
Хозяин и батрак	60
«Народник»	62
«Диво»	63
Лена	65
Опекуны	66
Гуманность	68
Притон	70
Ни тьма, ни свет	72
Полна страданий наших чаша...	73
Газета	74
Опека	75
«Союзники»	77
Правда, Кривда и Копейка	78
Поют	79
Рыболовы	81
Кашевары	83
Поджигатели	85
Порода	87
Сынок («Помещик прогорел...»)	89
«Пес»	90
Работница	92
Правдолюб	93
Волк	94
Сватовство	96
Тереха	97
Союз арапов	99
«Убийца»	100
«Вещунья»	102
Лето	103

Полкан	105
Гипнотизер	106
Благодарность	108
Дом	109
Лапоть и сапсг	113
Предвыборное положение	115
Хоровод	116
Баня	118
Свинья	120
Гастролер	122
Питомник	124
Кларнет и рожок	128
Венчание в деревне	129
Подхалим и юла	131
Размахнулся б я басней задорною...	132
Жук и крот	133
Эстетик	135
Ложка	137
Опекун	139
Гастроном	141
Лицедей	142
Пари	144
Бунтующие зайцы	145

1913

Силуян	146
Воры	147
«Администратор»	149
Опекун на старый лад	151
Свеча	153
«Натуралист»	155
Ослы	157
Урожай	159
Утешение	160
«Свобода» печати	162
Азбука	164
Предпраздничное	166
Муравьи	167
Паук, муха и пчела	170
Хозяин	172

Горемыка	173
Голь	175
Не так, так этак	177
Клоп	179
«Благодетель»	180
Иные времена	181
Недоумение	183
«Свои козыри»	184
«Речь»	185
Эпитафия «России»	186
«Газета-копейка»	187
«Наш путь»	188
Товарищам москвичам	190
Административный «Соломон»	191
Ерши и вьюны	192
Прогрессивная мошна	194
«Привычка»	195
Цензор	196
Москвичам	197
«Долой!»	198
Зараза	199
Пробуждение	200
Предусмотрительность	202
План	203
Вьюны	205
Щука и ерши	206
«Молоко»	208
Друзьям	209
Волк-правитель	211
Клад	214
Суд	218
Будильник	222
Чертовщина	224
Всякому свое	229
Звонок	230

1914

«Пирог да блин»	234
Что верно, то верно!	237
Рабочим	238
И там и тут	239

Добряк («Какой-то филантроп...»)	240
Змея	241
Куры	242
Диво дивное	247
Из книги бытия рабочей газеты	253
Продолжение	254
Май	255
Слепой и фонарь	256
Evet, Effendim!	257
Купидоша	259
Горе-кузнец	260
Крысы	264
Бакинская «дыня» 1914 года	270
«По основе!»	271
Административный юмор	272
Законники	273
Чиж-трезвенник	275
Мокеев дар	278
Кровное	279
Птицы	280
Пушка и соха	281
В церкви	282

1915

«Предусмотренные»	283
Куплетисты	284
Щегол	285
Феак	287
Закон и «Правда»	289
Столп отечества	290
Радость	292
Анчутка-заимодавец	294
Усы да борода	296

1916

Строки	300
«Чудо»	301
Дело хозяйское	302
Похвалы	303

Против укуса	304
Ум («Вельможный некий готтентот...»)	305
«Баталисты»	307
«Морока»	308

1914—1916

Басни эзона

Лев, лиса и олень	313
«Врач»	316
Мальчик и прохожий	317
Пескарь	318
Слепой	319
Плакальщицы	320
Ответ	321
Помощь	322
Колесо и конь	323
Волк и лев	324
Волк и овца	325
Дуб и клинья	326
Геракл и Плутос	327
Осел и лев	328
Добряк («Расхвастался Медведь перед Лисой...»)	330
Ум («Однажды Барс перед Лисою...»)	331
Гермес	332

1917

На заезжем дворе	333
Тофута Мудрый	335
«Мест больше нет»	337
«Власть» тосковала по «твердыне»...	338
Сваха	339
Господам клеветникам из буржуазных газет	340
Свое	341
«Петельки»	343
За живое	344
Народная примета	345
Укрепляйте «Правду!»	346
Братание после смерти	348

Разгрузка	349
Оживающие	350
Заем	352
Чужое и свое	354
Кооператоры	356
Мой стих	358
Социал-заики	359
Страдания следователя...	361
Про землю, про волю, про рабо- чую долю	362
П Р И М Е Ч А Н И Я	495

Редактор *В. Борисова*
Художник *Н. Шишовский*
Художеств. редактор *Н. Мухин*
Технич. редактор *Д. Ермоленко*
Корректоры *В. Брагина* и
В. Покровская

*

Сдано в набор 26/VI—53 г. Подпи-
сано к печати 3/XII—53 г. А07254.
Форм. бум. $84 \times 108 \frac{1}{2} = 8,75$ бум. л.
28,7 печ. л. Уч.-изд. л. 22,84+1 вкл. =
22,89 л. Тираж 75 000. Заказ № 434.
Цена 10 р.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Вальсвая, 28

